

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный университет»

На правах рукописи

Бобров Денис Сергеевич

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОСВОЕНИЯ
РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ
ВЕРХНЕГО ОБЬ-ИРТЫШЬЯ (АЛТАЯ)
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор
Скубневский Валерий Анатольевич

Барнаул – 2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Формирование пространственной модели Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в первой половине XVIII в.....	53
1.1. Административные объекты Верхнего Обь-Иртышья в системе пространственной модели региона.....	53
1.2. Складывание государственной границы России в Верхнем Обь-Иртышье. Проблема государственных рубежей в административном дискурсе.....	70
Глава 2. Система управления Верхним Обь-Иртышьем в первой половине XVIII в.	110
2.1. Организация системы управления Верхним Обь-Иртышьем. Колыванские заводы в политике кузнецкого воеводы.....	110
2.2. Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья в системе управления регионом	138
2.3. Организация управления Верх-Иртышскими крепостями.....	182
Заключение.....	203
Список сокращений.....	209
Список источников и литературы.....	210
Приложения.....	247

Введение

Актуальность исследования. Генерализация имперской государственности в России на протяжении XVIII столетия обусловила появление в административной повестке вопроса о наиболее эффективных способах пространственного укрупнения страны, колонизации и инкорпорации присоединенных окраин. Интенсификация освоенческих процессов, прежде всего, в восточных районах России потребовала выработки комплекса апперцептивно-регулируемых рычагов воздействия власти на административные, социально-экономические и даже физико-географические параметры пространства с целью их наиболее рациональной трансформации и приведения к соответствию общегосударственным характеристикам. Такие каналы трансляции воли имперского центра как освоителя могут быть названы механизмами государственной политики.

Важной задачей разворачивавшегося в XVIII в. восточного вектора политики Российской империи становилось военно-стратегическое закрепление и активное хозяйственное освоение южных районов Западной Сибири. Одним из наиболее важных в геополитическом плане становился район междуречья двух крупных сибирских рек Оби и Иртыша, то есть Верхнее Обь-Иртышье. Российское проникновение в предгорья Алтая натолкнулось на существенное противодействие со стороны государства кочевых западных монголов (ойротов) – Джунгарского ханства¹, позиционировавшего верхние бассейны Оби и Иртыша, точнее население соответствующей области, исключительно как предмет собственных интересов.

Начало XVIII в. ознаменовалось попыткой имперских властей военно-инженерными методами укрепиться в Верхнем Приобье. На первом этапе проникновения и закрепления за Россией Верхнего Обь-Иртышья приоритет отдавался военно-инженерной и фортификационной политике, которые, по версии центральной администрации, были призваны стабилизировать военно-

¹ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635 – 1758). 2-е изд. М., 1983. С. 19-34, 211-252.

политическое положение района и обеспечить должный уровень крестьянского заселения, а также эксплуатацию потенциала природных недр. Несостоятельность ставки государства на воздействие исключительно милитаристскими инструментами при освоении предгорий Алтая стала очевидна практически сразу.

В этих условиях задачи освоения Верхнего Обь-Иртышья потребовали от имперского центра привлечения комплекса механизмов государственной политики: помимо уже упомянутой военно-фортификационной и инженерной политики к числу таковых стоит отнести дипломатическую политику; административно-территориальное и административно-хозяйственное деление, а также регламентацию пользования природными ресурсами; формирование и регулирование структуры поселенческой сети; картографирование территории и создание пространственной модели региона; складывание законодательного поля осваиваемой области и его интеграция в общеимперскую правовую систему; организация системы управления регионом.

Ключевую роль при этом приобретали именно политические (политико-правовые) механизмы, поскольку они были напрямую связаны с деятельностью государства или сферой его интересов в междуречье Оби и Иртыша.

Интерес к соответствующей проблематике обусловлен неослабевающим вниманием специалистов к стратегиям и практикам присоединения отдаленных пространств России, а также их интеграции в политико-экономическую систему страны в период Нового времени. Обращение к феноменам государственной границы и системы управления Верхним Обь-Иртышьем в контексте относительно рыхлого «освоенческого фундамента» первых десятилетий XVIII в. позволяет в определенной степени дополнить картину имперской политики колонизации южных районов Западной Сибири. Изучение административно-отраслевой коммуникации по линии «имперский центр – осваиваемая окраина» на фоне разворачивавшейся в регионе модернизации способствует определению исторического места Алтая в административно-политической структуре Российской империи образца XVIII в. В свою очередь, восстановление управленческих реалий освоенческого процесса первой половины столетия в

состоянии расширить существующую систему сведений о первоначальных этапах истории региона, раскрыть ранее не выявленные факторы и предпосылки преобразований в политико-правовой среде Алтая середины – второй половины XVIII в.

В более широком ракурсе опыт исследования генезиса и развертывания политико-правовых механизмов в условиях активизации освоения приграничных территорий создает условия не только для определения характера влияния этого процесса на развитие имперского экстенсивного способа пространственного укрупнения, но также для выявления способов рационализации и организации ресурсно-сырьевой базы систем локального администрирования. Кроме того, реконструкция соответствующих механизмов воздействия государственной власти на инкорпорируемые области обнажает необходимость углубления научных представлений о связи пространственного и административного факторов в процессе освоения, их совместной роли в региональных трансформациях имперского периода.

Степень изученности темы. Гетерогенная, многоаспектная и инвариантная природа механизмов государственной политики освоения Алтая в первой половине XVIII в. детерминирует необходимость построения анализа историографического массива литературы по проблемно-хронологическому принципу. Он предполагает расчленение широкого спектра специальных работ на несколько тематико-целевых блоков, содержание которых, в свою очередь, так или иначе соотносится с политико-правовыми инструментариями воздействия государства на региональное пространство Алтая. Внутри каждой группы труды рассматриваются в порядке своего выхода.

Среди многочисленных аспектов освоения восточных имперских окраин XVIII в. едва ли не лучше всего изучены вопросы выстраивания верхних и медиальных уровней административной вертикали. Разработка вопросов регионального управления была начата еще в дореволюционной историографии. Н.Н. Оглоблин составил подробное обозрение документов, относящихся к

деятельности сибирских воевод XVII – начала XVIII в.² Первый опыт обращения к Наказам сибирским воеводам XVII в. представлен в работе В. Кулешова³. Ю.В. Готье одним из первых в отечественной науке обратился к проблеме компетенций воевод и губернаторов. Ставшие документальной основой исследования инструкции губернаторам и указы воеводам XVIII в. позволили автору отследить процесс рационализации функционального статуса регионального и местного звеньев системы управления на протяжении первой половины столетия⁴.

В советской историографии внимание специалистов в основном было сконцентрировано на изучении ретроспективы административных реалий центральных органов государственной власти. Н.П. Ерошкин раскрыл ведущие тенденции эволюции государственных учреждений в широком хронологическом интервале IX – начала XX в.⁵ Реформы регионального и местного звеньев общеимперской системы управления первой половины XVIII в. рассматриваются историком в качестве неотъемлемого проявления тенденций бюрократизации и становления абсолютной монархии. Н.Ф. Демидова обратилась к специфике эволюции государственного аппарата образца позднего периода сословно-представительной монархии и пришла к выводу о всеобъемлющем охвате бюрократизации как черты различных звеньев структуры управления конца XVII в.⁶

Историография последней четверти XX в. – начала XXI в. не ослабила интерес к выстраиванию и функционированию в Сибири регионального и местного звеньев системы управления. Л.С. Рафиенко подробно проанализировала нормативно-правовые основы деятельности и специфику административного статуса сибирского губернатора на протяжении XVIII в.⁷ На

² Оглоблин Н.Н. Обзор столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 1: Документы воеводского управления. М., 1895.

³ Кулешов В. Указы сибирским воеводам в XVII в.: исторический очерк. 2-е изд. Болград, 1894.

⁴ Готье Ю.В. История областного управления от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913; Т. 2. Л., 1941.

⁵ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 76-103.

⁶ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

⁷ Рафиенко Л.С. Управление Сибирью в 20-80-е гг. XVIII в.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1968; Она же. Компетентность сибирского губернатора в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): сб. ст. памяти В.И. Шункова. М., 1973. С. 364-380; Она же. Города Сибири в общей системе городского управления России в 40-70-х гг. XVIII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной

базе обширного источникового корпуса исследователем убедительно показано неуклонное усиление власти губернатора на протяжении 30-70-х гг. столетия. М.О. Акишин воссоздал медиальный уровень структуры управления Сибирским краем XVIII в. в контексте общегосударственных преобразований и социально-политических процессов в бюрократической среде соответствующего периода. Выделяя этапы в административных пертурбациях первой половины столетия, автор показал укоренение на местах принципа единоначалия управления и отсутствие динамики сферы полномочий губернаторов и воевод⁸. О.Ю. Шаходанова предприняла попытку проблемно-аналитической реконструкции деятельности местных органов управления Сибири⁹. В этом свете применительно к XVII в. автор рисует небесспорную картину борьбы воевод со «служилым войском», в результате которой некоторые решения первых могли отзываться или пересматриваться под давлением социально-политической организации служилых людей. Кроме того, О.Ю. Шаходанова характеризует ситуацию в административной среде Сибири начала XVIII в. как кризис воеводского управления, обусловленный определенным ограничением прав уездных управителей.

Проблема воеводского управления в Сибири оказалась в центре внимания Е.В. Вершинина и Д.А. Ананьева. Е.В. Вершинин, обратившись к анализу наказов как нормативно-правовой основы деятельности воевод XVII в., пришел к выводу об унификации к концу столетия не только соответствующих документов, но и стабилизации сферы компетенции уездных управителей¹⁰. Д.А. Ананьев, с одной стороны, вслед за Л.С. Рафиенко и М.О. Акишиным провел генетический анализ наказов сибирским воеводам, с другой – представил механизм функционирования

жизни Сибири. Новосибирск, 1975. С. 59-68; Она же. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII-XIX вв.: Избранное. Новосибирск, 2006. С. 22-61.

⁸ Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 5-109; Акишин М.О., Ремнев А.В. Управление Сибири XVI – начала XX в.: административная политика, структура и люди // Власть в Сибири. XVI – начало XX в.: Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 7-37; Он же. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. Новосибирск, 2003. С. 28-98.

⁹ Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2000. С. 78-109.

¹⁰ Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998.

воеводской канцелярии образца XVIII в.¹¹ Несмотря на не столь существенный для соответствующих выводов круг источников, историк изображает административную среду первой половины XVIII в. в качестве времени плавной трансформации от личности воеводы как ведущего фактора осуществления управленческого процесса к канцелярскому бюрократизму как важнейшему условию эффективности функционирования местного управления.

Современный этап развития историографической мысли характеризуется стремлением представить единый интегрированный подход к изучению в целом управления Сибирью как имперской окраины в широком хронологическом диапазоне XVIII – первой половины XIX в.¹² Соответствующие диссертационные исследования, как правило, базируются на практически известном специалистам массиве источников, но детализируют содержание тенденций, протекавших в административной среде региона в первой половине XVIII в.

Реконструкция политико-правовых механизмов освоения южных районов Западной Сибири невозможна без учета вопроса так называемой крестьянской колонизации. Авторитетнейшие отечественные историки крестьянства. В.А. Александров, М.М. Громыко, Н.А. Миненко, В.И. Шунков и З.Я. Бояршинова рассматривали различные аспекты крестьянской колонизации на общесибирском материале. В центре их внимания оказывались проблемы взаимодействия крестьянских органов самоуправления и рядового крестьянства с приказчиками. Исследователи приходят к схожим выводам о том, что как такового «всевластия» приказчиков не существовало, более того, последние вынуждены были либо добровольно считаться с позициями крестьянских старост (В.А. Александров, Н.А. Миненко)¹³, либо делать это с целью снижения напряженности в

¹¹ Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск, 2005; Он же. Воеводы в судебной системе Сибири в XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири в XVIII в. 2005. № 2. С. 40-43; Он же. Воеводское управление в Сибири в XVIII в.: особенности процесса бюрократизации // Российская история. 2007. № 2. С. 3-15.

¹² См., например: Красняков Н.И. Становление системы государственного управления в Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004; Гергилев Д.Н. Развитие системы административного управления Сибирью в XVIII – первой трети XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2010.

¹³ Александров В.А. Возникновение сельской общины в Сибири в XVII в. // История СССР. 1987. № 1. С. 54-68; Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск, 1991. С. 10-11.

крестьянской среде (М.М. Громько и В.И. Шунков)¹⁴. З.Я. Бояршинова и вовсе обратилась к вопросу о дихотомии промысловой и крестьянской колонизаций, придя к выводу о том, что в Сибири возобладала именно последняя¹⁵.

С этих позиций томским историком в соавторстве с В.И. Шунковым были написаны главы в академическом и учебном пособии по истории Сибири, ставшие фундаментальными сочинениями по истории освоения региона¹⁶. Как в этих работах, так и в специальном издании, посвященном крестьянству Сибири,¹⁷ фактически провозглашается идея исключительного приоритета крестьянской колонизации над государственной.

Однако среди специалистов по истории крестьянства в это же время начинает вызревать компромиссная точка зрения. М.М. Громько на конкретном историческом материале показала существование вольной, смешанной и правительственной форм миграции русского населения Западной Сибири в XVIII в.¹⁸ Исследователь пришла к выводу о преобладании в Западной Сибири XVIII в. так называемой смешанной формы колонизации, явившейся следствием консенсуса между стремлением государства легализовывать и направлять освоительские процессы, а также предотвращать массовые недовольства крестьян, самоустранившись от расходов и наладив эффективно функционировавшую хозяйственную систему.

Близкой точки зрения придерживается и Г.Ф. Быконя. Красноярский исследователь подмечает, что правительственная колонизация юга Восточной Сибири, проводившаяся, в первую очередь, с военно-оборонительными и фискальными целями, быстро трансформировалась в легальную и самовольную,

¹⁴ Громько М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. С. 23-30; Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М., 1946. С. 205-214.

¹⁵ Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1949; Она же. О феодальных отношениях в русской деревне Сибири в XVII — первой половине XIX в. // Бахрушинские чтения 1969 г.: мат. конф. по актуальным проблемам истории Сибири / ред. колл. Н.Я. Гуцин (ответ. ред.), О.Н. Вилков, Г.А. Докучаев, В.Л. Соскин, В.И. Шишкин. Новосибирск, 1970. С. 53-58; Она же. Земельные сообщества в Сибири в XVII — начале XVIII в. // Крестьянская община Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 73-79.

¹⁶ История Сибири с древнейших времён и до наших дней. Т.2: Сибирь в эпоху феодализма / ответ. ред. тома А.П. Окладников, В.И. Шунков. Л., 1968. С. 25-40, 124-137, 300-311; История Сибири: учеб. пособ. Томск, 1987. С. 32-57.

¹⁷ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

¹⁸ Громько М.М. Западная Сибирь в XVIII в.... С. 17-106; Она же. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.

явив собой вариант «смешанной» колонизации. В дальнейшем именно он детерминировал освоение юго-восточных окраин России, но в то же время предотвратил завершение процесса огосударствления Сибири к концу XVIII в.¹⁹

История заселения Среднего Приобья (Притомья и Томского Приобья) в XVII – начале XVIII в. обстоятельно изучена Н.Ф. Емельяновым. Автором дан общий анализ численности, социального состава и хозяйственной деятельности автохтонного и русского населения Западной Сибири в этот период времени. В более широком ракурсе томский историк рассматривал процесс заселения Сибири русскими в контексте усиления или ослабления крепостничества в стране или регионе, как некую результирующую сумму вольнонародной и правительственной колонизации. Последняя была возможна лишь при совместной исторической динамике связки абсолютизма и феодализма²⁰.

Характерная для советских историков крестьянства черта повышенного внимания отдельного специалиста к одной ограниченной локальной области применительно к Верхнему Приобью нашла отражение в фундаментальной работе Ю.С. Булыгина «Первые крестьяне на Алтае»²¹. Обобщив доступный ему документальный массив, известный алтайский историк характеризовал процесс освоения Верхнего Обь-Иртышья как арену конкуренции крестьянской и правительственной (имперской) колонизации, где с небольшим преимуществом протекала первая. В такой трактовке крестьянская колонизация создавала социально-экономический плацдарм для закрепления Российского государства в регионе, выступала одним из факторов обеспечения обороноспособности острогов и крепостей.

¹⁹ Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985; Он же. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007; Он же. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.: монография [Электронный ресурс]. Красноярск, 2013.

²⁰ Емельянов Н.Ф. Заселение и земледельческое освоение русскими Среднего Приобья в XVII – первой четверти XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1971; Он же. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности) / отв. ред. В.И. Матющенко, Н.А. Томилов. Томск, 1980; Он же. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху / отв. ред. В.И. Матющенко. Томск, 1981; Он же. Спорные вопросы истории феодальной Сибири / отв. ред. В.В. Пундани. Курган, 1991.

²¹ Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 5-37.

Совершенно иной подход к освоению Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) представлен в работах, посвященных фортификационной и военно-инженерной политике России на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в.

В дореволюционный период были заложены предпосылки активизации внимания специалистов к фортификационному строительству на окраинах Российского государства. Ф.Ф. Ласковский на обширном историческом материале проанализировал динамику стратегической фортификации в России, связал ее с изменениями в политической элите страны, а в сибирской тактической фортификации он видел «смесь крепостных систем времен первых завоевателей Сибири и полтавских победителей»²². Л. Фриман одним из первых предметно обратился к структуре западносибирских укрепленных линий, подчеркнув их удачное стратегическое и тактическое расположение²³.

В советский период уже региональные специалисты обратились к проблематике возникновения российских укреплений в Верхнем Обь-Иртышье. Известный краевед А.Д. Сергеев сосредоточился на некоторых фактических обстоятельствах сооружения отдельных острогов в Верхнем Приобье, крепостей Иртышской и Кольванской оборонительных линий²⁴. В трудах Ю.С. Булыгина и А.П. Уманского предпринята попытка проследить реализацию на практике административной иерархической линии «кузнецкий воевода – служилые люди», особенно в части обстоятельств сооружения инженерных укреплений в Верхнем Приобье²⁵.

С.Ю. Исупов, ставя своей целью детальную реконструкцию внешнего облика Бикатунского острога, динамики численности его гарнизона и инфраструктурных особенностей снабжения, в результате изысканий пришел к выводу о том, что крепости Верхнего Приобья являлись ключевыми элементами военно-

²² Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. В 4-х т. Т. 1-4. СПб., 1858-1866.

²³ Фриман Л. История крепости в России. Ч. 1: До начала XIX столетия. СПб., 1895.

²⁴ Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. Барнаул, 1975.

²⁵ Булыгин Ю.С. Выход русских к реке Бии и основание Бикатунской крепости // Города Алтая эпохи феодализма и капитализма: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 1986. С. 3-24; Уманский А.П. Новые документы по истории классово-борьбы в Томске и Кузнецке во второй половине XVII – XVIII вв. // Города Алтая эпохи феодализма и капитализма: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 1986. С. 24-42; Он же. Указная грамота Петра Великого о сооружении Бикатунского острога // Алтайский сборник. Вып. XVI. Барнаул, 1995. С. 181-189; Он же. Кузнецк и Алтайские остроги // Кузнецкая старина. Вып. 3. Новокузнецк, 1999. С. 3-17.

колониционного процесса, развернутого в регионе центральными и региональными властями²⁶. Источниковая база публикаций историка и краеведа в большинстве своем представлена документами из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), что не позволило с максимальной точностью восстановить структуру гражданского управления острогами, делимитировать институциональные различия органов общего и военного администрирования.

Схожий характер имеют исследования А.Ю. Огурцова. Он рассматривает административно-политические преобразования в Верхнем Обь-Иртышье, заселение и хозяйственное освоение края, российские посольства в Джунгарию в контексте военно-инженерной политики государственного центра, которая, по мнению исследователя, превращалась в ведущий фактор стабилизации ситуации в регионе, а российские укрепления становились опорными пунктами развития административно-правовой среды Алтая²⁷. С.Р. Муратова убедительно доказала, что процессы сооружения и функционирования Сибирских укрепленных линий в середине – второй половине XVIII в. явились прямым следствием активной фортификационной политики Российского государства в Верхнем Обь-Иртышье в первой четверти XVIII в. В этом свете тобольский историк еще раз подчеркивает, что строительство оборонительных линий обуславливалось необходимостью стабилизации границ с Джунгарией, а становление системы охраны Колывано-Воскресенских заводов выступило ответом на многочисленные набеги

²⁶ Исупов С.Ю. К вопросу о месте сооружения Бикатунского острога 1709 г. // Краеведческий вестник (историко-публицистический альманах БКМ им. В.В. Бианки). Бийск, 1998. Вып. 8. С. 9-15; Он же. Бийск: острог, крепость, город. Бийск, 1999; Он же. Основные моменты истории отдельного Сибирского корпуса в первой половине XVIII в // Вопросы истории археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 232-245; Он же. Приказчики и коменданты Бийской крепости // Бийские градоначальники: исторические очерки. Бийск, 2002. С. 11-21; Он же. Крепость Бийская – есть главная. Бийск, 2009; Он же. Роль Бийской крепости в военно-колониционной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №4/3. С. 91-94; Он же. Динамика изменений численности гарнизона Бийской крепости в первой половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые науч. чтения пам. проф. А.П. Бородавкина: мат. конф. Барнаул, 2011. С. 95-96; Исупов С.Ю., Васина И.И. Основание первых поселений военнослужащих на Колывано-Кузнецкой укрепленной линии во второй половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые науч. чтения пам. проф. А.П. Бородавкина: мат. всерос. конф. Барнаул, 2013. С. 92-93.

²⁷ Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1990; Он же. Иртышская пограничная линия // Кузнецкая старина. Вып. 3. Новокузнецк, 1999. С. 19-35; Он же. Кузнецкий гарнизон // Кузнецкая крепость. 2004. № 1. С. 11; Он же. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. Вып. 9. Новокузнецк, 2007. С. 40-67.

кочевников²⁸. Роль военной политики Российского государства в освоении западносибирского региона в конце XVI – начале XVIII достаточно подробно представлена в работах В.Д. Пузанова²⁹. Автором изучен феномен «годовальщиков» и сменяемости казачьих команд, показана зависимость земледельческого освоения Южной Сибири от служилой колонизации.

В заочной дискуссии крестьяноведов и специалистов по военной и военно-инженерной колонизации относительно ведущих факторов освоения Алтая в первой половине XVIII в. компромиссную точку зрения занял И.П. Каменецкий. Резюмируя итоги освоения юго-западных окраин Кузнецкого уезда в первой четверти XVIII в., исследователь указывает на то, что возведенные в Верхнем Приобье остроги способствовали значительному насыщению локальной территории русским земледельческим населением, а появление новых населенных пунктов, в свою очередь, повышало уровень военно-политической стабильности³⁰.

В ряде работ Е.Н. Евсеева, Е.А. Княжецкой, В.А. Моисеева и Д.Я. Резуна³¹ рассматриваются фактические обстоятельства экспедиций И.Д. Бухгольца, И.М. Лихарева и сооружения русских крепостей в Верхнем Прииртышье. События

²⁸ Муратова С.Р. На страже рубежей Сибири: строительство сибирских укрепленных линий. Тобольск, 2007; Она же. Сибирские укрепленные линии в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. С. 25-89; Она же. На страже рубежей Сибири // Национальные культуры региона: научно-методический и репертуарно-информационный альманах. Тюмень, 2007. Вып. 16. С. 32-46; Муратова С.Р., Тычинских З.А. Служба казаков-годовальщиков на границах Западной Сибири в XVII – XVIII вв. (на примере служилых татар) // Современная наука. 2011. № 1. С. 120-125; Муратова С.Р. Особенности развития торговли в пограничных крепостях на южной границе Западной Сибири в XVIII в. // Сибирский сборник: сб. ст. Курган, 2015. С. 71-87.

²⁹ Пузанов В.Д. Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 132-142; Он же. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVIII в.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2010; Он же. Военная политика Русского государства в Западной Сибири. Сургут, 2011; Он же. Беломестные казаки в Сибири в XVII – первой трети XVIII в. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 71-86; Он же. Русское государство, тюркское население и ойраты в Западной Сибири в первой трети XVII в. // Сибирский сборник: сб. ст. Курган, 2015. С. 121-135; Он же. Командировки служилых людей города Тобольска в Томский разряд в XVII в. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 150-156; Он же. Военная служба нерегулярных частей Российской империи в Сибири в XVIII в. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 60-67.

³⁰ Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.

³¹ Евсеев Е.Н. Экспедиция И.Д. Бухгольца и основание Омской крепости // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 47-59; Княжецкая Е.А. Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева (1719 – 1720 гг.) // Страны и народы Востока. Вып. XXVI: Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). М., 1989. Кн. 3. С. 10-35; Моисеев В.А. Экспедиции И.Д. Бухгольца и И.М. Лихарева в верховья Иртыша и их влияние на русско-джунгарские отношения // Исследования по всеобщей истории и международным отношениям: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 1997. С. 100-114; Резун Д.Я. Поход Бухгольца и Северная война // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII-XX веках: сб. мат. международ. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 30-34.

1715 – 1720 гг. детализируются в контексте их влияния на русско-джунгарские и русско-казахские отношения, а также на динамику геополитической обстановки в регионе. В большинстве своем авторы склоняются к мысли о невозможности достижения военными командами своих целей в полном объеме при недостатке у экспедиций ресурсного и информационного потенциала для завладения районами верховий Иртыша.

Несколько иная картина освоения Верхнего Прииртышья изображается в трудах казахстанских специалистов. Ставшее на долгие годы хрестоматийным сочинение Н.Г. Аполлова достаточно гибко характеризовало геополитическую ситуацию в Средней Азии XVIII в., указывая на взаимное тяготение российской и казахской элит друг к другу³². В последней четверти XX – начале XXI в. под пристальным рассмотрением казахстанских историков оказались джунгаро-казахские отношения XVII – первой половины XVIII в.³³ После 1991 г. определенная часть казахстанской историографии обратилась к агрессивному переосмыслению проблемы вхождения Казахстана в состав Российской империи. В обобщающих и учебных работах дискредитируется тезис о добровольности этого процесса и его исключительном «благе для казахов»³⁴. Как следствие, в тень уходят нюансы развертывания российскими властями политико-правовых механизмов освоения Верхнего Прииртышья.

Другим важным фактором освоения Российским государством Верхнего Обь-Иртышья становилась промышленная колонизация региона, связанная с генезисом горно-металлургического производства на Алтае при А.Н. Демидове. В.Б. Бородаевым, А.В. Контевым и М.А. Деминым детально реконструированы работы двух геологоразведочных отрядов в 1726 г., обстоятельства сооружения «Колыванского ручного» и Воскресенского заводов, показана специфика

³² Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. Алма-Ата, 1948. С. 148-244.

³³ См., например: Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI – XVIII вв. Алма-Ата, 1971; Ерофеева Е.В. Русско-джунгарские отношения в 30-х гг. XVIII в. и Казахстан (посольство К. Миллера) // Из истории международных отношений в Центральной Азии (Средние века и Новое время). Алма-Ата, 1990. С. 43-67; Едилханова Е.А. Казахско-джунгарские взаимоотношения в XVII – XVIII вв. Алматы, 2005.

³⁴ См., например: Абдакимов А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Алматы, 1994. С. 64-74; Абдилдабекова А.М. Россия и Казахстан (XVIII – начало XX в.): Вопросы историографии: учеб. пособ. Алматы, 2007. С. 5-30; История Казахстана: учеб. для 10 кл. общеобразоват. шк. 2-е изд., перераб. и доп. Алматы, 2010. С. 194-204.

расширения производственного комплекса и нюансы возникновения Барнаульского завода³⁵. Исследователями обращено внимание на частновладельческий характер колонизации рудных районов Верхнего Обь-Иртышья. В диссертации А.В. Контева последовательно анализируются действия А.Н. Демидова по созданию в междуречье Оби и Иртыша промышленно-производственного центра, приводится реакция на это центрального государственного аппарата, а также излагаются основные события двукратного изъятия (в середине 30-х и середине 40-х гг. XVIII в. соответственно) Колывано-Воскресенского комплекса из частного владения³⁶. При этом А.В. Контев, а также О.Е. Контева реконструируют практику управления частновладельческими приказчиками А. Демидова зарождавшимся производственно-территориальным комплексом³⁷. О.Е. Контева и вовсе предпринимает амбициозную по своему характеру попытку реконструкции системы администрирования кабинетским горнозаводским хозяйством на Алтае в середине – второй половине XVIII в.³⁸ В работе характеризуется формирование временной кабинетской администрации, связанное с деятельностью комиссии А. Беэра, а также генезис и эволюционная динамика ведомственно-отраслевых структур. Вместе с тем, авторы трудов, посвященных ранним этапам формирования Колывано-Воскресенского горного ведомства, обходят стороной проблему взаимоотношений ведомственных и гражданских (уездных и локальных) властей.

Целый ряд специальных исследований посвящен источникам формирования и динамике такой социальной группы как служилые люди. В советской историографии к этой проблеме обратилась Г.А. Леонтьева, которая на

³⁵ Бородаев В.Б., Демин М.А., Контев А.В. Рассказы по истории Алтайского края: учеб. пособ. для средн. шк. Ч. 1. Барнаул, 1997; Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула. Барнаул, 2000; Они же. Начало промышленного освоения Рудного Алтая А.Н. Демидовым в 1726 г. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: мат. IV международ. науч.-практ. конф. Барнаул, Вып. 4. 2003. С. 32-47.

³⁶ Контев А.В. Становление и развитие горно-металлургического производства в Западной Сибири: конец XVII – первая половина XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997; Бородаев В.Б., Контев А.В. Как возникла Колывань // Колывань: История, культура и искусство сибирской провинции России. 1728–1998. Барнаул, 1998. С. 6-86.

³⁷ Контев А.В. Становление и развитие... С. 137-140; Контева О.Е., Контев А.В. Территория Алтайского края в общегосударственной и ведомственной системах управления (XVIII в.) // История Алтайского края. XVIII – XX вв.: Науч. и док. мат. Барнаул, 2005. С. 44-70.

³⁸ Контева О.Е. Становление и развитие системы управления кабинетским горнозаводским ведомством в Западной Сибири: 1745 – 1798 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005.

материалах восточносибирских уездов раскрыла роль служилых людей в присоединении и хозяйственном освоении региона³⁹. Н.И. Никитин попытался воссоздать особенности функционирования корпорации служилых людей Западной Сибири XVII в.⁴⁰ И.Р. Соколовский показал служилых людей польско-литовского происхождения как активных участников колонизационных процессов в Сибири XVII в., исследователем установлена специфика функционального статуса этой категории казаков и расслоение в их среде⁴¹. А.А. Чурсина на материалах Томского и Кузнецкого уездов проследила динамику сибирских служилых людей как социальной категории в широком хронологическом интервале XVII – первой половины XIX в.⁴² Е.В. Бородина акцентирует внимание на том, что служилые люди Западной Сибири нередко использовали различные государственные инстанции, в том числе судебные, в своих личных целях⁴³.

Особый взгляд на процессы присоединения и освоения Южной Сибири представлен специалистами, занимающимися историей казачества. В хрестоматийной работе «История казачества Азиатской России» раскрываются фундаментальные аспекты военной, охранной и хозяйственной деятельности зауральского казачества, анализируются сословно-правовой статус и модели самоуправления⁴⁴. В 80 – 90-е гг. XX в. известный исследователь казачества А.Р. Ивонин сосредоточился на анализе численного состава, источников формирования, а также функционального статуса казаков Западной Сибири, их роли в социально-экономическом развитии региона⁴⁵. Автор видел в

³⁹ Леонтьева Г.А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой половине XIX в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972.

⁴⁰ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. М., 1988.

⁴¹ Соколовский И.Р. Участие служилых людей польско-литовского происхождения в присоединении и освоении Сибири в XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000; Он же. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004.

⁴² Чурсина А.А. Изменение сословного статуса служилых людей Западной Сибири и их потомков в процессе хозяйственной деятельности (на материалах Томского и Кузнецкого уездов): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012.

⁴³ Бородина Е.В. Служилые люди Урала и Западной Сибири в судебных конфликтах (1720-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3. С. 73-79.

⁴⁴ История казачества Азиатской России / гл. ред. В.В. Алексеев. В 3-х т. Екатеринбург, 1995. Т. 1-2.

⁴⁵ Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири на Колывано-Воскресенских заводах в XVIII в. // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края: тез. докл. к краев. конф. Барнаул; Змеиногорск, 1986. С. 36-37; Он же. Численность и состав городовых казаков Западной Сибири XVIII – первой четверти XIX в. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 115-136; Он же. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. / отв. ред. Н.А. Миненко. Барнаул, 1996.

последовательном сокращении численности казачьих команд в крупных сибирских городах стремление государства минимизировать степень влияния иррегулярных войск и отказаться от практики социально-политического партнерства со служилыми людьми образца начала XVIII в. В более поздних работах А.Р. Ивонин совместно с Д.В. Колупаевым⁴⁶ предпринимает попытку решения широчайшей задачи по установлению роли казачества в освоении Обь-Иртышского междуречья и приходит к небесспорному выводу о том, что «казаки Томска и Кузнецка сыграли выдающуюся роль в деле присоединения Алтая к Российскому государству»⁴⁷. В этом свете более соответствующим исторической действительности представляется замечание Н.Ф. Емельянова о том, что в освоении новых земель на окраинах Сибири «в XVII и первой четверти XVIII в. служилые люди и их потомки занимали ведущую роль», но все же не выдающуюся⁴⁸. В ряде работ последних лет региональные специалисты по истории казачества стремятся поддержать актуальность вопроса значения казаков в присоединении и освоении южных и восточных районов Сибири в XVIII в.⁴⁹

Тем не менее, исследователям как крестьянской, так и «военной» колонизации, специалистам по истории служилых категорий в силу заостренности на смежной проблематике и специфичности источниковой базы в полной мере не удалось реконструировать административные реалии низовых звеньев системы гражданского управления Верхним Обь-Иртышьем (Алтаем). В большинстве научных сочинений соответствующим аспектам отводится второстепенная или вовсе периферийная роль, указывается на детерминационную природу управленческих структур со стороны социально-экономических процессов и явлений.

⁴⁶ Ивонин А.Р., Колупаев Д.В. Казаки на Алтае в XVIII – XIX столетиях: исторические очерки. Барнаул, 2003; Они же. История Алтайского казачества. Алтайские казаки в XVIII – XIX вв. Барнаул, 2008.

⁴⁷ Ивонин А.Р., Колупаев Д.В. Казаки на Алтае... С. 14.

⁴⁸ Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья... С. 234.

⁴⁹ См., например: Быконя Г.Ф. Казачество и другое...; Зуев А.С. Штатная реформа сибирского казачества 1737 г. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: история, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1. С. 22-27; Исаев В.В. Роль сибирского казачества в освоении Алтая в XVIII – начале XX в. // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: мат. Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участ. Тюмень, 2012. С. 81-88; Исаев В.В., Дунец А.Н. Сибирское казачество на Алтае как стабилизирующий фактор в противостоянии с Джунгарией в XVII – XVIII вв. // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: мат. XII межд. науч. конф. Т. 2: гуманитарные и социальные науки. Ховд; Томск. 2015. С. 81-84.

Другая группа научных трудов связана с опытом обращения к этнополитической истории Алтая и Южной Сибири, рассмотрением «российско-джунгарско-цинского» треугольника и его влияния на события в регионе в XVII – середине XVIII в.

Фундамент анализа взаимоотношений России с государствами и полугосударственными образованиями южных районов Западной Сибири и Центральной Азии был заложен еще специалистами XVIII – XIX в. Г.Ф. Миллер на основе многочисленных доступных ему архивных материалов пришел к выводу о том, что к началу XVIII в. фактически все пространство Верхнего Обь-Иртышья принадлежало Джунгарскому ханству, а переход территорий к России связан со строительством инженерных укреплений и активным заселением русскими Алтая⁵⁰. Спустя более века М.И. Венюков представил военно-аналитическое обозрение исторической ретроспективы возникновения российских границ на юге Западной Сибири⁵¹. Н.И. Веселовский касается динамики политики России в Верхнее Прииртышье и усматривает активизацию дипломатических отношений с Джунгарией как реакцию на не совсем удачный опыт военных походов в регион конца 10-х гг. XVIII в.⁵² Первый опыт анализа русско-китайских отношений в приграничной зоне принадлежит перу Н.Н. Бантыш-Каменского⁵³.

Основы концептуального подхода к определению характера российско-джунгарских и российско-китайских отношений в советской и современной историографии были заложены И.Я. Златкиным и В.А. Моисеевым. И.Я. Златкин впервые обратил внимание на территориальную подоплеку обострения русско-джунгарских и джунгаро-китайских отношений в первой половине XVIII в.

⁵⁰ Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии в сентябре 1734 г. // История Сибири. Первоисточники. Вып. VI: Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / изд. подготов. А.Х. Элерт. Новосибирск, 1996. С. 17-36; Он же. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для онога отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 473-507.

⁵¹ Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии / Военно-ученый комитет Главного штаба. СПб., 1873.

⁵² Веселовский Н.И. Введение // Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722 – 1724 гг. СПб., 1887. С. I-XLVI.

⁵³ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1882.

Исследователем подробно описан и обоснован рационалистский подход российских властей к разрешению приграничного спора, стремление избежать открытого вооруженного конфликта⁵⁴. В свою очередь, В.А. Моисеев подчеркнул важность для имперской стратегии освоения южных рубежей Западной Сибири существования Джунгарского ханства как своеобразного буфера, концентрировавшего на себе агрессию Цинской империи и спорадические набеги казахов из Казачьей Орды⁵⁵. В противовес данной позиции Н.С. Модоров и В.Г. Дацышен представили иную концепцию «Россия – Джунгария», в которой все имперское руководство стремилось к бесконтрольному ослаблению позиций контайши, что позволило бы, в свою очередь, включить ряд спорных территорий в состав Российского государства⁵⁶.

Особенности взаимодействия Российской империи и Джунгарского ханства в приграничных районах юга Западной Сибири детально проанализированы О.В. Борониным. Им были обоснованы такие значимые для административного дискурса XVII – XVIII вв. категории как «двоеданничество» и «двоеподданство»⁵⁷, исторические причины возникновения которых он видел в равновесии сил между Россией и Джунгарией. Интересным выглядит авторское замечание по поводу компаративного анализа особенностей пространственного восприятия предгорий Алтая российской и ойротской элитой: если для джунгарских князей пределы государственного суверенитета ограничивались территориями расселения данников, то для России индикатором присоединения

⁵⁴ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). 2-е изд. М., 1983. С. 216-217, 227.

⁵⁵ Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983; Он же. Джунгарское ханство и казахи (XVII – XVIII вв.). Алма-Ата, 1991; Он же. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998. Он же. Джунгаро-казахские отношения в XVII – XVIII вв. и политика России // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 22-43.

⁵⁶ Модоров Н.С., Дацышен В.Г. Народы Саяно-Алтая и северо-западной Монголии в борьбе с Цинской агрессией. 1644 – 1758 гг. Горно-Алтайск; Красноярск, 2009.

⁵⁷ Боронин О.В. Вопрос о двоеданцах на русско-джунгарских переговорах (второе десятилетие XVIII в.) // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур): мат. II Регион. конф. Барнаул, 1999. С. 27-30; Он же. Вопрос о двоеданцах на русско-джунгарских переговорах 1731 – 1733 гг. (посольство Л.Д. Угримова) // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые науч. чт. пам. проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 355-362; Он же. Челканцы между Россией и Джунгарией в XVII – первой половине 50-х гг. XVIII вв. // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. 3. Барнаул, 2002. С. 9-17; Он же. Двоеданничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX в.: научная монография / под ред. В.А. Моисеева. 2-е изд, испр. и доп. Барнаул, 2004.

земель являлось строительство фортификационных пунктов⁵⁸. Более широко проблема динамики внешнеполитического курса Джунгарского ханства в контексте дипломатической политики раскрыта Р.А. Кушнерик⁵⁹.

Качественно иным образом интеграцию Верхнего Обь-Иртышья в состав Российского государства видят специалисты по этнополитической истории. В свое время еще Л.П. Потапов предположил, что включение алтайских племен в состав России рассматривалось столичной элитой в качестве фактора предотвращения территориальных претензий Цинской империи на основе бывших требований Джунгарского ханства (по принципу правопреемства)⁶⁰. Полвека спустя А.П. Уманский также подчеркивал сложность и противоречивость взаимоотношений телеутской знати и кузнецких воевод в первоначальный период освоения Верхнего Приобья, что, по его мнению, было вызвано отсутствием стабильных и признанных обеими сторонами границ⁶¹. Г.П. Самаев, обращаясь к этнополитической истории Алтая XVII – XVIII вв., показывает установившуюся систему двоеданничества как вынужденный компромисс между Россией и Джунгарией, вызванный неспособностью ни одной из сторон завершить подчинение себе аборигенов предгорий Алтая⁶². Н.С. Модоров констатирует негативное влияние «джунгарского фактора» на русско-алтайские отношения 10 – середины 40-х гг. XVIII в., подразумевая, что телеутское население Верхнего Приобья вынуждено было вести антирусскую деятельность под давлением джунгарских феодалов, а российские власти не обладали достаточным количеством ресурсов для преодоления сопротивления. На этом фоне

⁵⁸ Боронин О.В. Погранично-территориальный вопрос в российско-джунгарских отношениях первой половины XVIII в.: теоретический аспект // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул, 2004. Вып. 4. С. 25-33.

⁵⁹ Кушнерик Р.А. Русско-Джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006; Она же. Русско-Джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII вв.): монография. Барнаул, 2008.

⁶⁰ Потапов Л.П. Очерк истории ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933. С. 13-19, 29-35.

⁶¹ Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII – XVIII вв. Новосибирск, 1980; Он же. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII в. В 2-х ч. Ч. 1-2. Барнаул, 1995; Он же. О телеутской миграции в Сибири в XVI – XIX вв. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: мат. Всерос. науч. конф. Барнаул, 1997. С. 199-205.

⁶² Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. С. 53-104; Он же. Присоединение Алтая к России (исторический обзор и документы). Горно-Алтайск, 1996. С. 5-27.

политический кризис в Джунгарском ханстве стал ведущим фактором улучшения отношений России с алтайскими племенами⁶³.

Более широкая картина этнополитических процессов на юге Западной Сибири в период присоединения и первоначального освоения представлена Л.И. Шерстовой. Автор выделяет три модели взаимоотношения России с аборигенными социально-политическими образованиями субрегиона, а в качестве ключевого фактора включения автохтонного населения в состав централизованного государства усматривает взаимопроникновение евразийских традиций российской государственности в издревле принятые в Южной Сибири политические и социально-политические нормы⁶⁴. В этом контексте инкорпорация в состав Российской империи четырех этнокультурных общностей Горного Алтая (абинско-кумандинской, телеуто-теленгитской, теленгито-урянхайской и саяно-теленгитской)⁶⁵ не нарушило сложившуюся социально-политическую систему автохтонных сообществ⁶⁶.

Параллельно с этим на протяжении последних десятилетий наблюдается увеличение внимания сибиреведов к исследованию отдельных элементов пространственной модели Алтая и, прежде всего, картографических материалов. Существенные достижения в историко-географическом анализе чертежей Верхнего Обь-Иртышья первой половины XVIII в. и процессов территориального размежевания в регионе, связанные с именами М.Ф. Розена, О.Н. Катионова, В.Б. Бородаева и А.В. Контева. М.Ф. Розен стал фактически первым исследователем карт Алтайского региона в широком хронологическом интервале XVI – XIX вв.⁶⁷, сделав исключительный акцент на изучении представленной в источниках гидрографической структуры, что оставило возможность последующим

⁶³ Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII – XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996. С. 52-72.

⁶⁴ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. С. 59-127.

⁶⁵ Шерстова Л.И. Этнокультурные общности Горного Алтая в XVII – XVIII вв.: этническая идентичность в историческом контексте // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 142-146.

⁶⁶ Шерстова Л.И. Горный Алтай в XVI – XX вв.: джунгарское этнокультурное наследие // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации: мат. Международ. науч. конф. Барнаул, 2012. С. 238-245.

⁶⁷ Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф. Историческая картография и топонимия Алтая. Томск, 1980; Розен М.Ф. Верхняя Обь и Алтай на картах XVI–XIX вв. Барнаул, 1998.

исследователям обратиться к иным параметрам картографических проекций и тенденциям пространственного восприятия, отраженным на чертежах.

Отдельные аспекты картографирования Верхнего Обь-Иртышья освещены в трудах И.Г. Силиной и О.Н. Катионова. И.Г. Силина попыталась проследить ключевые вехи в картографировании территории Алтая⁶⁸, а О.Н. Катионов на широком хронологическом интервале в общесибирском контексте показал, что ключевые административные решения государства по освоению окраин обладали определенным картографическим сопровождением⁶⁹.

На начальном этапе формирования публикационного актива А.В. Контева и В.Б. Бородаева по картографической тематике прослеживалась определенная преемственность относительно методологических позиций М.Ф. Розена. В центре внимания краеведов находились особенности картографического отражения отдельных элементов гидрографической структуры Алтая (Телецкого озера и междуречья Бии и Катуня). Ставшие фактически хрестоматийными издания «У истоков истории Барнаула» и «Исторический атлас Алтайского края»⁷⁰ впервые вобрали в себя репринтные копии наиболее важных карт региона в сочетании с краткими справочными пояснениями, носившими в большинстве своем вводный, ознакомительный характер.

В более поздних работах А.В. Контева и В.Б. Бородаев стали смещать свой исследовательский акцент в сторону выявления и аналитической характеристики карт Алтая XVIII в., созданных как русскими геодезистами, так и иностранными учеными и путешественниками (И. Страленбергом, В. Шишковым, Г.Ф. Миллером и др.)⁷¹. Важной составляющей, прежде всего для А.В. Контева, стала

⁶⁸ Силина И.Г. К истории картографирования территории Алтайского края // История. Карта. Компьютер. Барнаул, 1998. С. 114-135.

⁶⁹ Катионов О.Н. Картографическое сопровождение государственной политики в Сибири в XVIII – начале XX в. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX в.: сб. мат. регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 217-226.

⁷⁰ Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула... ; Они же. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.). Барнаул, 2006.

⁷¹ Бородаев В.Б. Российские военные экспедиции к истокам Иртыша в 1715–1720 гг. и создание карты Верхнего Прииртышья [Электронный ресурс] // Верхнее Прииртышье в XVII – XIX вв.: национально-государственное, этнокультурное и экологическое взаимодействие: мат. всерос. науч. конф. Новосибирск, 2010. Режим доступа: <http://sibistorik.narod.ru/conf2010/borodaev-vb.htm>; Бородаев В.Б., Контев А.В. Кузнецкий уезд на картах геодезиста Василия Шишкова (1730-е гг.) // Разыскания: историко-краеведческий альманах. Кемерово, 2010. С. 150-160;

реконструкция характера и особенностей изображения на картах объектов Колывано-Воскресенского производственно-территориального комплекса⁷². Особенно интересными в этом свете представляются последние публикации исследователя, посвященные картам Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина⁷³.

Кроме того, А.В. Контев обратился и к столь сложной проблеме как картографическая фиксация пределов Российского государства. Постепенно в его научной деятельности в качестве самостоятельных аспектов выделились отображение крепостей и линии государственной границы на картах региона XVIII в., а также реконструкция внутренних административно-территориальных рубежей⁷⁴. Специфичность избранного для анализа объекта заключается в том, что в качестве индикатора в нем выступают определенные отметки или военно-инженерные пункты, хотя сами границы на чертежах зачастую не маркированы. Серьезной эвристической значимостью обладают авторские схемы системы острогов и крепостных линий⁷⁵. А.В. Контевым кроме всего прочего обозначена комплексная проблема обусловленности установления и динамики границ Кузнецкого уезда как административными коллизиями общего порядка, так и изменчивостью административно-правового статуса ведомства Колывано-Воскресенских заводов⁷⁶. При всех несомненных достоинствах авторские

Контев А.В., Бородаев В.Б. Верхнее Обь-Иртышье на ойратской карте Джунгарии первой трети XVIII в. // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII-XX вв.: сб. мат. междунаурод. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 5-11.

⁷² Контев А.В. Объекты горнозаводского производства Колывано-Воскресенского горного ведомства на картах XVIII в. // Краеведение и туризм: мат. регион. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию историка и краеведа А.Д. Сергеева / ред. колл.: В.Б. Бородаев, М.А. Демин, А.В. Контев (отв. ред.). Барнаул, 2010. С. 198-215; Он же. Возникновение российского горно-металлургического производства на Алтае и отражение этого процесса на чертежах 1720-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2(54). Т. 1. С. 47-49.

⁷³ Контев А.В. Картографические материалы И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера как источники по истории становления горно-металлургического производства на Алтае // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: история и филология. 2013. Т. 12. Вып. 1. С. 39-43.

⁷⁴ Контев А.В. Изменение российской государственной границы на юге Западной Сибири в первой трети XVIII в. // Наука Алтайскому краю: сб. науч. ст. по результатам научно-исследовательских работ, выполненных за счет краевого бюджета. Барнаул, 2010. С. 99-109; Он же. Формирование российско-джунгарской границы в первой трети XVIII в. // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской / отв. ред. П.О. Рыкин. СПб, 2011. С. 99-111.

⁷⁵ Контев А.В. Русские крепости Алтая на картах и чертежах XVIII в. // Вопросы истории фортификации. 2010. № 1. С. 36-43; Старкова Е.В. Проекты создания укрепленных линий в Верхнем Приобье в XVIII в. // Ползуновский альманах. 2004. № 2. С. 98-113 (в приложении дается карта, составленная А.В. Контевым).

⁷⁶ Контев А.В. Размежевание земель Томского и Кузнецкого уездов во втором десятилетии XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 98-101; Он же. Административно-территориальное деление юга Западной Сибири по картографическим источникам // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/1. С. 29-33; Контев А.В., Контева О.Е. Административно-территориальные

изыскания и реконструкции обстоятельно знакомят читателя с многочисленными оригиналами и копиями картографических материалов, снабженными исчерпывающими источниковедческими и археографическими пояснениями, но все же не формируют целостного впечатления о государственной границе России в Верхнем Обь-Иртышье как целостном социокультурном феномене.

В свою очередь, работы В.Б. Бородаева и А.В. Контева последних лет посвящены уточнению и конкретизации обстоятельств сооружения российских крепостей в Верхнем Прииртышье, рассмотрению фортификационного строительства в регионе в контексте осуществления инициированных центральной и региональной властью военных экспедиций, а также анализу картографического сопровождения этих процессов⁷⁷. Итогом этой деятельности стала совместная монография «Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620-1720 гг.»⁷⁸. Работа представляет собой фактически первый в региональной и общероссийской историографии опыт последовательной и детальной реконструкции военных экспедиций в Верхнее Обь-Иртышье 10 – начала 20-х гг. XVIII в., а также административных ответов центральной и региональной власти на результаты деятельности посылавшихся команд. Исследование базируется на широчайшем источниковом корпусе, значительная часть которого уже достаточно хорошо известна специалистам. Несмотря на то, что авторы сознательно уходят от определения понятия «государственная граница» как в общетеоретическом плане, так и в конкретно историческом плане (применительно к ситуации в Верхнем Обь-Иртышье в конце

преобразования на юге Западной Сибири в 1780-1796 гг. и их отражение в картографических источниках // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4/2. С. 126-130.

⁷⁷ Бородаев В.Б. Архивные документы 1719 – 1720 гг. о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости // Роль архивных учреждений в истории Казахстана: мат. межд. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2010. С. 29-42; Он же. Военно-топографическое изучение озера Зайсан и Черного Иртыша в 1719 г. как этап реализации плана Петра I по проникновению в Центральную Азию // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): мат. межд. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2010. С. 13-20; Он же. Русские документы 1717 – 1720 гг. об основании Семипалатной крепости // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): мат. межд. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2014. С. 267-271; Контев А.В. Первый сибирский губернатор М.П. Гагарин и основание русской крепости на реке Омь // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2. № 4. С. 144-145; Он же. Формирование вооруженных сил на Иртышской пограничной линии в середине 1740-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 51-56.

⁷⁸ Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620-1720 гг.: документальная монография. Барнаул, 2015.

XVII – первой четверти XVIII в.), издание, безусловно, вносит существенный вклад в изучение первых десятилетий освоения Алтая, показывая точные даты и руководителей строительства крепостей.

Опыт создания целостного взгляда на историю освоения Обь-Иртышского междуречья представляют обобщающие издания. Представители «Уральской академической исторической школы» обратились к проблеме значения азиатских территорий в административно-политической, экономической и социокультурной истории России в широком хронологическом интервале XVI – XX вв. Историки на теоретико-методологическом уровне прослеживают специфику развития зауральских земель, на основе чего объединяют их в единое историко-географическое понятие «Азиатская Россия». Содержательно оно характеризуется органичным консенсусом противоборства европейской части страны с Азией, с одной стороны, и интеграции азиатских народов в общий административно-политический и культурно-экономический порядок, возникавший на окраинах, с другой⁷⁹. В коллективной монографии «Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья» социально-политическая история Верхнего Обь-Иртышья в XVII – первой половине XVIII в. рассматривается в контексте «русско-джунгарской фронтальной зоны», возникшей как результат военно-стратегического проникновения России в регион, а на дипломатическом уровне – проведения имперской элитой политики равноудаленности от Джунгарского ханства и Цинской империи⁸⁰. В рамках «новой имперской истории» освоение Сибири характеризуется как аккомодация новой политико-административной реальности, связанная с генезисом совокупности новых ментально-географических пространственных образов⁸¹.

Таким образом, несмотря на внушительный массив специальной литературы, смежным или косвенным образом затрагивающей проблемы освоения Верхнего Обь-Иртышья в первой половине XVIII в., следует констатировать недостаточное

⁷⁹ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI – XX вв. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004.

⁸⁰ Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII – XX вв. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2009. С. 357-363.

⁸¹ Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М., 2007. С. 13-42.

внимание исследователей к политико-правовым механизмам воздействия государства на регион. В частности, при достаточно высокой степени изученности функционального статуса регионального и местного звеньев системы управления до сих пор не реконструирована деятельность низовых структур соответствующей вертикали, не показана специфика коммуникации между ними и вышестоящими институтами в контексте протекания освоенческого процесса. Кроме того, применительно к первой половине XVIII в. пока еще не раскрыто содержание взаимодействия местных и локальных гражданских властей с частновладельческими структурами А.Н. Демидова. Практически не существует работ, посвященных организации управления в крепостях Иртышской линии. Целостно не реконструирована и пространственная модель Верхнего Обь-Иртышья. Историки в той или иной степени игнорируют содержание и нюансы административного дискурса, концентрируясь на анализе проблемы государственной границы с использованием в основном картографических материалов.

Объектом диссертационного исследования является государственная политика освоения Верхнего Обь-Иртышья (Алтая).

Предметом исследования выступили политико-правовые механизмы освоения государством Верхнего Обь-Иртышья. Среди таковых наибольший удельный вес в имперской административной программе и дискурсе на протяжении первой половины XVIII в. получили формирование пространственной модели региона, складывание законодательного поля и системы управления. Эти механизмы имплицитны по своей генетической природе и могут быть раскрыты лишь через последовательное аналитическое изучение ряда когерентных явлений.

Пространственная модель представляла собой набор восприятий и представлений управленческого аппарата различных уровней относительно физико-географических, геостратегических и административно-политических параметров Алтая. Каналом формализации соответствующих идеологем становились картографические материалы, дипломатическая переписка и

делопроизводственная документация. Окраинное, в чем-то даже маргинальное относительно имперского центра географическое положение Алтая обусловило превращение государственной границы в важную структурную единицу пространственной модели региона при сохранении стратегически значимой роли в ней административных объектов (острогов и крепостей, Колывано-Воксресенских заводов).

Складывание законодательного поля и системы управления на первоначальных этапах имперского освоения выступало единым неразрывным процессом. Законодательство дифференцировало иерархические уровни системы администрирования, а также являлось средством формализации и ретрансляции управленческой доктрины. В свою очередь, система управления, опираясь на соответствующие нормативно-правовые конструкции, представляла собой фактор стабилизации и упорядочивания освоенческого процесса в регионе. К началу XVIII в. система управления Алтаем была максимально иерархична и структурирована.

Целью диссертационного исследования стала реконструкция практики реализации политико-правовых механизмов освоения государством Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в первой половине XVIII в.

Достижение заявленной цели предполагает последовательное решение следующих **исследовательских задач**:

1. определить роль административных объектов в пространственной модели Алтая;
2. рассмотреть процесс генерализации государственной границы в Верхнем Обь-Иртышье в контексте формирования пространственной системы региона;
3. раскрыть различные парадигмы (подходы) к восприятию государственной границы на различных уровнях административного дискурса;
4. установить ключевые параметры организации государством системы управления Верхним Обь-Иртышьем в первой половине XVIII в.;

5. проанализировать важнейшие направления взаимодействия и коллизий между гражданскими властями, а также частновладельческими приказчиками Колывано-Воскресенских заводов;
6. исследовать функциональный статус и административный опыт приказчиков острогов и слобод Верхнего Приобья как низового звена системы управления локальным районом;
7. выделить специфику администрирования Верх-Иртышскими крепостями в течение первой половины XVIII в.

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины 10-х гг. по середину 40-х гг. XVIII в. Начальная хронологическая граница обусловлена активизацией действий центральных и региональных властей по освоению междуречья Оби и Иртыша, когда экспедиции И.Д. Бухголца и И.М. Лихарева достигли верховий последнего⁸², а в Верхнем Приобье были сооружены Белоярская и Бикатунская крепости⁸³. Верхняя хронологическая граница детерминирована существенными изменениями в административно-правовой среде Верхнего Обь-Иртышья, инициированными центральной властью в середине 40-х гг. XVIII в. и наиболее ярко проявившимися в передаче Колывано-Воскресенских предприятий под управление Кабинета Его Императорского Величества в 1747 г.⁸⁴, а также в завершении первого этапа создания Сибирских укрепленных линий⁸⁵ и начале институционализации в регионе ведомственно-отраслевого и военно-ведомственного управления.

Территориальные границы диссертационного исследования включают в себя часть пространства юга Западной Сибири, располагающегося в верховьях двух крупных рек Сибири – Оби и Иртыша. Эти территории обозначаются как «Верхнее Обь-Иртышье» и рассматриваются в качестве синонима термина

⁸² Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620 – 1720 гг.: документальная монография. Барнаул, 2015. С. 122-137, 165-177, 281-288.

⁸³ Булыгин Ю.С. Выход русских к реке Бии и основание Бикатунской крепости // Города Алтая эпохи феодализма и капитализма: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 1986. С. 20-22; История Алтая. Барнаул, 1995. Ч. 1. С. 102-104; Уманский А.П. Кузнецк и Алтайские остроги // Кузнецкая старина. Вып. 3. Новокузнецк, 1999. С. 12-16.

⁸⁴ Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): управление и обслуживание. Барнаул, 1997. С. 3-6; Пережогин А.А. Военно-горный строй на кабинетских предприятиях Западной Сибири (1747 – 1871 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003. С. 3.

⁸⁵ Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. С. 17-18.

«Алтай». Указанная географическая область включает в себя два локальных района: Верхнее Приобье и Верхнее Прииртышье. Верхнее Приобье в советской исторической науке применительно к первой половине XVIII в. позиционировалось в качестве аналога категориям «Русский Алтай» и «Алтай». Фактические границы локальной зоны простирались от Телецкого озера, истоков Бии и среднего течения Катунь до устья Берди. Верхнее Прииртышье, в нашем понимании, включало в себя земли от истоков Иртыша до Железинской крепости.

Методологическую основу исследования составили фундаментальные принципы исторической науки: историзм и системность (в соответствии с подходами Б.Г. Могильницкого и Н.И. Смоленского⁸⁶).

Историзм предполагает рассмотрение политико-правовых механизмов государственной политики освоения Верхнего Обь-Иртышья в качестве уникального самобытного исторического явления, претерпевавшего в своем развитии определенные стадии и этапы, в ходе которых реализация достаточно типичных управленческих доктрин, транслировавшихся центральной и региональной властью, приводила к возникновению в регионе специфических административно-правовых реалий.

Принцип системности подразумевает экспликацию механизмов государственной политики через последовательное раскрытие свойств отдельных элементов каждого инструментария на фоне использования принципа причинности и последующую интеграцию полученных результатов в единую макросистемную плоскость.

В общетеоретическом плане диссертационное исследование развернуто на основе теорий модернизации и фронта.

Модернизационная парадигма, прежде всего, благодаря деятельности «Уральской академической исторической школы»⁸⁷ становится базовой, универсальной категорией исторических исследований. Вместе с тем, под модернизацией не стоит подразумевать механическую экстраполяцию принципа

⁸⁶ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории: учеб. пособ. для студ. вузов. М., 1989. С. 84-89; Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учеб. пособ. для студ. вузов. М., 2008. С. 151-159.

⁸⁷ Побережников И.В. Уральская академическая историческая школа: развитие теоретико-методологических основ модернизационных исследований // Историко-педагогические чтения. 2015. № 19-1. С. 58-73.

«переход от традиционного общества к современному» на гетерогенные по своей природе явления и структуры исторической действительности. В широком понимании модернизация трактуется в качестве «сложного эндогенно-экзогенный направленно-циклического процесса взаимодействия структур и деятельностей, традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу, в свою очередь, осуществлявшегося посредством механизмов и subprocesses (структурной и функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, социальной и политической мобилизации, демократизации, становления современных ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций), конфигурация и степень проявления которых варьировались в различных цивилизационно-культурных контекстах»⁸⁸.

Вполне обоснованно ведущими специалистами в этой сфере указывается на гетерогенную природу модернизации, сложный и структурный характер этого явления⁸⁹. В этой связи особую значимость приобретают исследования модернизации на субстрановом уровне, тем более, что на национальном уровне соответствующие сюжеты достаточно хорошо изучены и представлены в специальной литературе. Региональный компонент или региональный фактор модернизации позволяет индивидуализировать и аналитически осмыслить локальные варианты, проекции макропроцессов, подчеркнуть исходную альтернативность и кумулятивность модернизационных явлений в сочетании с их разнообразной институционально-отраслевой морфологией. И.В. Побережников, излагая авторскую модель регион-ориентированного модернизационного анализа, отмечает необходимость комплексного рассмотрения проблемы соотношения традиции и модернизации (в частности, их взаимопроникновения). Речь идет о

⁸⁸ Побережников И.В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 3-4; Он же. Пространственные особенности российских модернизаций XVIII – XIX вв. // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2010. № 2-11. С. 93-94.

⁸⁹ Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизационная парадигма российской истории // Экономическая история. 2006. № 4. С. 14-15.

возможности протекания модернизации при сохранении социокультурных традиций, их положительной роли в этом процессе⁹⁰.

В этом свете политико-правовые импульсы освоения Верхнего Обь-Иртышья (Алтая), исходившие от государства на протяжении первой половины XVIII столетия, рассматриваются в качестве проявления модернизационного воздействия со стороны имперского центра как актора освоения; а реализация заданной доктрины и конкретные административные реалии анализируются с позиций воздействия на них сложившихся к этому моменту тенденций стагнации и архаизации в управленческой и политико-правовой средах.

Качественно иной объяснительный потенциал присущ теории фронта. В данном случае речь идет о кумулятивном синтезе роли социального и географического факторов в пределах локальной освоенческой зоны. В авторском определении Ф.Дж. Тернера фронт представляет собой линию, границу между освоенными и неосвоенными землями⁹¹. Американским историком была заложена своеобразная прототрадиция, когда предлагалось не унифицированное определение, соответствовавшее тем или иным историческим процессам, а лишь идея⁹². Это породило широчайшую поливариативность трактовок категории в современной отечественной исторической науке.

На сегодняшний день фактически обособились два подхода к определению фронта: социально-географический и социокультурный (цивилизационный)⁹³. В рамках социально-географической трактовки фронт воспринимается как зона особых социальных условий, территория, социальные и экономические процессы на которой определяются идущим процессом освоения⁹⁴. Социокультурный подход концентрируется на рассмотрении явления «как места или момента

⁹⁰ Побережников И.В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 299.

⁹¹ Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History // The Annual report of the American Historical Association. 1893. P. 199-227.

⁹² Пелипась М.Я. Опыт использования идеи фронта в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири // Американские исследования в Сибири. Вып. 8. Томск, 2005. С. 16.

⁹³ Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронта // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2011. № 4. Т. 1. С. 190-192.

⁹⁴ Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75-76.

встречи двух культур разного цивилизационного уровня развития»⁹⁵. При этом речь идет о выделении нескольких разновидностей фронта: внешнего, внутреннего и внутрицивилизационного⁹⁶. В результате соответствующих изысканий термин превратился в перцептивный аналитико-эвристический инструментальный описания по своей природе гетерогенных и сложно структурируемых этносоциальных и межкультурных диффузий.

Это предопределило существенное ослабление внимания специалистов (за редким исключением⁹⁷) к семантическим поискам содержания категории в последнее десятилетие. Вместе с тем такая тенденция не определяет необходимость тотального и безальтернативного отказа от использования фронта в освоенческих исследованиях, особенно в свете того, что в отечественной краинологии все отчетливее прослеживаются устремления поставить вопрос о ревизии ведущих методологических категорий освоения. Здесь нужно учитывать, что внутреннее наполнение понятия «фронт» свободно от методологических штампов и концентрирует внимание на эндогенных факторах развития зоны, тем самым практически полностью исключая парадигму насильственного внедрения центром заданных установок, императивов. При этом нелепо отрицать попытки административного аппарата создать систему своеобразных «посылов». Однако соответствующие сигналы в фронтальных регионах претерпевали своеобразную гипертрансформацию, в результате которой сохранялась лишь внешняя форма, насыщенная совершенно иным внутренним содержанием. Как следствие, фронт становился условием вызревания эпигенетических структур и институтов⁹⁸.

⁹⁵ Резун Д.Я. Введение // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное. Вып. 4. Новосибирск, 2005. С. 3-4.

⁹⁶ Шиловский М.В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв. общее и особенное. Вып. 3. Новосибирск, 2003. С. 101-118.

⁹⁷ См., например: Иванова Л.М. Концепция дальневосточного фронта в современной российской историографии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. Новосибирск, 2016. С. 256-263; Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 10. С. 7-15.

⁹⁸ Зубков К.И. Региональная история: проблемное поле и методологические перспективы // Историко-педагогические чтения. 2004. № 8. С. 36-41.

В нашем представлении фронтир – хаотически, внесистемно организованный организм, и любое унифицированное воздействие государства оказывается для него губительным. Фронтир в условиях перманентного территориального расширения крупнейших империй Нового и Новейшего времени был обречен на гибель, но именно в этой «фронтирной комбинации» (территория с ее специфическими физико-географическими условиями + социально-экономическая структура населения + конкретное историческое время с определенным уровнем политического развития имперского центра) скрыты ответы на многочисленные вопросы о сущности и характере адаптации государственных императивов «центра» на окраинах, а также о причинах и предпосылках вызревания особых переходных, гибридных политико-институциональных форм, распространявшихся затем значительно шире первоначального региона (ареала).

Несмотря на отсутствие устоявшихся и общепринятых подходов к выделению фронтиров в исторической ретроспективе России, стоит обозначить несколько групп признаков явления: географические, административно-политические и социальные. Среди географических критериев наибольшую значимость приобретают: «окраинное» маргинальное геополитическое и географическое расположение территории; отсутствие четких границ, причем как государственных, так и внутренних; квазиграничность и микрорональность фронтирной зоны. К числу административно-политических признаков следует отнести отсутствие теоретически осмысленной государственной политики, номинальный характер государственной власти, специфичность системы управления и рыхлость административных структур⁹⁹.

В исторических условиях XVIII в. территория Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) соответствовала большинству из этих критериев, что позволяет говорить о ней как об одном из вариантов фронтирной зоны.

⁹⁹ Басалаева И.П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 47-49.

Методологический синтез модернизационной парадигмы и теории фронта, осуществленный одним из лидеров Уральской академической исторической школы И.В. Побережниковым, привел к возникновению концепции «фронтирной модернизации»¹⁰⁰. Последняя представляет собой принципиально иной подход к аналитическому рассмотрению генезиса административно-правовой среды. Фронтирная модернизация определяется как модернизация в условиях незавершенного освоения, то есть протекавшая в фронтирных областях, на окраинах¹⁰¹, сопровождавшаяся интенсификацией социально-экономического проникновения государства в порубежные пространства и активным административно-правовым строительством в них¹⁰².

При такой постановке вопроса акцент делается на региональные факторы модернизации, то есть специфические, индивидуальные особенности протекания модернизационных процессов в осваиваемых имперских окраинах. И.В. Побережников выделяет ряд признаков (критериев) фронтирной модернизации:

- исторически формировавшиеся регионы различались административно-управленческими, хозяйственными, сословными ландшафтами, что создавало варианты восприятия модернизационных импульсов;
- освоенческий синдром, заключающийся в подвижности пространства, дифференциации пространства страны на центр (ядро) и периферию, рассмотрении пограничных областей в качестве клапана для разрядки социальных проблем, хронологической растянутости освоенческих процессов;
- необходимость обеспечения условий для мирного стабильного развития в ситуации «приграничья»;
- разновекторная диффузия, предполагавшая взаимный трансферт технологий, социальных институтов, смешение традиций и новаций в ходе модернизации;

¹⁰⁰ Побережников И.В. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 192; Он же. Фронтирная модернизация в истории России // Экономическая история. 2013. № 2. С. 18; Он же. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. 2013. № 12. С. 252.

¹⁰¹ Побережников И.В. Азиатская Россия... С. 192; Он же. Фронтирная модернизация в истории... С. 18; Он же. Фронтирная модернизация как российский... С. 252.

¹⁰² Бобров Д.С. Фронтирная модернизация управленческого сегмента Алтайского региона в первой половине XVIII в. // Региональный фактор модернизации России XVIII – XX вв.: сб. науч. ст. / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2013. С. 52-53.

- милитаризация фронтальных регионов, проявившаяся в размещении фортификационных сооружений, воинских команд, военизации низовых звеньев системы управления;
- конгломератность;
- фрагментизация общества и рост социальной асимметрии;
- очаговый характер модернизационного процесса¹⁰³.

По мнению И.В. Побережникова, при рассмотрении дискурса фронтальной модернизации стоит учитывать, что региональные и субрегиональные общности по-разному ведут себя в общестрановом модернизационном контексте: они могут выступать региональным фактором модернизации или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов¹⁰⁴.

Привлечение концепции фронтальной модернизации создало теоретическую платформу рассмотрения политико-правовых механизмов освоения государством Алтая в контексте взаимодействия модернизационных импульсов с фронтальной средой.

Использование в качестве теоретико-методологической основы диссертации регион-ориентированного подхода, с одной стороны, детерминировало обращение исследовательского взгляда исключительно к событиям и явлениям, протекавшим в Верхнем Обь-Иртыше, при фактически полном (за редким исключением) отказе от контекста их компаративного сопоставления с аналогичными процессами в других регионах. С другой стороны, это позволило на фоне комплексного рассмотрения освоенческих доктрин и реалий установить роль региона в общеимперском модернизационном контексте образца XVIII в.

Характеризуя группу методов, использованных при осуществлении исследования, стоит выделить методы общенаучного анализа и специально

¹⁰³ Побережников И.В. Фронтальная модернизация в истории... С. 18-22; Он же. Фронтальная модернизация как российский... С. 252-268.

¹⁰⁴ Побережников И.В. Фронтальная модернизация в истории... С. 21; Фронтальная модернизация как российский... С. 264.

исторические. Среди общенаучных активно использовались такие базовые методы как анализ, синтез, дедукция и индукция.

Среди специально исторических методов наибольший вес для исследования получили историко-генетический, историко-системный и историко-сравнительный. Историко-генетический метод predetermined обращение к последовательному анализу возникновения и ключевых стадий эволюции механизмов государственной политики освоения Верхнего Обь-Иртышья. Историко-системный метод в контексте диссертации предполагал изучение пространственной модели региона, формирования законодательного поля и системы управления в качестве завершённых оригинальных политико-правовых систем. В свою очередь, как подсистемы внутри первой были рассмотрены административные объекты и государственная граница, во второй – модели администрирования, распространявшиеся в Верхнем Приобье и Верхнем Прииртышье. Кроме того, с позиций такого метода на протяжении всего исследования в сквозном формате представлен административный дискурс, в котором выделено несколько мезо- уровней. Историко-сравнительный метод нашел отражение в работе в контексте компаративного анализа тенденций пространственного восприятия административных объектов Алтая, различных парадигм государственной границы в регионе, а также сопоставления функционального статуса приказчиков острогов и командиров Верх-Иртышских крепостей, места Колыванских заводов в управленческой повестке воевод с аналогичными позициями территорий «ведомств» крепостей Верхнего Приобья.

Источниковая база диссертационного исследования представлена законодательными, делопроизводственными (в соответствии с общепринятыми классификациями И.Н. Данилевского и И.Д. Ковальченко¹⁰⁵) и картографическими материалами, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

¹⁰⁵ См.: Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: уч. пособ. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 2004. С. 335-343, 395-399; Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973. С. 183-203.

Системобразующим звеном источникового корпуса стала делопроизводственная документация. Этот вид источников представлен архивными материалами, содержащимися в федеральных и центральных архивах: Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Костяк делопроизводственной группы источников диссертации составили археографические памятники первой половины XVIII в., извлеченные из фондов РГАДА: Ф. 24. (Разряд XXIV. Сибирский приказ и управление Сибирью – (коллекция) Государственного архива Российской империи); Ф. 113 (Зюнгорские (контайшинские) дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии); Ф. 214. (Сибирский приказ); Ф. 248 (Сенат и его учреждения); Ф. 415 (Сибирская губернская канцелярия); Ф. 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия); Ф. 1134 (Кузнецкая приказная изба); Ф. 1402 (Бийская судная (земская) изба, Бийская крепость и слобода Кузнецкого уезда). Специфика администрирования в крепостях Верхнего Прииртышья определена на основе документов из Ф. 5 (Артиллерийская экспедиция Военной коллегии), Ф. 20 (Воинская экспедиция Военной коллегии) РГВИА. Для реконструкции дипломатической доктрины имперской элиты помимо названных привлечены отдельные материалы из Ф. 113 (Зюнгорские дела) АВПРИ. Вместе с тем, стоит отметить неравномерность накопления исторического материала, посвященного административной истории Верхнего Обь-Иртышья, в хранилищах центральных архивов. Это обуславливает возможность лишь выборочного привлечения дел из большинства названных фондов. Исключение из этого составляют «региональные» Ф. 517, 1134, 1402 РГАДА, где отложился наиболее значительный объем интересующих нас документов.

Делопроизводственная документация, достаточно обширно представленная в диссертации своими подвидами, стала эмпирической основой реконструкции низовых звеньев системы управления Верхним Обь-Иртышьем. Фундамент этого процесса составили губернаторские, воеводские, а также ведомственные (акты

Военной коллегии, Коллегии иностранных дел) указы, адресованные местным и локальным властям Верхнего Обь-Иртышья и представлявшие собой медиальный уровень между формированием имперской управленческой доктрины и ее реализацией. Иными словами, они конкретизировали и расширяли административную позицию центральных властей, заключали в себе концептуальное видение региональной и воеводской канцелярии относительно ситуации в предгорьях Алтая, а также обнажали взгляды соответствующих руководителей на динамику ситуации в регионе и задачи локальных управленцев. Указы содержат краткое изложение административно-политических обстоятельств, предшествующих их принятию, а также мотивацию субъекта правотворчества, что позволяет проследить степень соответствия принятого документа освоенческим реалиям и задачам в конкретном локальном районе. В случае отсутствия документов за предшествующий период указы позволяют в более или менее полном объеме реконструировать событийную канву, определить степень полноты реализации принятых решений теми управленческими структурами, которым они были адресованы. В целом, ведомственные, губернаторские и воеводские указы способствуют установлению соподчиненности между разноуровневыми имперскими институтами власти, определению функционального статуса каждой из них, очерчиванию предполагавшихся и реальных пределов административной юрисдикции.

Абсолютное большинство привлеченных доношений представляет собой документы, составленные локальными структурами управления (приказчиками, а также руководителями крепостных гарнизонов Иртышской линии, значительно реже – служилыми людьми Верхнего Приобья) и адресованные вышестоящим органам (кузнецкому воеводе и сибирскому губернатору соответственно). В доношениях содержится позиция нижестоящих органов власти (часто в контексте информации, полученной от служилых людей, крестьян и ясачных автохтонов) относительно административно-политических и хозяйственных вопросов актуальных для того или иного района Верхнего Обь-Иртышья. Кроме того, такие документы предполагают выделение специфики активации указов вышестоящих

инстанций (начиная от императора и заканчивая Кузнецкой воеводской канцелярией), объективных и субъективных факторов амортизации реализации правовых актов. Доношения позволили исследовательскому взгляду проникнуть на самый низший, базовый уровень осуществления администрирования, вскрыть латентные механизмы и различные подтексты взаимодействия между разноуровневыми управленческими структурами.

Внутренним эвристическим потенциалом для раскрытия обстоятельств принятия и реализации значимых для Верхнего Обь-Иртышья административных решений обладают журналы и протоколы слушаний Сената. На этом уровне имперской вертикали рассмотрению подлежали исключительно знаковые для региона вопросы: отправка и результаты деятельности экстраординарных экспедиций и команд; постройка, перенос и «снятие» крепостей; усиление фактора внешней угрозы со стороны Джунгарского ханства и Казачьей Орды; формирование программы эксплуатации недр Обь-Иртышского междуречья. По своему характеру каждое соответствующее дело является интегрированной суммой доношений, поступавших от кузнецких воевод (или штаб-офицеров, руководивших гарнизонными канцеляриями крепостей в Верхнем Прииртышье), и сибирского губернатора, а также непосредственных решений центрального органа. В большинстве случаев это позволяет определить характер осмысления и программу действий/бездействия по соответствующему вопросу управленческих институтов различных уровней.

Использование в исследовании такой разновидности делопроизводственных материалов как промемории способствует реконструкции характера и особенностей горизонтальной коммуникации местных и локальных управленческих структур южных районов Западной Сибири. Материалы концентрируют в себе сведения о территориальных спорах между воеводскими канцеляриями, а также об административных коллизиях между гражданскими властями и приказчиками ведомства Колывано-Воскресенских заводов.

Одной из наиболее информативных подгрупп источников являются инструкции, которые выдавались воеводами экстраординарным командам

(служилым людям или их группам), посылавшимся в Верхнее Обь-Иртышье (значительно реже – ординарным институтам управления). В этих документах на основе резолюции губернаторской и воеводской власти содержится перечень первоочередных задач по обследованию местности, установлению тех или иных обстоятельств, событий, фактов. Инструкции способствуют детализации управленческой доктрины различных уровней системы управления, иллюминируют позиции вышестоящих институтов по коллизионным (конфликтным) вопросам администрирования в Верхнем Обь-Иртышье, а также обнажают особый статус соответствующих экстраординарных команд в системе управления.

Рапорты и «доезды» представляют собой документацию отчетного характера, составленную не занимавшими какую-либо должность кузнецкими служилыми людьми в ответ на указы и распоряжения Кузнецкой воеводской канцелярии. Эти материалы позволяют проследить сношения «посыльных» служилых людей с приказчиками острогов и слобод, а также отражают административную практику экстраординарных команд в Верхнем Приобье и способствуют установлению их роли в управленческом процессе, протекавшем в регионе. При этом стоит подчеркнуть, что строго формально в административном дискурсе южных уездов Сибирской губернии первой половины XVIII в. для отчетности наиболее часто использовались рапорты наравне с доношениями и лишь изредка встречались «доезды», хотя существенных формулярных отличий между тремя типами документов практически не существовало.

В исследовании использована и такая разновидность источников как сказки. Как правило, они рассматриваются исследователями в качестве группы исторических материалов, лежащих на стыке учетной и делопроизводственной документации¹⁰⁶. Ревизские сказки содержат в себе уникальную информацию о персональном и численном составе жителей острогов и слобод Верхнего Приобья, находившихся под управлением местных и локальных властей. Однако большинство привлеченных сказок жителей Кузнецкого уезда первой половины

¹⁰⁶ Источниковедение. Теория. История... С. 409.

XVIII в. относится, скорее, к делопроизводственным материалам. Во-первых, они встречаются в делах из фонда воеводской канцелярии, нередко перемежаясь с указами, доношениями и промемориями; во-вторых, по своему формуляру представляют некий переходный, усредненный вариант между доношением и челобитной. В сказках крестьяне, беглые люди, а также коренные жители Верхнего Приобья излагали свои субъективные версии преступлений, происходивших в пределах территориальной юрисдикции приказчиков острогов и слобод. Наиболее часто это касалось воровства и разбойных нападений, но не убийств, расследование которых осуществлялось исходя из иной формулярной базы. Иными словами, сказки не являются расспросными речами и не относятся к массивам судебно-следственных бумаг. С другой стороны, они позволяют обозначить и частично разрешить проблему отношения поднадзорного населения, не состоявшего на государственной службе, к личности приказчика, его стратегиям и практикам осуществления власти.

Наконец, стоит упомянуть о привлечении к написанию диссертации таких во многом уникальных для Верхнего Обь-Иртышья первой половины XVIII в. делопроизводственных источников как «отношения». Документы фиксируют осуществление горизонтальной коммуникации (в обход вышестоящих учреждений) между приказчиками острогов Верхнего Приобья, а также между приказчиками и руководителями гарнизонных канцелярий крепостей Иртышской линии по вопросам улучшения дорожно-транспортной инфраструктуры, разграничения пределов административной юрисдикции обеих сторон, организации совместной обороны укреплений, а также конвоирования беглых и преступников.

Материалы специальных систем делопроизводства¹⁰⁷ представлены дипломатической и судебно-следственной документацией. Дипломатическая переписка содержит личные ноты, вербальные ноты, памятные записки и дипломатические журналы. Личные ноты включают в себя персональное обращение российского монарха к джунгарскому контайше или, наоборот, с

¹⁰⁷ Источниковедение. Теория. История... С. 398.

указанием фундаментальных притязаний на суверенитет над тем или иным районом Верхнего Приобья и Прииртышья с кратким обоснованием своей позиции. Для первой половины XVIII в. такие грамоты являлись единичными в системе дипломатического обихода, поскольку гораздо чаще практиковались вербальные ноты. Эти документы заключают в себе не только информацию о территориальных претензиях Джунгарского ханства, но и ответы на эти заявления Коллегии иностранных дел, сибирской губернской или Кузнецкой воеводской канцелярии. Памятные записки подавались как российскими, так и джунгарскими дипломатами вслед за устным изложением позиции своей страны при переговорах и отражали просьбу в удовлетворении какого-то локального интереса: освобождении пленных, компенсации ранее нанесенного ущерба, разрешении ведения торговли в приграничной зоне. Наконец, дипломатические журналы последовательно фиксировали ход российско-джунгарских дипломатических переговоров и детализировали аргументы каждой из сторон в споре за территориальную принадлежность Верхнего Обь-Иртышья.

Среди судебной-следственной документации наиболее активно нами привлечены расспросные речи. Они содержат показания как служилых людей, так и управленцев, подозревавшихся в совершении преступлений. Комплексное сопоставление расспросных речей с указами и доношениями, посвященными смежным или идентичным вопросам позволяет вскрыть проблему преступности в среде низовых звеньев системы управления Верхним Приобьем, выявить основные каналы и факторы злоупотреблений администраторов, определить реакцию вышестоящих учреждений на осуществление управления во время проведения следствия или в период смены управляющего лица.

В целом, делопроизводственные документы открывают внушительный эвристический потенциал для реконструкции не только и не столько доктринальной стороны механизмов государственной политики освоения Верхнего Обь-Иртышья, сколько реального опыта, административной практики их реализации. На основе обращения к данному виду источников может быть воссоздана многообразная специфика функционирования системы управления

регионом, документально обоснованы различия в восприятии социально-политической обстановки между местными и локальными звеньями иерархии власти.

Вместе с тем, следует констатировать неоднородность, иррегулярность фондообразования и, как следствие, фрагментарность отдельных сегментов делопроизводственной группы источникового корпуса. В частности, при реконструкции администрирования крепостями в Верхнем Прииртышье следует учитывать практически полное отсутствие в фондах РГВИА документов за конец 10-х – 20-е гг. XVIII в. при значительном количестве материалов, посвященных 30 – 40-м гг. этого же столетия. Вместе с тем подробное изучение соответствующих источников позволяет экстраполировать выводы о характере протекания управленческих процессов на более ранний период за счет отсутствия упоминаний в документах существенных отличий или динамики в сравнении с предшествовавшими временными отрезками. Кроме того, специфика фондообразования Ф. 517 РГАДА обусловила сохранность не столь обширного числа документов, ставящих в центр внимания отношения уездных властей с частновладельческими и ведомственными приказчиками Колывано-Воскресенского горного ведомства. Однако каждый из отложившихся документов обладает существенной эвристической ценностью, поскольку посвящен коллизионным аспектам взаимодействия гетерогенных управленческих структур.

Повышение эвристического потенциала делопроизводственных материалов достигалось за счет рассмотрения их в контексте действовавших законодательных актов. Характеристику законодательства как разновидности исторических документов осложняет отсутствие унифицированного подхода к установлению дефиниции «закон» в специальной литературе¹⁰⁸. Ведущие отечественные источниковеды единодушно воспринимают в качестве субъекта законодательного строительства исключительно императора. Однако градация законодательных

¹⁰⁸ См.: Источниковедение. Теория. История... С. 343. При этом, стоит подчеркнуть, что А.В. Муравьев и М.Т. Белявский вовсе не предлагают определения дефиниции «закон», небесспорно отождествляя этот термин с категорией «право». См.: Источниковедение истории СССР... С. 74. В свою очередь, М.Ф. Румянцева под законодательством в достаточно общей форме понимает «вид исторических источников, объединяющий нормативные документы, санкционированные верховной властью». См.: Источниковедение. Теория. История... С. 335.

актов возможна лишь в случае отделения законодательной власти от исполнительной¹⁰⁹, что в реалиях российской правовой системы образца раннего Нового времени, естественно, было невозможным. Обозначенные обстоятельства ярко обнажают ничтожность попыток типологизации законодательства в текущем исследовании. Примитивная классификация может быть реализована лишь в формате деления источников на законы и подзаконные акты. Распоряжения монарха, обличенные в формат указов, автоматически приобретали силу и характер закона, в то время как все остальные административные документы оставались на уровне подзаконных нормативно-правовых актов, составлявших ядро делопроизводственной документации.

Использованные при написании диссертации законодательные источники отложились в документах Ф. 248 РГАДА, а также в материалах из первого собрания Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ). Эти акты отражают законодательную волю главы государства и содержат конкретные указания региональной власти в отношении решения наиболее сложных административных вопросов Верхнего Обь-Иртышья: постройки и переноса крепостей, действий в случае обострения отношений с Джунгарским ханством, разграничения предметов ведения между губернатором и воеводами.

Не менее существенное значение для текущего исследования имеют императорские указы и разработанные на их основе указы Правительствующего Сената о посылке военных и геодезических экспедиций в Верхнее Обь-Иртышье, порядке заселения и таможенного регулирования прилегавшего к крепостям пространства, а также частновладельческой принадлежности Колывано-Воскресенского заводского комплекса.

Особняком выступают вошедшие в ПСЗРИ указы воеводам и земским комиссарам. Эти акты не только явились нормативно-правовой основой деятельности соответствующих институтов и, как следствие, позволили раскрыть сферу компетенции местных властей, но и выступили отправной точкой в источниковедческом и общеисторическом анализе документов, определявших

¹⁰⁹ Источниковедение. Теория. История... С. 343.

сферу компетенции и административные задачи локальных органов управления в регионе.

В законодательных актах содержится уникальная информация, демонстрирующая исключительную имплицитность административной доктрины освоения Верхнего Обь-Иртышья, но вместе с тем позволяющая воссоздать ее базовые элементы, зафиксировать наличие или отсутствие реакции центрального имперского аппарата на динамику событий в регионе. Недостатком законодательства как вида исторических источников является крайне слабая, близкая к незначительной степень фиксации характера и особенностей реализации решений, принятых нормотворцами. Последнее находило свое применение лишь в случаях повторных обращений агентов законодательного строительства к принятым и оформленным управленческим актам, сложившимся коллизиям, проигнорированным региональной или местной властью. Таким образом, законодательные источники вскрывают лишь общетеоретические основы государственной политики, ключевые имперские идеологемы, не позволяя без привлечения других видов источников, в полной мере и многоаспектно реконструировать административно-правовую практику освоения Верхнего Обь-Иртышья в первой половине XVIII в.

Определенная часть делопроизводственного массива источников и законодательных актов нашла свое отражение в опубликованных сборниках документов, среди которых стоит выделить «Памятники Сибирской истории», «Международные отношения в Центральной Азии», «Русско-джунгарские дипломатические отношения» и другие¹¹⁰. Ограниченное привлечение материалов из этих изданий обуславливается использованием полных текстов подлинников соответствующих документов, извлеченных из фондов центральных архивов.

¹¹⁰ Материалы для истории Сибири / сост. Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1867; Памятники сибирской истории. Кн. 2. СПб., 1885; Международные отношения в Центральной Азии. XVII – XVIII вв.: Документы и материалы / сост. Б.П. Гуревич, В.А. Моисеев. Кн. 1. М., 1989; История Алтая в документах и материалах, конец XVII – начало XX в. / сост. Ю.С. Булыгин. Барнаул, 1991; Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / сост. В.А. Моисеев, И.А. Ноздрин, Р.А. Кушнерик. Барнаул, 2006; Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730 – 1740-х гг. (по анкетам В.Н. Татищева): сб. док. / авт. вступ. ст. и археограф. справки В.Б. Бородаев, А.В. Контев. СПб., 2010; Сибирские переселения. Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв.: сборник документов / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2010.

Исключительной важностью для исследования обладают собранные картографические материалы. Основу картографического блока источников составили памятники, хранящиеся в Ф. 192 (Картографический отдел библиотеки Московского государственного архива Министерства иностранных дел (Картографический отдел библиотеки МГАМИД)) и Ф. 271 (Берг-коллегия) РГАДА; Ф. 113 АВПРИ; фондах отдела картографии Российской государственной библиотеки (РГБ. Отдел КГР), Государственного исторического музея (ГИМ), а также отдела рукописей Библиотеки Российской Академии наук (БРАН). В дополнение к этому в диссертации использованы опубликованные ограниченным тиражом в первой трети – середине XVIII столетия первые атласы Российской империи, а также переизданные в начале XXI в. чертежи и хорографические картины С.У. Ремезова¹¹¹. Кроме того, отдельные фрагменты некоторых карт Алтая опубликованы В.Б. Бородаевым и А.В. Контевым¹¹².

Карты и чертежи заключают в себе ключевую информацию относительно принципов и способов формализации важнейших административных и экономических центров посредством картографической фиксации, восприятия территории Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в качестве составной части пространства Российского государства. Привлечение картографических материалов позволяет выявить и частично синтезировать ключевые элементы системы требований и подходов административного аппарата к геополитическому и административно-хозяйственному освоению региона.

Вместе с тем карты как вид источников имеют и ряд уязвимых мест, связанных с неполным соответствием любого подобного документа уже на момент своего составления реальному контексту протекавших в конкретной области процессов. Им также присуща определенная схематизация в отражении административно-политической и экономико-географической линий взаимодействия. Однако компаративное сопоставление этой схематизации с абстрактно-теоретической управленческой доктриной и правоприменительной

¹¹¹ Хорографическая чертежная книга Сибири: Факсимиле рукописи 1697 – 1711 гг. Тобольск, 2013; Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.: в 2 т. М., 2003. Т. 1: Факсимиле рукописи из собрания Российской государственной библиотеки.

¹¹² Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас... С. 53-68.

деятельностью органов низового управления поможет достичь заявленных целей исследования.

В целом, одной из главных характеристик привлеченного корпуса источников является его видовое многообразие. Возможность взаимодополняемости, взаимозаменяемости и взаимопроверяемости содержащихся в источниках разных типов сведений способствовала достижению поставленных в диссертации целей и задач.

Научная новизна исследования заключается в опыте комплексного изучения политико-правовых инструментариев освоения Верхнего Обь-Иртышья в первой половине XVIII в. на основе выявления и введения в научный оборот значительного объема ранее не использовавшихся исторических источников. Впервые в сибиреведческой литературе пространственная модель региона и система управления им рассматриваются в качестве самостоятельных механизмов государственной политики.

Многоаспектно и полигранно освещается феномен государственной границы России в Обь-Иртышском междуречье, доказываемое отсутствие на различных уровнях административной вертикали единообразного подхода к определению государственных рубежей. С опорой на картографические и документальные материалы выделяется и раскрывается три нетождественных, но конвергентных парадигмы восприятия государственной границы как в системе пространственной модели Алтая, так и вне ее контекста. Помимо этого, определяется место административных объектов региона в пространственном восприятии субъектов колонизации, а также влияние этого фактора на освоительский процесс.

В исследовании детализируется функциональный статус и нюансы правоприменительной деятельности низовых звеньев системы управления Верхним Обь-Иртышьем, реконструируются две модели построения административной иерархии. На основе анализа привлеченного корпуса документов обнажается несостоятельность утвердившихся в среде специалистов представлений о первоначальном этапе освоения Алтая как периоде стагнации и архаизации административных структур и системы управления. Кроме того,

преодолевается установившаяся в историографии тенденция изолированного рассмотрения истории Колывано-Воскресенского ведомства и гражданского управления в регионе, определяются и характеризуются линии пересечения интересов частновладельческих управителей А.Н. Демидова и воевод Кузнецкого уезда.

Практическая значимость исследования предполагает широкий потенциал использования полученных результатов в административной деятельности структур исполнительной власти различных уровней. Центральные органы управления могут привлекать отдельные положения и умозаключения диссертации при установлении и коррекции режима функционирования государственной границы с целью повышения его эффективности. Для региональных и местных властей определенным интересом представляют способы формирования управленческих стратегий и осуществления администрирования в условиях дефицита кадрового состава сотрудников и ресурсной (материально-технической) базы.

Основные положения диссертации могут послужить эмпирической и научно-теоретической основой для создания академических и научно-популярных трудов обобщающего характера по истории региона, проведения специальных исследований в области пространственного восприятия Алтая, реконструкции управленческой среды, изучении взаимоотношения местных властей и поднадзорного населения в ходе развития освоенческого процесса.

Апробация результатов диссертационного исследования. Ключевые положения диссертации прошли широкую апробацию и были представлены в виде секционных докладов на 36 конференциях различного уровня, в том числе на 6 международных (г. Москва, Новосибирск, Барнаул), 16 всероссийских (г. Москва, Екатеринбург, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Омск, Тобольск, Барнаул), 9 региональных (г. Барнаул, Бийск, Рубцовск) и 5 конференциях иного статуса. В общей сложности по теме исследования опубликованы 32 работы, в том числе: 2

раздела в коллективных монографиях¹¹³, 4 статьи в журналах из перечня ВАК¹¹⁴, 26 публикаций иного статуса¹¹⁵. 16 работ размещены в системе РИНЦ. Отдельные

¹¹³ Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.) / Т.Н. Соболева, П.А. Афанасьев, А.Е. Кухаренко, Д.С. Бобров. Барнаул, 2012. С. 99-132; Историко-географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников XVIII – начала XX в.: монография / Д.С. Бобров, В.В. Ведерников, Д.С. Дегтярев, А.Е. Кухаренко, К.А. Пожарская, Т.Н. Соболева, К.Е. Стрелец, Л.С. Тихобаева; под ред. Т.Н. Соболевой, Д.С. Боброва. Барнаул, 2016. С. 39-77.

¹¹⁴ Бобров Д.С. Институт приказчиков в системе управления территорией Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2013. № 4. Т. 1. С. 114-118; Бобров Д.С., Соболева Т.Н. Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3. Т. 2. С. 34-41; Бобров Д.С. Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья как системообразующие институты локального звена системы управления регионом в 20 – 30-х гг. XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2. С. 33-37; Он же. Формирование российской границы в Верхнем Обь-Иртыше в оценках ученых и путешественников XVIII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 12-18.

¹¹⁵ Бобров Д.С. К вопросу об основных аспектах административной истории Алтая первой половины XVIII в. // «Студент и научно-технический прогресс»: мат. XLVIII Межд. науч. студ. конф. Серия: «История». Новосибирск, 2010. С. 106–107; Он же. Идея «фронта» – один из взглядов на процесс освоения Алтая как периферийного пространства // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII – начале XX в.: сб. науч. ст. Барнаул, 2011. С. 7-17; Он же. К вопросу о взаимоотношении понятий «колонизация» и «фронт» в методологическом поле современного сибиреведения // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: мат. XXXVIII науч. конф. студ., маг., асп. и учаш. лицейных классов. Барнаул, 2011. Вып. 8. С. 13-14; Он же. К вопросу о специфике административного развития Алтая в первой половине XVIII в. в условиях зоны фронта // «Студент и научно-технический прогресс»: мат. XLIX Межд. науч. студ. конф. Серия: «История». Новосибирск, 2011. С. 110–111; Он же. Особенности эволюции административного поля Алтая в первой половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: мат. конф. Барнаул, 2011. С. 94–95; Он же. «Чертежная книга Сибири» и Атлас 1745 г. – две вехи в эволюции картографической проекции государственного взгляда на процесс освоения Алтая в первой половине XVIII в. // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. 2011. № 10. С. 110-118; Он же. Эволюция государственного взгляда на процесс освоения Алтая в первой половине XVIII в. через призму изменения специфики картографического материала // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII – начале XX в.: сб. науч. ст. Барнаул, 2011. С. 62-71; Он же. Важнейшие закономерности складывания и развития алтайского фронта // Молодежь в XXI в.: мат. XIII кр. молодеж. науч.-практ. конф. Барнаул; Рубцовск, 2012. С. 248–250; Он же. О соотношении военного и общегражданского начал в функционировании низовых звеньев системы управления территорией Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Алтай в истории российской государственности: мат. науч.-практ. конф. Барнаул, 2012. С. 76–78; Он же. Оборонно-снабжение функция приказчиков крепостей Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Тобольск научный – 2012: мат. IX Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. Тюмень, 2012. С. 256–259; Он же. Целевые установки формирования картографической модели Алтая в первой половине XVIII в. // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: мат. XXXIX науч. конф. студ., маг., асп. и учаш. лицейских классов. Барнаул, 2012. Вып. 9. С. 17-18; Он же. Алтай на генеральной карте Российской империи из атласа И.К. Кирилова // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: мат. всерос. науч. конф. Барнаул, 2013. С. 89-91; Он же. Алтайский военный фронт в первой половине XVIII в. // Сборник научных статей молодежной школы-семинара «Ломоносовские чтения на Алтае»: в 6 ч. Барнаул, 2013. Ч. IV. С. 176–183; Он же. К вопросу о предпосылках становления «Региона Кольвано-Воскресенского горного ведомства»: общетеоретические аспекты // Тобольск научный – 2013: мат. X Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск, 2013. С. 224–227; Он же. Общие проблемы становления и функционирования систем локального администрирования в Верхнем Обь-Иртыше в 20-30-е гг. XVIII в. // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: мат. XL науч. конф. студ., маг., асп. и учаш. лицейских классов. Барнаул, 2013. Вып. 10. С. 13–15; Он же. Отражение промежуточных итогов освоения пространства Алтая в первом официальном атласе Российской империи 1745 г. // Диалог культур и цивилизаций: мат. XIV Всерос. с международным участием науч. конф. молодых исследователей. Тобольск, 2013. С. 54–57; Он же. Принципы организации низовых звеньев системы управления окраинами Российской империи в первой половине XVIII в. (на примере Алтая) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2013; Он же. Фронтальная модернизация управленческого сегмента Алтайского региона в первой половине XVIII в. // Региональный фактор модернизации России XVIII – XX вв.: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2013. С. 52-55; Он же. Картографические материалы как инструмент формализации государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: мат. Всерос. науч. конф. Ростов-на-Дону, 2014. С. 114–122; Он же. Наказные памяти приказчикам крепостей Верхнего

циклы научных статей, а также разделы в коллективных монографиях были подготовлены в рамках реализации исследовательских проектов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Кабинетская модель эксплуатации природных ресурсов Алтая как фактор развития российской монархии (середина XVIII – начало XX в.)» (проект № 11-11-22002); «Историко-географические образы Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX в.» (проект № 15-11-22005), а также ФЦП («Научные и научно-исследовательские кадры инновационной России») «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)». В настоящее время отдельные аспекты представленной проблематики продолжают изучаться в рамках исследовательского проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.» (проект № 17-11-22006/ОГОН).

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Административные объекты Алтая становились стержнем формирования пространственной модели региона, выступая для различных субъектов освоения средством идентификации, сегментизации и маркирования территорий.
2. В течение первой половины XVIII в. делимитированная и демаркированная государственная граница России в Обь-Иртышском междуречье отсутствовала. Соответствующий вопрос занимал видное место в административном дискурсе, превратившись в один из ключевых факторов выработки имперскими управленческими структурами освоенческого курса.

Приобья в конце 10-х – начале 30-х гг. XVIII в. // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX в.): сб. мат. всерос. науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 178–186.

Бобров Д.С. Генезис доктрины стратегической границы как идейной основы лимогенеза Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. Омск, 2015. Вып. 12. С. 17–23; Он же. Оценка М.И. Венюковым лимогенеза Российской империи на юге Западной Сибири в XVIII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат. четвертой Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2015. С. 51–59; Он же. Стратегическая государственная граница Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: мат. к межд. науч. конф. М., 2015. С. 635–639; Он же. Экспедиции П.А. Мельникова в предгорья Алтая 1733–1734 гг. в контексте формирования российской государственной границы в Верхнем Обь-Иртышье // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат. Всерос. молодеж. науч. школы-конференции. Новосибирск, 2016. С. 20–27; Бобров Д.С., Соболева Т.Н. Политико-географические образы границы Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в первой половине XVIII в. // Дневник Алтайской школы политических исследований № 31. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии): сб. науч. ст. Барнаул, 2015. С. 201–206; Бобров Д.С., Тихобаева Л.С. Первое русское топографическое описание верховий Иртыша // Тобольск научный – 2015: мат. XII Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием). Тобольск, 2015. С. 141–144.

3. В административно-правовых реалиях существовало три подхода (парадигмы) восприятия государственной границы на юге Западной Сибири: официально-дипломатический, локально-управленческий и картографический. Официально-дипломатическое понимание заключалось в обосновании суверенных прав России на всю территорию Верхнего Обь-Иртышья вплоть до озера Зайсан (включительно). Локально-управленческий формат восприятия государственных рубежей связан с фактическим пределом административной юрисдикции местных и локальных управленческих структур в регионе. Третья парадигма связана со становлением специфического наглядно-графического образа границы, реализовывавшегося в создании оригинальной картографической проекции приграничного пространства, содержание которой могло не соотноситься с другими двумя аспектами.
4. Отсутствовали нормативно-правовые и административно-политические основы регулирования отношений по линии «кузнецкий воевода – управители ведомства Колывано-Воскресенских заводов». Это детерминировало столкновение интересов гражданских властей и частновладельческих приказчиков, где уездные администраторы стремились к перманентному расширению своего влияния на Колыванскую контору, а региональные власти добивались соблюдения интересов производственного комплекса.
5. Система управления Верхним Обь-Иртышьем носила многоуровневый характер, однако, несмотря на ситуацию бюрократического централизма, значительная роль в ней принадлежала низовым административным структурам. На территории региона существовали две модели (вариации) построения соответствующих звеньев управленческой вертикали: в острогах и слободах Верхнего Приобья администрирование осуществляли приказчики, в крепостях Иртышской линии – штаб-офицеры, руководившие гарнизонными канцеляриями.
6. Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья в условиях строгой персонификации власти на низовых звеньях системы управления выступали, с одной стороны, проводниками политики воеводы, а с другой – действовали в

рамках освоенческой конъюнктуры, исходя из реальных условий протекания управленческого процесса. Как в глазах вышестоящих инстанций, так и в сознании поднадзорного населения приказчики являлись фактически единственным легальным и не дискредитированным институтом управления, а оставление острогов без «начальных людей» создавало ситуацию внутренней социальной напряженности и ставило под угрозу обороноспособность локального района.

7. Система организации администрирования Верх-Иртышскими крепостями являлась эклектичной и слабо структурированной по своему характеру. Активное вовлечение в управленческий процесс центральных органов власти, в том числе Военной коллегии, Коллегии иностранных дел, а также Сената периодически создавало контекст противоречия имперской доктрины, спускавшейся сверху, интересам региональной власти и военно-политической обстановке вокруг крепостей на Иртыше. Однако такой, на первый взгляд, негативный эффект в условиях острого ресурсно-кадрового дефицита, немногочисленности административно подчиненного населения не означал снижения эффективности управления локальным районом.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, выделенных по проблемно-тематическому принципу, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, приложения. В первой главе освещено место административных объектов в системе пространственной модели региона, а также представлена общая терминологическая характеристика проблемы государственной границы, дифференцированные походы к ее определению в раннем имперском административном дискурсе. Во второй главе осуществлена реконструкция функционального статуса и правоприменительной деятельности низовых звеньев системы управления Верхним Обь-Иртышьем, показаны две модели построения соответствующих структур, применявшиеся в различных локальных районах региона.

Глава 1. Формирование пространственной модели Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в первой половине XVIII в.

1.1. Административные объекты Верхнего Обь-Иртышья в системе пространственной модели региона

Эффективность освоения любого фронтального (окраинного) региона зависит от того, насколько управленческая программа соответствует административно-географическим особенностям области. Попытки распространения государственного суверенитета на удаленные районы без учета территориальной подоплеки способны приводить к серьезной гипертрофии колониционного движения или даже вовсе его полному срыву. В связи с этим при развертывании освоенческих процессов центральная власть нуждалась в наличии более-менее структурированных и системных представлений о пространственных характеристиках объекта. Эту не всегда заметную, но чрезвычайно важную функцию выполняла пространственная модель региона. При характеристике предмета исследования уже говорилось, что пространственная модель определяется как набор восприятий и представлений управленческого аппарата различных уровней относительно физико-географических, геостратегических и административно-политических параметров Алтая.

На первоначальных этапах освоения Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в качестве основных каналов формирования пространственной модели региона выделились картографические материалы и административный дискурс.

На протяжении первой половины XVIII в. наблюдалась определенная прогрессивная динамика и углублявшаяся структурализация картографического материала. Эти процессы обуславливались не только и не столько развитием географических знаний, сколько дифференциацией государственного взгляда на включение Алтая в пространство России¹. Чертежи заключали в себе множественные картографические проекции, то есть складывавшиеся особым

¹ Бобров Д.С. Эволюция государственного взгляда на процесс освоения Алтая в первой половине XVIII в. через призму изменения специфики картографического материала // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII – начале XX в.: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.Н. Соболева. Барнаул, 2011. С. 62-69.

образом отражения территорий в конкретном картографическом источнике, которые фиксировали как степень проникновения центральной власти в регион, так и районы, на данном этапе не вовлеченные в процесс интеграции².

Административный дискурс фиксировал представления субъектов управления различных уровней относительно ведущих географических характеристик локальных районов Верхнего Обь-Иртышья.

Пространственная модель Алтая первой половины XVIII в. обладала нечеткой, эклектичной структурой. Основными группами объектов, вокруг которых она формировалась, являлись административные пункты и государственная граница. Государство на ранних этапах проникновения в регион нуждалось в инструменте, который, с одной стороны, упорядочивал бы синкретичное пространственное восприятие осваиваемых территорий, а с другой – выступал бы для служилого и поднадзорного населения не только четким пространственным ориентиром, но и центростремительной доминантой в локальных районах (Верхнее Приобье, междуречье Чарыша и Алея, Верхнее Прииртышье). В условиях имперского освоения именно такими маркерами становились административные объекты. Поскольку возникновение сел, деревень, промысловых избушек, во многом, носило хаотичный порядок и слабо поддавалось контролю со стороны власти, на роль соответствующих пространственных сигнатур могли быть выбраны остроги/крепости и предприятия ведомства Колывано-Воскресенских заводов.

Возведение инженерных укреплений в регионе для административной элиты Российского государства превращалось в показатель и сигнал для его дальнейшего освоения. В свою очередь, государственная граница выступала инструментом обрамления, определения пределов инкорпорируемых областей. Но она также нуждалась в конкретной территориальной привязке, которая заключала в себе не только гидрографические объекты, но и крепости региона. Таким образом, при формировании пространственной модели Верхнего Обь-Иртышья

² Бобров Д.С. Целевые установки формирования картографической модели Алтая в первой половине XVIII в. // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: мат. XXXIX науч. конф. студ., маг., асп. и учащихся лицейских классов. Барнаул, 2012. Вып. 9. С. 17.

речь должна идти о взаимодополняемости административных пунктов и государственной границы, поскольку первые выступали одним из важнейших факторов формирования последней, а отсутствие на протяжении длительного времени линии государственных рубежей актуализировало акцентуацию внимания властей и местного населения на российских укреплениях и Кольванских заводах в регионе.

Крупные российские инженерные сооружения в Верхнем Обь-Иртышье делились на 2 большие группы: остроги Верхнего Приобья (Бикатунский и Белоярский, плюс защитные сооружения Малышевской слободы), а также Верх-Иртышские крепости (Ямышевская, Омская, Железинская, Семипалатная, Усть-Каменогорская).

Среди укреплений Верхнего Приобья особняком выступал Бикатунский острог/крепость, возведенный в 1709 г., сожженный спустя год отрядом ойротов во главе с Духаром и восстановленный в 1718 г.³ Административный дискурс первой половины XVIII в. не знал различий в типах фортификационных сооружений, поэтому категории «крепость» и «острог» воспринимались в качестве тождественных и даже могли встретиться в одном и том же документе. Однако существовало два нюанса. Во-первых, абсолютно во всех воеводских указах говорилось именно о «Би(й)катунской крепости» и никак иначе⁴. Во-вторых, слово «острог» никогда не использовалось в той части документов, которая содержала непосредственно предписывающую норму, обращенную к лицу определенной должности (приказчику, земскому комиссару, казачьему голове). А вот в распоряжениях, адресованных служилым людям, посылавшимся с различными локальными целями, категории «крепость» и «острог» использовались в качестве синонимичных.

Функциональное назначение Бийской крепости стало очевидным уже в царском указе Петра I 1708 г., где предписывалось возвести укрепление «для

³ Булыгин Ю.С. Выход русских к реке Бии и основание Бикатунской крепости // Города Алтая эпохи феодализма и капитализма: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 1986. С. 13-17, 21-22; История Алтая. Барнаул, 1995. Ч. 1. С. 102-104; Уманский А.П. Кузнецк и Алтайские остроги // Кузнецкая старина. Вып. 3. Новокузнецк, 1999. С. 7-10, 16.

⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Л. 7-9; Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 1-358, Д. 1-а. Л. 1-618; Д. 4. Л. 1-488, Д. 5-а. Л. 2-350.

сбора ясашной казны и к селению пашенных крестьян»⁵. В течение 20 – 30-х гг. XVIII в. восприятие административного пункта претерпело незначительные изменения. Г.Ф. Миллер в «Описании Кузнецкого уезда...» 1734 г. характеризовал Бийск как стратегически важный российский форпост в Верхнем Приобье: «Бикатунская крепость была основана в 1709 г. по царскому указу из Сибирской губернской канцелярии как форпост Кузнецкого уезда против калмыков и кыргызов и для большей защиты ясака с живущих в отдалении татарских народов... Она расположена на северо-восточном берегу Бии, в 6 верстах выше того места, где в нее впадает Катунь... От города Кузнецка досюда 210 верст по прямой дороге на юго-запад»⁶.

В строгом смысле слова инженерное сооружение на правом берегу Бии являлось не крепостью, а представляло собой острог небольших размеров. В промемории Кузнецкой воеводской канцелярии, адресованной Г.Ф. Миллеру Бикатунское укрепленное поселение характеризовалось как «... [острог] деревянный, длиною 24 сажени, поперек 20 сажен, по углам четыре башни»⁷. В середине 30-х гг. XVIII в. губернская канцелярия и вовсе ответствовала в Военную коллегию относительно укрепления на Бие: «имеется в степную сторону от города Томска Бийский фарпост, а в оном казаков 44 человека, токмо того фарпоста по имеющейся в губернской канцелярии генеральной карте в каком он месте и в которую степную сторону – сего не показано»⁸.

Площадь острога действительно была крайне незначительной. Вплоть до перестройки в 1738 г. на его территории находилась лишь судная изба, дом приказчика, часовня и один амбар. К этому Г.Ф. Миллер добавлял, что «для гарнизона, который летом состоит из 40, а зимой из 25 конных казаков, под 4 башнями на углах крепости построены казармы»⁹. Для сравнения Н.Ф. Емельянов

⁵ История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX в. Барнаул, 1991. С. 14.

⁶ Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии в сентябре 1734 г. // История Сибири. Первоисточники. Вып. VI: Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / изд. подг. А.Х. Элерт. Новосибирск, 1996. С. 24.

⁷ Цит. по: Исупов С.Ю. Роль Бийской крепости в военно-колониационной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: история, политология. 2010. № 4. Т. 3. С. 92.

⁸ Цит. по: Исупов С.Ю. Роль Бийской крепости... С. 92.

⁹ Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда... С. 24.

показал, что в середине 10-х гг. XVIII в. в относившемся к Томскому уезду Чаусском остроге находился двор приказчика, казенная изба с сенями, двор для скота, клеть с подклетью, горница, подвал с выходом, баня, караульная изба, амбар для боеприпасов и другие сооружения¹⁰. На протяжении первой половины XVIII в. крепостная округа Бийска в разное время представляла собой конгломерат до 10 небольших деревень с пестрой территориальной локализацией.

Обладая лишь немногочисленным сменным гарнизоном и незначительными артиллерийскими орудиями, Бийский острог на протяжении конца 10 – 30-х гг. XVIII в. не рассматривался уездными властями в качестве укрепления для длительной обороны, а, скорее, лишь выступал инструментом оповещения о неприятельском вторжении в юго-западные районы Кузнецкого уезда¹¹.

Наглядно-графическая фиксация Бийской крепости в картографических документах первой половины XVIII в. имела ряд специфических черт. На чертеже южных окраин Сибири, представленном М.П. Гагариным в Сенат в 1719 г. Бийский острог показан строго в стрелке Бии и Катуня, при этом он обозначен как «Катун»¹², а рядом отмечен знак «Н» - новопостроенный¹³. В дальнейшем укрепление на региональных картах «переехало» на правый берег Бии несколько выше слияния двух рек, то есть в зону своего действительного местонахождения. На чертежах П. Чичагова 1729 г. и Я. Филисеева 1733 г. показана «Бикатунская крепость», возле которой проходит дорога к Колывано-Воскресенскому заводу¹⁴. На карте 1736 г. значится уже «острог Бикатунской» в окружении нескольких деревень на правом берегу Бии и Оби (приложение I)¹⁵. А вот в материалах из Атласа Российской империи 1745 г. Бикатунская крепость снабжена специальным значком, зафиксирована также на правом берегу Бии, но практически в месте слияния с Катунью (приложение II)¹⁶.

¹⁰ Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху / отв. ред. В.И. Матюшенко. Томск, 1981. С. 132.

¹¹ Исупов С.Ю. Роль Бийской крепости... С. 93.

¹² На чертеже из Телецкого озера вытекает не Бия, а Катунь.

¹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 16-а.

¹⁴ Библиотека Российской академии наук (БРАН). Отдел рукописей. Основное собрание рукописных карт. № 473; РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 38.

¹⁵ РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Д. 141.

¹⁶ Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт. СПб., 1745. Чертеж № 15.

Несколько иная роль в пространственной модели Алтая принадлежала Белоярской крепости. Сооруженный в 1717 г. по инициативе кузнецкого воеводы Бориса Акимовича Синявина острог располагался напротив устья реки Барнаулки¹⁷ и достаточно быстро утратил свое военно-стратегическое значение, так как находился вдалеке от маршрутов движения ойротов. При этом точное местоположение оборонительного строения до сих пор является дискуссионным моментом¹⁸.

Внешний вид Белоярской крепости достаточно сильно напоминал укрепление в районе слияния Бии и Катуня. Руководивший строительством на «белом яру высоком» Иван Максюков докладывал Б.А. Синявину: «построил я рубленную деревянную крепость мерою [в] длину и поперек дватцать сажень, по углам четыре башни, а под башнями жилых четыре избы»¹⁹. Спустя два десятилетия Г.Ф. Миллер схожим образом описывал острог: «Сооружение состоит из четырехугольного палисада, каждая сторона которого в 20 сажень, с боевыми башнями по углам и еще с башней над воротами крепости со стороны, где к ней есть подход»²⁰. При этом нельзя сказать, что региональные власти обладали сколько-нибудь достоверной информацией относительно места расположения укрепления. В ведомостях о сибирских крепостях, датированных 1744 г. и адресованных Сенату указывалось, что «Белоярская [крепость] – на низ реке Бие, на устье реки Чернововки, которая впала в вышеозначенную реку Бие»²¹.

Коренным отличием от Бикатунского острога стало наличие в административной округе Белоярска несравненно большего количества населения. Любопытно, что по сведениям Г.Ф. Миллера внутри укрепления находились лишь «дом приказчика, судная изба и магазины», а вот уже внизу, под яром, возле реки «построено много частных домов вместе с церковью, посвященной святым

¹⁷ Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы... С. 217.

¹⁸ См., например: Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы... С. 222-226; Тишкин А.А. Белоярская крепость: новые результаты поиска // Алтай в истории российской государственности: мат. науч.-практ. конф. Барнаул, 2012. С. 25-28.

¹⁹ История Алтая в документах... С. 23.

²⁰ Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда... С. 25.

²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1584. Л. 91.

апостолам Петру и Павлу... жители – большей частью беломестные казаки, которые одновременно служат гарнизоном крепости. К дистрикту Белоярской крепости относятся 34 деревни»²².

К северо-западу от Белоярской крепости располагалась Малышевская слобода. Примечательным образом ее описывал все тот же Г.Ф. Миллер, рисуя в общем-то достоверный образ стихийно возникшего конгломерата деревень, жители которых самостоятельно занимались возведением укреплений: «... [Малышевская слобода] основана в 1722 г. по просьбам живших в этой местности крестьян из-за большой отдаленности от Бердского острога, к которому они до этого относились. Им был дозволен собственный приказчик, который живет в слободе... Она состоит из обводной деревянной стены из бревен и кольев, которая проведена к берегу реки в виде полумесяца... Жители сами были строителями крепостных сооружений; они также сами содержат гарнизон. Его артиллерия состоит из лишь из одной трехфунтовой железной пушки. Внутри укрепления находятся дом приказчика, судная изба, магазины и несколько частных домов. А остальная часть частных жилищ находится снаружи без какого-либо защитного сооружения»²³.

Находясь в непосредственной близости друг от друга и вдали от районов проживания ойротов, обладая значительными площадями хлеборобных угодий Белоярская крепость и Малышевская слобода воспринимались населением Верхнего Приобья в качестве единого «хлебного» района, максимально удобного для хозяйственной деятельности. Неслучайно в административном дискурсе достаточно быстро установилась тенденция рассмотрения этих двух административных округ в качестве одного из немногих в Верхнем Обь-Иртышье источников продовольственного сырья. В течение первой половины XVIII в. такие настроения лишь усиливались по мере снижения фактора внешней опасности. Вторая составляющая функционального статуса «Белоярско – Малышевского» района обнажилась в конце 30-х гг. столетия, когда население,

²² Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда... С. 25.

²³ Там же.

проживавшее в «ведомствах» соответствующих административных центров стало главным источником пополнения когорты приписных крестьян на Колывано-Воскресенских заводах²⁴.

Другой группой российских укреплений на Алтае становились оборонительные сооружения на Иртыше. Ямышевская, Омская, Железинская, Семипалатная и Усть-Каменогорская крепости в административном дискурсе первой половины XVIII в. собирательно именовались «Верхнеиртышскими» или «Верх-Иртышскими» крепостями. Ямышевский острог и Омская крепость были возведены Иваном Бухгольцем в 1715 и 1716 гг. соответственно²⁵, Железинская крепость основана в 1717 г., спустя год в 1718 г. Борис Чередов заложил Семипалатную²⁶ и, наконец, в 1720 г. возникла Усть-Каменогорская крепость²⁷.

Практически с начала 20-х гг. XVIII в. наиболее типичной чертой восприятия этих укреплений в административном дискурсе и отражения в картографических материалах стала «линейность», то есть рассмотрение крепостей в качестве плавной, изогнутой, но все же последовательной и единой линии.

Г.Ф. Миллер формировал соответствующую идеологию, указывая расстояние между оборонительными объектами: от Омской крепости до Железенской 200 верст, от Железенской до Ямышевской 231 верста, от Ямышевской до Семипалатной 228^{1/2} верст, от Семипалатной до Усть-Каменогорской 181^{1/2} верст²⁸.

На чертежах конца 10 – середины 40-х гг. фортификационные сооружения последовательно изображались на правом берегу Иртыша и, в отличие от

²⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 122. Л. 6-8.

²⁵ Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы... С. 126-127, 130-131, 166-169; Контев А.В. Первый сибирский губернатор М.П. Гагарин и основание русской крепости на реке Омь // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2. № 4. С. 144-145.

²⁶ Бородаев В.Б. Русские документы 1717 – 1720 гг. об основании Семипалатной крепости // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): мат. межд. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2014. С. 267-271.

²⁷ Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы... С. 329; Бородаев В.Б. Архивные документы 1719 – 1720 гг. о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости // Роль архивных учреждений в истории Казахстана: мат. межд. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2010. С. 29-42.

²⁸ Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда... С. 99.

острогов Верхнего Приобья, всегда подписывались и именовались исключительно «крепостями» (приложение III)²⁹.

Однако определенная дифференциация российских укреплений в Прииртышье все же существовала. В чрезвычайно плохо сохранившихся ведомостях Верх-Иртышских строений начала второй трети XVIII в. Железинская крепость рассматривалась в качестве наиболее привлекательной для инициации хозяйственной деятельности. Внутри огороженной территории фиксировались 2 драгунские казармы, часовня, стороевая будка, за пределами этой площадки располагались многочисленные драгунские квартиры, близлежащая к ней местность заключала в себе «с верхнюю стороны реки Иртыша с лугу сенных покосов довольноное число», а также 6 озер, «в тех озерах рыба белая»³⁰.

В свою очередь, наиболее крупным российским районом Верхнего Прииртышья оставалась административная округа Ямышеской крепости. В середине 30-х гг. XVIII в. в укрепленных стенах находилось 80 казарм, а за пределами огороженной территории 8 амбаров и 124 дома солдат, тогда как в других крепостях было примерно в 2 раза меньше различных строений³¹. Вместе с тем в укреплениях на Иртыше не было улиц, в силу того, что «строения не довольноно»³².

Важно обратиться и к опыту осмысления населением Верхнего Приобья роли крупных оборонительных укреплений в социально-политическом пространстве региона и колонизационных процессах. С позиций исторической урбанистики российские остроги на юго-западных окраинах Кузнецкого уезда представляли собой переходный вариант между селом (деревней) и городом. Соответственно, применительно к реалиям освоения и с определенной долей условности их можно назвать городами образца раннего периода заселения территории. С другой стороны, город как в индивидуальном, так и коллективном сознании всегда

²⁹ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 38; Ф. 271. Оп. 3. Д. 141; Атлас Российский... Чертеж № 15; Исключение составляет выполненный в стилистике работ С.У. Ремезова чертеж конца 10-х гг. XVIII в., на котором Железинская крепость показана ниже по течению Иртыша, нежели Омская. См.: ГИМ. Отдел картографии. ГО № 3283 (приложение III).

³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2699. Л. 7-8.

³¹ Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730 – 1740-х гг. (по анкетам В.Н. Татищева): сб. док. СПб., 2010. С. 48.

³² Там же.

выделялся в особое явление, в значительной мере противостоявшее не только природно-географической среде, но и руральному (сельскому) окружению³³. Вследствие этого, остроги следует рассматривать, в том числе, как объекты культурного ландшафта, использовавшиеся в культуре в качестве этнических, политических и социальных маркеров³⁴.

В административных округах Верхнего Приобья, за исключением Малышевской слободы, именно оборонительные строения становились первыми русскими зданиями, постройка которых была санкционирована властями. Возведение как Белоярской, так и Бикатунской крепости ознаменовало собой точку отсчета в заселении соответствующих локальных районов³⁵. Это превращало укрепления в инструмент первичной идентификации пространства. Причем, если в административном дискурсе они позиционировались как рациональные критерии определения границ распространения государственного суверенитета, то для служилого и поднадзорного населения Кузнецкого уезда приобретали характер «маяка», позволявшего осуществлять навигацию в пределах Верхнего Приобья, а также дифференцировать пространство в зависимости от принадлежности территории к тому или иному укреплению.

Н.А. Березиков приводит любопытное замечание о том, что в сознании непосредственных освоителей (казаков и крестьян) происходило слияние представлений о пространстве с образом острогов. Крепости начинали мыслиться как часть административно-географического поля, а социально-бытовое пространство замыкалось или даже вовсе исчерпывалось площадью укрепления, за пределами которого были ««новые земли», одни – «неизведанные» и

³³ Историко-географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников XVIII – начала XX в.: монография / Д.С. Бобров, В.В. Ведерников, Д.С. Дегтярев, А.Е. Кухаренко, К.А. Пожарская, Т.Н. Соболева, К.Е. Стрелец, Л.С. Тихобаева; под ред. Т.Н. Соболевой, Д.С. Боброва. Барнаул, 2016. С. 19; Голд Дж. Психология и география. Основы поведенческой географии. М., 1990. С. 165-211.

³⁴ Березиков Н.А. Образ сибирского острога в пространстве «новых земель» (по материалам донесений казаков XVII в.) // Баландинские чтения: сб. ст. VIII науч. чт. пам. С.Н. Баландина. Т. IX. Ч. 1. Новосибирск, 2014. С. 19.

³⁵ Стоит, однако, оговориться, что еще до появления Белоярской крепости на левом берегу Оби в районе устья реки Барнаулки Федором Кривошеком была основана одноименная деревня (уже третья, вслед за двумя другими в районе устья Ини), которая в административном дискурсе именовалась «Кривошекиным заводом». См.: Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1986. С. 23; Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы... С. 214-218.

“неясачные”, другие – “немирные”»³⁶. Однако соответствующая картина характерна, скорее, для первых лет после сооружения Белоярского и Бикатунского острогов, то есть для конца 10-х гг. XVIII в., когда жители складывавшихся округ или командированные казаки в недостаточной степени были знакомы с левобережьем Бии, междуречьем Чарыша и Алея, а также лишь по слухам имели представления о ведении хозяйственной деятельности в приграничной зоне. Так, в наказе первому приказчику Белоярской крепости Степану Серебренникову значилось «служилых людей на промыслы в степь ни для каких прибытков отнюдь тебе ис крепости не отпущать»³⁷.

В дальнейшем идейно-смысловое восприятие укреплений трансформировалось. Воеводам, служилым людям, несшим «обереговую службу», а также местному населению они стали видеться серединой «новых земель» (неосвоенных районов) Верхнего Приобья, понимавшейся в универсальном евразийском контексте как центр и сердцевина. Более того, остроги превратились в медиану локального пространства³⁸, центростремительную детерминанту осваиваемой локальной области. Они центрировали те земли, куда приходили казаки, придавали им упорядоченность и вовлеченность в актуальный колониционный контекст. Л.И. Шерстова указывает, что приоритетными местами строительства острогов на юге Сибири становились участки, находившиеся в центре притяжения более или менее обширного населенного района, к которому бы по традиции или по социально-политической инерции привычно устремлялись интересы окружающего населения, соединенного давними связями. Кроме того, крепости должны были располагаться на скрещении водных путей или на основной речной магистрали, что позволяло бы в оперативные сроки достигать любого уголка подконтрольной территории³⁹. Яркой иллюстрацией существования таких установок являются губернаторские и воеводские указы первого двадцатилетия XVIII в. о возведении

³⁶ Березиков Н.А. Образ сибирского острога... С. 20.

³⁷ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 45.

³⁸ Березиков Н.А. Образ сибирского острога... С. 21.

³⁹ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. С. 69-70.

Белоярской и Бикатунской крепостей, которые сопровождались формулой «в устье Бии и Катуня» то есть в междуречье двух рек⁴⁰.

В сознании освоителей XVIII в. российские укрепления выступали еще и в качестве места наибольшего сосредоточения административной власти и военно-политической «силы». Это связано с тем, что единственные представители государственной власти в локальных районах, приказчики на время пребывания в должности жили и работали именно на территории укреплений. Вдобавок ко всему административно-географическая принадлежность пашен, сенокосов, деревень и заимок соотносилась с конкретным острогом, мыслясь как его неотъемлемая часть. В доношениях локальных управленцев и служилых людей такие установки обычно отражались в формулах: «в ведомстве Бикатунской крепости», «в землях Белоярской крепости» и т.д.

Другой важной функцией сибирских острогов, как локальных социально-административных субинститутов, становилась мобилизация ясачного населения на уплату соответствующих податей. Однако, если на северо-восточных окраинах Сибири русские укрепления превращались в полноценный механизм водворения нового политического порядка – «ясачново збору и умирения земли»⁴¹, то в Верхнем Приобье соответствующий аспект влияния крепостей не был столь существенным. Ясачные подати практически никогда не взимались в острогах, вследствие чего последние для автохтонного населения оставались, скорее, средством напоминания о присутствии российской власти в Верхнем Приобье, и лишь в исключительных случаях становились источником строгих санкций (первичные допросы, содержание под стражей производились в пределах крепости)⁴².

Примечательно, что в течение первой половины XVIII в. российские укрепления в Верхнем Приобье так и не стали фактором ни консолидации населения, ни акселерации роста уровня преступности. Ситуация диссонанса в пространственном восприятии возникала между предписаниями власти

⁴⁰ История Алтая в документах... С. 16-18, 22-23.

⁴¹ Березиков Н.А. Образ сибирского острога... С. 23.

⁴² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 84. Л. 6-20; Д. 91. Л. 2-4об.

(административным дискурсом) и представлениями местного населения. Однако крепости становились и местом определенной ментальной трансформации населения, причем как русского, так и автохтонного.

В более широком смысле острог создавал особую (новую) социально-административную реальность (идентичность). Причем она носила одновременно и закрытый и открытый характер. Закрытый связан с тем, что большинство пришлого, «чужого» населения водворялось приказчиками с помощью специальных команд обратно, а служилые люди не имели законного права покинуть острог вплоть до окончания срока годовальной службы. Черты открытости проявлялись в пренебрежении со стороны казаков и даже крестьян многими правилами и предписаниями воевод и приказчиков, несанкционированных поездках в приграничные районы или самовольном оставлении службы и возвращении в Кузнецк⁴³.

В целом следует констатировать справедливость для острогов Верхнего Приобья и крепостей Прииртышья вывода коллектива уральских исследователей относительно того, что российские укрепления, опирающиеся на речные системы, выступали «силовыми линиями» безопасности, не просто стабилизируя общую структуру расселения и хозяйственной деятельности, а раздвигая безопасный ареал земледельческого заселения, при этом не вытесняя и не истребляя коренное и иммигрировавшее население⁴⁴.

Другой крупной разновидностью объектов пространственной модели Алтая стали промышленные предприятия А.Н. Демидова, возникшие в Обь-Иртышском междуречье во второй четверти XVIII в. Активное освоение недр, инициированное заводчиком в 20-х гг. столетия, привело сначала к возведению в 1727 г. «Колыванского ручного завода», а затем к открытию в 1729 г. Колывано-Воскресенского завода⁴⁵ и, как следствие, формированию специфического административно-хозяйственного субъекта: Колывано-Воскресенского ведомства (ведомства Колывано-Воскресенских заводов). Обозначенные процессы оказали

⁴³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 19. Л. 51-52.

⁴⁴ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI – XX вв. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004. С. 33.

⁴⁵ Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула. Барнаул, 2000. С. 60-61.

существенное влияние на ситуацию в Верхнем Обь-Иртыше, предопределили изменение вектора формирования пространственной системы области, сместив приоритетный акцент в сторону демидовского производственного комплекса⁴⁶.

События 1727 – 1729 гг. остро нуждались в наглядно-графической фиксации, которая не просто отразила бы территориальную локализацию колыванских предприятий, вписав их в административно-географическое поле Алтая, но и визуально отобразила бы обновленный вариант формировавшейся пространственной модели региона.

Первая задача нашла свое воплощение уже в картографических материалах Н.Г. Клеопина и Т. Бессонова 1727 – 1729 гг. Заводуправитель на чертежах обозначил «Колыванский ручной завод» на реке Малой Колыванке, внутри крепости которого были зафиксированы избы, амбары, сарай, конюшня, «плавильный сарай» и «плавильные 2 печи малые с ручными мехами»⁴⁷. Вскоре после запуска второго предприятия на реке Белой появилась карта Т. Бессонова, на которой впервые значился уже «Воскресенский завод»⁴⁸.

Второе направление предполагало гораздо более фундаментальный характер результатов, поэтому его реализация связана с повышенным вниманием имперских властей к производству на реке Белая. Одним из проявлений такого интереса стало создание П. Чичаговым в 1729 г. «Ландкарты Сибирской губернии от Тобольской провинции города Кузнецка с дистриктом к новозаведенному Воскресенскому заводу»⁴⁹. Карта недвусмысленным образом определила позиции Колыванского комплекса в качестве одного из ключевых административных объектов Алтая, что, среди прочего, было вынесено в заглавие документа. Отобразившаяся формировавшаяся дорожная сеть (при всей условности в данном случае подобного термина, поскольку речь идет скорее о маршрутах, пролежавших по плохо подготовленным колеям или бесколеино) имела несколько

⁴⁶ Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.) / Т.Н. Соболева, П.А. Афанасьев, А.Е. Кухаренко, Д.С. Бобров. Барнаул, 2012. С. 107.

⁴⁷ Контев А.В. Объекты горнозаводского производства Колывано-Воскресенского горного ведомства на картах XVIII в. // Краеведение и туризм: материалы региональной научно-практической конференции, посвящ. 80-летию А.Д. Сергеева. Барнаул, 2010. С. 189.

⁴⁸ Там же. С. 190-191.

⁴⁹ БРАН. Отдел рукописей. Основное собрание рукописных карт. № 473.

транспортных узлов. Колывано-Воскресенский завод становился одним из них, а также превращался в конечную точку юго-западных ответвлений сети. Существовало два важнейших пути сообщения, которые были зафиксированы П. Чичаговым. Прежде всего, это северо-восточное направление, ключевым пунктом на котором являлся Кузнецк, а одним из промежуточных Бикатунский острог. Важность этого маршрута заключалась в необходимости сообщения с крупным городом региона. Второй маршрут уходил почти строго на север от Колыванского завода, а промежуточными пунктами становились деревня Усть-Чумышская и Белоярская крепость. Кроме того, изначально закладывалась вариативность возможности доставки необходимого сырья на предприятие (на карте отмечена дорога к находящемуся к югу от завода к Пихтовскому руднику – по названию соответствующей горы) и вывоза уже готового продукта⁵⁰.

Примерно в это же время фиксируется и одна из первых водных артерий заводского ведомства – к «Кудрявцовой заимке Демидова» подводила сухопутная дорога, которая при пересечении с Чарышом обрывалась. В этом месте, возле устья небольшой реки Порозиха возникла первая ведомственная пристань⁵¹.

Таким образом, появление на юге Западной Сибири начальных элементов Колывано-Воскресенского производственно-территориального комплекса с не совсем ясным на тот момент производственным потенциалом, тем не менее, изменило модель пространственного восприятия. Если ранее основной акцент административной политики делался на защите русских поселений правобережья Бии и Оби, а также Кузнецка от набегов калмыков, то теперь одним из важнейших объектов становился Колыванский завод. О возникновении определенного и достаточно предметного интереса государственной власти к области бассейнов рек Алея и Чарыша свидетельствует, в том числе, отражение на карте, пусть и в примитивной форме, ландшафта локального района.

На Генеральной карте России из Атласа И.К. Кирилова ведомство Колывано-Воскресенского завода выделялось на фоне остальной территории Верхнего Обь-

⁵⁰ Эксплуатация природных ресурсов... С. 108.

⁵¹ Там же.

Иртышья лишь специальной пометой «Woskrisenskoi», другие объекты производственного комплекса на чертеже не были зафиксированы (приложение IV)⁵².

Наиболее заметной вехой в эволюции характера наглядно-графической фиксации Колывано-Воскресенского комплекса стала ландкарта В. Шишкова и П. Сомова 1736 г. (приложение I)⁵³. Чертеж отразил тенденцию восприятия пространства заводского ведомства в качестве специфической административной единицы, особого локального района на юге Западной Сибири, территории, обособленной как от Томского, так и Кузнецкого уездов⁵⁴. Несколькими годами ранее косвенно схожее представление о Колыванских заводах как области, сочетавшей в себе черты промышленного центра и сердцевины административной округи приводил Г.Ф. Миллер⁵⁵. Однако именно на карте 1736 г. впервые напрямую зафиксирована ведомственная принадлежность производственного комплекса соответствующей отметкой – «Ведомство Колывановоск[р]есенского завода»⁵⁶. Область заводского ведомства в целом была вытянута по линии север – юг и практически полостью включала в себя бассейны всех крупных рек этого локального района: Чарыша, Алея, «Барнауль» и Касмалы. На севере граница проходила в районе впадения в Обь рек Касмалы и Чумыша и имела остrokонечную форму. Пределы территории заводского ведомства на юге ограничивались правым берегом реки Убы (верхний бассейн), после чего линия граница стремилась к Иртышу северо-западнее Усть-Каменогорской крепости, но не достигала его, делала петлю и поднималась почти вертикально на север (приложение I)⁵⁷.

В границах ведомства Колывано-Воскресенского завода были отмечены 11 деревень, что значительно превышало число сел, обозначенных в соответствующей области П. Чичаговым (для сравнения на чертеже 1729 г. в

⁵² Атлас Всероссийской империи. Собрание карт И.К. Кирилова. СПб., 1734.

⁵³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Д. 141.

⁵⁴ Эксплуатация природных ресурсов... С. 112.

⁵⁵ Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда... С. 26-27.

⁵⁶ Эксплуатация природных ресурсов... С. 112.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Д. 141.

указанном районе локализовалась лишь одна деревня), и свидетельствовало о более активном, нежели в 20-х гг. XVIII в. освоении Алтая⁵⁸.

Естественный процесс заселения близлежащих к Колывано-Воскресенскому производственно-территориальному комплексу районов визуально представлен на карте П. Старцова 1745 г. В пределах области, обозначенной В. Шишковым и П. Сомовым как «ведомство Колывановоск[р]есенского завода», к 1745 г. фиксировалось уже 13 деревень, но по-прежнему южной границей расселения оставалась широта среднего течения Чарыша. Колывано-Воскресенский производственно-территориальный комплекс изображался в рамках фактически устоявшейся парадигмы: фиксировались производственный центр и рудники. Однако впервые на карте 1745 г. отмечен введенный в строй в 1744 г. Барнаульский завод Демидова⁵⁹.

Своеобразный итог динамике пространственного восприятия ведомства Колывано-Воскресенских заводов был представлен в Атласе Российской империи 1745 г. (приложение II). Примечательно, что дата издания Атласа хронологически практически совпала с началом кампании по включению производственных мощностей Обь-Иртышского междуречья в непосредственную сферу интересов центральных властей и даже персонально монарха, что нашло отражение в деятельности комиссии А. Безра. Колывано-Воскресенский комплекс локализовался в пределах обособленного района, близкого по способу изображения на чертеже к административной единице. В этом свете не лишено рациональности суждение о том, что граница ведомства Колывано-Воскресенских заводов полностью повторяла соответствующие элементы чертежей В. Шишкова и П. Сомова⁶⁰. Однако при пространственной локализации в 1745 г. за основу был взят скорее принцип, общие характерные черты середины 1730-х гг. При этом, сама территория заводского комплекса существенно расширилась за счет включения земель к востоку от верхнего течения Ини и обширного района реки Ануй. В целом, подобная динамика Колыванского сегмента пространственной

⁵⁸ Эксплуатация природных ресурсов... С. 112.

⁵⁹ Там же. С. 114-115.

⁶⁰ Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас... С. 75.

модели свидетельствовала о начальной стадии включения близлежащей территории в сферу влияния формировавшейся в регионе ведомственной вертикали власти.

Остроги Верхнего Приобья, крепости Верхнего Прииртышья и Кольванские предприятия на первом этапе присоединения и колонизации Верхнего Обь-Иртышья выполняли, помимо всего прочего, функцию каркаса в отношении формировавшейся пространственной модели региона. Однако для государственного аппарата едва ли не главной функцией российских укреплений и Кольванских заводов А.Н. Демидова в предгорьях Алтая становилась фиксация пределов государственной территории, что в условиях соседства с нестабильным Джунгарским ханством не снимало с повестки дня вопрос государственной границы.

1.2. Складывание государственной границы России в Верхнем Обь-Иртышье.

Проблема государственных рубежей в административном дискурсе

Статус окраинного региона в имперской политике первой половины XVIII в. предполагал ключевую роль в генезисе пространственной модели Алтая фактора государственной границы.

Проблема определения границ является ключевым условием функционирования и анализа любой социальной системы⁶¹, а сами границы принадлежат к числу фундаментальных и универсальных явлений общественной жизни⁶². Для государственно-правовых систем особую значимость приобретает граница между странами. В лимологии⁶³ в общем виде под государственной границей понимается линия и проходящая по этой линии вертикальная

⁶¹ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 59-60.

⁶² Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI в.). Владивосток, 2011. С. 12.

⁶³ Лимология – междисциплинарное направление; специальная научная дисциплина, занимающаяся изучением проблематики формирования и функционирования границ. См.: Дмитриева С.И. Лимология. Воронеж, 2008. С. 5.

поверхность, определяющая пределы государственной территории⁶⁴. Такой подход к определению государственных рубежей практически полностью соответствует современному законодательству, ассоциирующему границу с пределом действия государственного суверенитета⁶⁵.

Парадоксально, но несмотря на общеупотребительный характер концепта «государственная граница», в различных научных дисциплинах не просматривается стремления к вариативности его трактовки⁶⁶. Исследователи концентрируются на подходах к выделению явления, стремясь самоустраниться от определения его сути. Среди теорий происхождения государственной границы, обладающих наибольшим объяснительным потенциалом: теория естественных границ, теория социальных границ, теория первоначального завладения, теория эффективной оккупации⁶⁷. Задачи текущего исследования предполагают привлечение историко-картографического, географо-политологического и функционального подходов к формированию государственной границы, а также учет формально-юридического, исторического и социально-географического аспектов данного процесса. В связи с этим под государственной границей предлагаем понимать социальный институт, совокупность социально-правовых отношений, связанных с политико-правовыми и социально-хозяйственными взаимодействиями административных субъектов и населения в приграничной зоне и нацеленных на установление формально-юридического или фактического режима территориальных разграничений. Особо подчеркнем, что в понятие государственной границы мы вкладываем не только и не столько пределы государственного суверенитета, поскольку, как будет показано ниже, этот критерий оказывается чрезвычайно размытым применительно к реалиям первой половины XVIII в.

⁶⁴ Дмитриева С.И. Лимнология... С. 88.

⁶⁵ Федеральный закон РФ №4730-1 «О государственной границе Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 4 мая. С. 1-4.

⁶⁶ Першин А.А., Шерстнев А.Д., Ярлыченко В.В. Теория государственных границ. М., 2001. С. 168.

⁶⁷ Кудинов В.В. Теоретические подходы к определению понятия «государственная граница» // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного университета. 2016. № 3. С. 174.

В классификации российских границ ряд исследователей выделяют особый тип государственных рубежей – азиатскую границу⁶⁸. Формально эта категория может быть определена как южные рубежи России в Средней и Центральной Азии. При более глубоком анализе под азиатской границей следует понимать большую барьерно-буферную зону, обширный территориальный локус, располагавшийся между различными государствами или полугосударственными образованиями⁶⁹. На ранних этапах вызревания имперской государственности ключевым для государственного освоения участком азиатской границы являлось междуречье крупных сибирских рек Оби и Иртыша (Верхнее Обь-Иртышье).

Главным геополитическим соперником России в регионе являлось своенравное Джунгарское ханство. Вследствие этого государственная политика освоения южных районов Западной Сибири достаточно быстро приобрела военно-колониционный характер и осуществлялась в форме ряда военных экспедиций с целью строительства острогов и крепостей в стратегически значимых местах. Однако следует учитывать, что российские власти, очевидно, опасаясь открытого столкновения с Цинской империей, были заинтересованы в признании суверенности Джунгарии, что превращало последнюю в освоенческий буфер между двумя империями. Л.И. Шерстова показывает, что российская сторона всегда однозначно высказывалась в плане признания суверенного статуса Джунгарского ханства: «Зенгорский народ китайской стороне не подданный, да ни в чьем подданстве напрех сего не был, состоял сам собою и под особливым владельцев своих правлением»⁷⁰.

В историографии довольно давно утвердилась тенденция механического отождествления государственной границы в регионе с теми или иными инженерно-фортификационными сооружениями. Основоположником такого подхода является Г.Ф. Миллер, который превращал инженерные укрепления в критерий принадлежности Верхнего Обь-Иртышья к России. Рассуждая о

⁶⁸ Королев С.А. Российская граница как края пространства: генезис и типология // Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 18-19; Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII – XXI в. Иркутск, 2003. С. 23; Замятин Д.Н. Моделирование географических образов. Смоленск, 1999. С. 156-158.

⁶⁹ Замятин Д.Н. Моделирование географических образов... С. 157-160.

⁷⁰ Цит. по: Шерстова Л.И. Тюрки и русские... С. 87.

функциональном назначении российских крепостей в Прииртышье, немецкий профессор оказался весьма категоричен и представил идеалистическую картину, согласно которой крепости на Иртыше позволили прекратить пограничные споры с джунгарским контайшей, а также детерминировали тотальное очищение степного пространства между Обью и Иртышем от чужих народов⁷¹.

Выработанный немецким специалистом в середине 30-х гг. XVIII в. подход наложил существенный отпечаток не только на имперский административный дискурс, но и на современные исследовательские построения. Однако степень соответствия такой концепции исторической действительности вызывает серьезные вопросы. О государственной границе Российской империи на юге Западной Сибири в XVIII в. можно говорить не только как о линии, разделявшей пространство, но и как о зоне столкновения интересов нескольких государств в борьбе за геополитический охват, сферы влияния, ресурсные базы. На это в свое время указывал еще М.И. Венюков, отмечая, что в южных районах Западной Сибири «стремление [государства – Д.Б.] к окраинам не вынуждалось никакою народною, экономически-естественною потребностью, а руководствовалось только военно-политическими соображениями правительства, которое и действовало долгое время в самых разнообразных, можно сказать, случайных направлениях»⁷². Избрание подобной системы идейно-смысловых приоритетов в ранний период освоения Верхнего Обь-Иртышья привело к отказу от физико-географической, социально-экономической и частично даже от защитно-оборонительной детерминации границы⁷³.

Реконструкция государственной границы России в Верхнем Обь-Иртышье не мыслима без привлечения категориального аппарата лимнологии. В лимнологии выделяется три стадии установления границы: размещение, делимитация и демаркация. Размещение – изначальный политический раздел территории между

⁷¹ Более подробно о концепции Г.Ф. Миллера см.: Бобров Д.С. Формирование российской границы в Верхнем Обь-Иртышье в оценках ученых и путешественников XVIII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 13-14.

⁷² Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии / Военно-ученый комитет Главного штаба. СПб., 1873. С. 5.

⁷³ Бобров Д.С. Картографические материалы как инструмент формализации государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 2014. С. 115.

двумя государствами. За ним следует делимитация, то есть составление подробного описания прохождения линии границы и нанесение соответствующих контуров на карту. Завершение институционализации государственной границы связано с процессом демаркации – обозначением прохождения линии границы на местности при помощи сооружения специальных разделительных знаков⁷⁴.

Использование современных понятий и категорий применительно к реалиям XVIII в. неизбежно ставит вопрос об их соответствии исторической действительности и целесообразности такой исследовательской процедуры вообще. Здесь следует учитывать два важных фактора. Во-первых, международные дипломатические процедуры установления государственных границ, на основе которых были выделены обозначенные выше этапы (стадии). Они претерпели крайне слабое изменение с момента создания Вестфальской системы миропорядка. Во-вторых, соответствующая терминология успешно применяется достаточно авторитетными исследователями как к смежным, так и принципиально иным по отношению к Верхнему Обь-Иртышью участкам государственной границы⁷⁵.

Очевидным иллюстративным аргументом, подтверждающим использование современной терминологии, является ситуация в приграничной зоне России и Китая образца второй четверти XVIII в. После Нерчинского и Буринского международных договоров Аргунский и Буринский участки российско-китайской границы были не только делимитированы, но и демаркированы⁷⁶. Г.Ф. Быконя показывает, что разграничение было установлено, в том числе, от Кяхты до перевала Шабин-дабага по линии фактически существовавших ранее русских и монгольских караулов⁷⁷. При этом на енисейском участке границы было учреждено 8 парных пограничных знаков (с российской и китайской стороны соответственно), что способствовало стабилизации обстановки в верховьях

⁷⁴ Дмитриева С.И. Лимнология... С. 23-24, 89.

⁷⁵ См.: Купченко К.В., Никитина Н.В. Смоленск в системе охраны государственной границы России в XVIII в. // *Universum: Общественные науки: электронный научный журнал*. 2016. № 7 (25); Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX в. в связи с формированием русско-китайской границы. М., 2014.

⁷⁶ См.: Постников А.В. История географического изучения... С. 63-100.

⁷⁷ Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект): монография. Красноярск, 2007. С. 143.

Енисея и существенно снижало фактор военной опасности⁷⁸. Более того, применительно к зоне разграничения России и Китая в административном дискурсе достаточно прочно утвердилась категория «граница» (в различных текстуальных вариациях).

Среди факторов формирования российской государственной границы в Верхнем Обь-Иртышье следует выделить два фундаментальных обстоятельства. Прежде всего, в силу огромного территориального разрыва между центром и осваиваемой окраиной имперские власти осмысливали пространство с серьезным запозданием, а уровень такого осмысления административно-политических границ, как правило, не соответствовал динамике геополитической ситуации⁷⁹.

Вторым немаловажным моментом, который не может быть проигнорирован, является отсутствие на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. делимитированной и демаркированной границы. Имперские власти долгое время сознательно уклонялись от публичного признания этого факта. Только в 1732 г. российский дипломатический посланник Л.Д. Угримов был вынужден констатировать отсутствие установленной границы между Россией и Джунгарией, ссылаясь на историческую принадлежность всего Верхнего Обь-Иртышья к России и уже в силу этого «не для чего было оным землям быть граничным»⁸⁰. В 1735 г. представители имперской дипломатической элиты в ходе переговоров с джунгарским внешнеполитическим агентом Зундуй-Замсо лишь косвенно признали наличие проблем в установлении границы между двумя государствами⁸¹. Официальную идеологию, заключающуюся в отрицании наличия приграничных споров с Джунгарией, поддерживалась и геодезистами. В 1737 г. В. Шишков при ответе на прямой вопрос анкет В.Н. Татищева относительно того, не существовало ли приграничного спора с какими-либо государствами в Верхнем

⁷⁸ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.: монография [Электронный ресурс]. Красноярск, 2013. С. 72.

⁷⁹ Замятин Д.Н. Политико-географические образы российского пространства // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 36-37.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 30об., 32об.

⁸¹ АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113/1. 1735. Д. 1. Л. 49.

Прииртышье, недвусмысленно отвечал, что «спору не имеется для того, что точных границ не положено»⁸².

Действие данных факторов в их совокупности на фоне относительно длительной временной протяженности привело к возникновению нескольких парадигм (программ) восприятия российской границы в Верхнем Обь-Иртышье. Они нашли свое отражение в сознании имперских властей различных уровней, а также лиц, находившихся на государственной службе и привлекавшихся для выполнения административных задач в регионе (руководители экстраординарных экспедиций, геодезисты, служилые люди). Формирование таких идейно-смысловых конструктов в той или иной степени связано с административным началом, поскольку в Российском государстве первичное осмысление пространства осваиваемых регионов исторически располагалось в плоскости административного дискурса⁸³.

В онтологическом плане генезис соответствующих модусов границы связан со стремлением имперской элиты сгенерировать ментальные установки и заместить ими отсутствовавшие нормативные (легальные) основы формирования российских государственных рубежей. Складывание этих программ напрямую связано со слабым уровнем информированности российских властей о состоянии приграничной зоны⁸⁴, игнорированием вопроса государственных рубежей в русско-джунгарских дипломатических контактах и, как следствие, невозможностью осуществления в Верхнем Обь-Иртышье процедуры делимитации.

Применительно к первой половине XVIII в. следует выделить три соответствующие парадигмы (программы) восприятия границы: картографическая, официально-дипломатическая и локально-управленческая.

На начальных этапах освоения окраин Российской империи и юга Западной Сибири именно картографические материалы приобретали исключительную важность. В ситуации огромного территориального разрыва центра с

⁸² Историко-географические описания... С. 38.

⁸³ Историко-географические образы Алтая... С. 41.

⁸⁴ Контев А.В. Административно-территориальное деление юга Западной Сибири в первой половине XVIII в. по картографическим источникам // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4. Т. 1. С. 31.

периферийными областями карты не только представляли собой инструмент синтеза локально-географических микрообразов в идейно-графические макроконструкции⁸⁵, но и фактически подменяли собой реальные географические пространства, формируя специфическую, идеалистическую программу восприятия. Это была совершенно четко обозначившаяся «имперская география власти», вызванная крайним дефицитом в административном дискурсе информационной картины освоения (пространственной модели) региона⁸⁶.

В первой четверти XVIII в. после серии решений Петра I об активизации работ по составлению региональных чертежей⁸⁷ карты и вовсе приобрели характер самостоятельного механизма визуальной фиксации, формализации государственной границы.

Начальный период проникновения Российского государства в Верхнее Обь-Иртышье нашел отражение на немногочисленных чертежах региона. Особняком здесь выступают материалы С.У. Ремезова. Не вдаваясь в подробности обширной и фактически завершенной нашими коллегами источниковедческой дискуссии относительно авторства ремезовских атласов⁸⁸, подчеркнем, что в условиях острого дефицита у общественной элиты страны сведений о Сибири, в том числе и наглядно-графического характера, ремезовские чертежи становились ключевым и, по сути, единственным источником визуальной информации о протекавшем освоении. На страницах ремезовских атласов не наблюдалось контурно-графической визуализации линии государственной границы России, что, однако, не означает отсутствие на картах отдельных элементов границы. Специфика фиксации государственной границы, сложившаяся в конце XVII в. и активно использовавшаяся в первой четверти XVIII в., заключалась в обозначении отдельных элементов государственных рубежей не контурно-графически, а литерно (лингватически) и образно-графически⁸⁹. Это заключение соответствует

⁸⁵ Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 12-13.

⁸⁶ Историко-географические образы Алтая... С. 42.

⁸⁷ ПСЗРИ-I. Собрание 1-е. (1649-1825). СПб., 1830. Т. VI. № 3682, 3695, 3939.

⁸⁸ См., например: Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII в.; Гольденберг Л.А. С.У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй пол. XVII – начала XVIII вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1967.

⁸⁹ Историко-географические образы Алтая... С. 43.

отмеченной В.Б. Бородаевым и А.В. Контевым общей задаче чертежей приграничных районов образца конца XVII в. «показывать “порубежные места” и называть соседние народы»⁹⁰. Составители чертежей исходили из того, что контурно-графической фиксации подлежали лишь рубежи, делимитация и имплементация соглашений о которых была полностью завершена.

На ремезовских чертежах отражено примитивное размещение границы между территорией России и владениями телеутов. Рубеж устанавливался по реке Бердь, о чем свидетельствуют практически тождественные отметки в «Чертежной» и «Хорографической» книгах: «От Томска томю рекою наниз и рекою обью вверх до рубежа Телеуцкой земли дореки берди х[одом – Д.Б.] 3 дня» (приложения V, VI)⁹¹. Кроме того, в Хорографической книге содержалось упоминание о том, что на реке Лаилахан проходила «межа с телеутами». Причем, как убедительно показал А.П. Уманский, это был вполне реальный рубеж, сознательно перенесенный российскими властями в конце XVII в. с реки Ини для улучшения освоенческой конъюнктуры⁹². В дальнейшем именно Бердь стала точкой делимитации границ между Томским и Кузнецким уездами⁹³. Литерный способ фиксации границ нашел свое применение не только на страницах общесибирских атласов. На отдельном оригинальном чертеже С.У. Ремезова 1696 г., посвященном российско-китайской приграничной зоне, содержалось подтверждение делимитации границ по реке Горбица: «Горбица с китайцы граница»⁹⁴.

Яркой отличительной чертой ремезовских атласов стало сочетание рациональных и идеалистических способов обозначения границ. Если литерные отметки имели под собой рациональные основания, то графические символы являлись продуктом абстрактного, идеалистического восприятия изографами

⁹⁰ Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы... С. 51.

⁹¹ Цитата приводится по «Хорографической книге»: Хорографическая чертежная книга Сибири: Факсимиле рукописи 1697 – 1711 гг. Тобольск, 2013. Л. 168 (приложение V). В «Чертежной книге» после указания на Томск следует фраза «рекою томью». См.: РГБ. Отдел картографии (КГР). Шифр Ки 66/VII-85; Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.: в 2 т. М., 2003. Т. 1: Факсимиле рукописи из собрания Российской государственной библиотеки. Л. 23об.-24 (приложение VI).

⁹² Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII – XVIII вв. Новосибирск, 1980. С. 143-144.

⁹³ Контев А.В. Размежевание земель Томского и Кузнецкого уездов во втором десятилетии XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 101.

⁹⁴ Постников А.В. История географического изучения... С. 93.

государственных рубежей. В «Чертежной» и «Хорографической» книгах в Верхнем Приобье показаны многочисленные «ясашные волости», которые автором материалов относились к владениям России и позиционировались как окраина своеобразного «Кузнецкого района»⁹⁵. В.Б. Бородаев и А.В. Контев считают, что изограф таким образом стремился очертить пределы юрисдикции администрации Кузнецкого уезда⁹⁶. При этом стоит подчеркнуть, что из всех 27 волостей, показанных на ремезовских чертежах⁹⁷, лишь единицы стабильно уплачивали ясак в российскую казну, а абсолютное большинство делали это нерегулярно, либо не делали это вовсе. Последнее обстоятельство не позволяет проводить полное отождествление обозначенных на картах пределов расселения ясачных волостей с российской границей в регионе.

В ремезовских атласах конечным пределом распространения ясачных волостей служила крупная образно-графическая преграда – горы Саяно-Алтая, изображавшиеся на чертежах отдельной непрерывной линией без какой-либо дифференциации⁹⁸. Для рубежа XVII – XVIII столетий такая практика вполне соответствовала общей картографической традиции визуализации горного рельефа в виде группы холмов с перемежавшимися вкраплениями долин рек каньонообразного вида. Учет этого обстоятельства ставит под сомнение любые попытки отождествления таких «гор» с конкретными формами рельефа на местности⁹⁹. Между верховьями Оби и лентой абстрактных холмов на ремезовских чертежах четко просматривается небольшая полоса пустого, незаселенного русскими пространства, своеобразная полоса фронта¹⁰⁰, которая, очевидно, рассматривалась в качестве визуальной основы дальнейшего имперского проникновения на юг. Суммарно вышеобозначенные факторы детерминировали генезис в сознании общественной и административной элиты ризоматических представлений о границе (установок и ценностей, в

⁹⁵ Чертежная книга Сибири... Л. 25об.-26.

⁹⁶ Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы... С. 56.

⁹⁷ Там же. С. 54-59.

⁹⁸ Чертежная книга Сибири... Л. 41об.-42.

⁹⁹ Постников А.В. История географического изучения... С. 93.

¹⁰⁰ Резун Д.Я. Фронт в изображении «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова 1701 г. // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002. Вып. 2. С. 16.

онтологическом смысле не заключающих в себе полярного деления «начало – конец» или «центр – периферия»), которые, в свою очередь, создавали образ потенциально безграничного пространства¹⁰¹, своеобразной «безграничной границы». Отсутствие четко установленных границ, их размывание становилось идейно-теоретическим плацдармом для дальнейшего продвижения Российской империи в южном направлении¹⁰².

В дальнейшем в вопросе отражения на картах государственных рубежей вплоть до второй трети XVIII в. взяла верх рациональная составляющая. В картографических материалах кристаллизовались две симбиотические тенденции восприятия российской границы: как крайней точки телеутских кочевий или джунгарских владений в Верхнем Обь-Иртышье (с использованием соответствующих способов литерной фиксации), а также соотнесения пределов российской территории с острогами и крепостями региона.

На одном из поздних рукописных чертежей С.У. Ремезова (приблизительно 1717 – 1718 гг.) западнее озера Зайсан содержалась надпись «урга владельца калмыцкого контаиши» (приложение III)¹⁰³. Условная линия границы дополнялась отметками о только что сооруженных в Верхнем Прииртышье Ямышевской и Железинской крепостях, а вот в Верхнем Приобье русские укрепления показаны не были. Это упущение частично было исправлено на карте сибирского губернатора М.П. Гагарина 1718 г., где район верховий Иртыша изображен практически идентично ремезовскому чертежу, а в стрелке Бии и Катуня показан острог «катун», сопровождавшийся специальным знаком «Н» [новопостроенный – Д.Б.]¹⁰⁴.

По мере роста числа русских инженерных объектов в Прииртышье возрастала и их значимость для визуализации границы на картах. На «хартине» П. Чичагова, составленной по результатам экспедиции И.М. Лихарева, отражено уже семь русских крепостей (от Омской вверх по течению до Усть-Каменогорской).

¹⁰¹ Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 13-14.

¹⁰² Историко-географические образы Алтая... С. 44.

¹⁰³ ГИМ. Отдел картографии. ГО № 3283.

¹⁰⁴ Бобров Д.С., Соболева Т.Н. Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3. Т. 2. С. 36-37; РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 16-а.

Использовались и литерные отметки. Юго-западнее оз. Зайсан, за «кочевьем калмытцким» содержалась любопытная надпись «контайша», а за несколькими ключевыми алтайскими вершинами располагались владения контайши¹⁰⁵. На карте, составленной в ходе посольства И. Унковского вся область южнее оз. Зайсан отмечена как «контайшино владение»¹⁰⁶.

Более информативны в плане использования литерных отметок для обозначения границы России в Верхнем Обь-Иртыше карты П. Чичагова 1729 г.¹⁰⁷ и Я. Филисова 1733 г.¹⁰⁸ В этих документах южнее только что построенного А. Демидовым Колывано-Воскресенского завода фигурировала надпись: «от заводу Воскресенскаго до жилия контайшиных калмыков которые живут по Чарышу и Караколе рекам в вершинах езды чрез хребты два дни»¹⁰⁹. Кроме того, при составлении этих ландкарт геодезисты пошли дальше своих предшественников, отразив своеобразный «очаг» - между низовьями Чарыша и Катуня, зафиксировав таким образом сразу два «жилия калмыцкаго», которые фактически и составляли бесспорную часть владений джунгарского хана в Верхнем Приобье. Кроме того, на ландкарте 1733 г. была показана государственная граница России и Цинской империи, однако на юге Западной Сибири соответствующая линия по-прежнему отсутствовала¹¹⁰.

Таким образом, вплоть до середины 30-х гг. XVIII в. на российских картах южных районов Западной Сибири отсутствовала линия границы Российской империи, четко просматривалась тенденция к литерной и образно-графической фиксации элементов государственных рубежей. Именно отсутствие четко установленных границ, их размывание становилось идейно-теоретическим плацдармом для дальнейшего продвижения России в южном направлении. Однако имперская экспансионистская концепция на юге Западной Сибири рубежа 20 - 30-х гг. XVIII в. осталась практически не реализованной (во многом в силу постоянной угрозы со стороны джунгар). С этого момента правящая элита

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 34.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 35.

¹⁰⁷ БРАН. Отдел рукописей. Основное собрание рукописных карт. № 473.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 38.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Историко-географические образы Алтая... С. 45-46.

обозначила стремление к осознанию суверенных границ в регионе и их легитимации¹¹¹.

Первый шаг в этом отношении – публикация Атласа из собрания карт И.К. Кирилова, точнее Генеральной карты Российской империи 1734 г. До сих пор неизвестны другие более ранние русские чертежи, на которых был бы применен контурно-графический способ фиксации линии государственных рубежей России в Верхнем Обь-Иртыше. Несмотря на игнорирование отдельными исследователями всероссийских атласов и карт в силу их источниковедческой «вторичности» и ошибочности, стоит отметить, что сам И.К. Кирилов говорил о своем субъективном вкладе в создание карты, отсутствии прямого копирования: «с разных провинциальных и уездных ландкарт, между которыми есть одна с другой несогласные, сочинил по нужде с ... моими замечаниями и исправлениями»¹¹². На это указывали также М.Г. Новлянская и Н.В. Лемус, подчеркивая полное понимание И.К. Кириловым недостатков своего чертежа в силу сомнительности некоторых внесенных корректив и сознательном форсировании подготовки атласа к публикации¹¹³. Последние замечания превращают Генеральную карту Российской империи И.К. Кирилова не в «слепую комбинацию протографов», а в целостный и фактически самостоятельный источник.

В связи с этим уместно говорить о том, что Генеральная карта из Атласа И.К. Кирилова¹¹⁴ – один из первых русских чертежей, на котором обозначена линия государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири. В Верхнем Приобье контур проходил по южной оконечности Телецкого озера, затем, неплотную огибая его юго-западные пределы, поднимался севернее и пересекал Катунь в низовьях, в районе впадения притока – Семы. Далее – шел относительно ровной линией на запад, затем через верховья Чарыша уходил на юго-запад, причем не по Ине и, не прижимаясь к руслу Иртыша, а по свободному

¹¹¹ Историко-географические образы Алтая... С. 46.

¹¹² Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. II. С. 707-708.

¹¹³ Новлянская М.Г. И.К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи / под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1958. С. 27-29; Русские географические атласы. XVIII в.: сводный каталог / сост. Н.В. Лемус. Л., 1961. С. 12.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Атласы Российского государства. Д. 1; Карты Генеральные Российского государства. Д. 2.

контуру. Линия рубежей России проходила поперек русла Иртыша в районе Усть-Каменогорской крепости (обозначенной на карте соответствующим маркером, но не подписанной) и далее – перпендикулярной течению реки линией на запад, формально включая даже левобережье Иртыша (приложение IV)¹¹⁵.

Зафиксированная подобным образом граница во многом являлась условной, искусственно сконструированной создателями Атласа. Только в районах Телецкого озера, среднего течения и низовий Катуня, а также Барабинской степи проживали автохтонные сообщества, другие же приграничные пространства сохраняли в себе черты буферной зоны, оставаясь незаселенными¹¹⁶.

Однако формализация государственных рубежей с помощью картографических материалов создала наглядно-графические предпосылки реализации важных военно-стратегических задач¹¹⁷. Дело в том, что очертания границы в области вершин Бии и Катуня, выражаясь военной терминологией, образовывали так называемый «входящий угол» (или «охватывающую базу»), «начертание [которым – Д.Б.] на плане границы безопаснее для государства, вынужденного к обороне»¹¹⁸. В этом локальном участке проживали двоеданные племена, за принадлежность которых Российская империя соперничала с Джунгарским ханством вплоть до гибели последнего. В свою очередь, в верховьях Иртыша, в месте расположения Усть-Каменогорской крепости линия границы образовывала «исходящий угол», который уменьшал способность к обороне, но усиливал наступательный потенциал¹¹⁹. Остается лишь добавить, что соответствующие очертания условно проведенной линии границы в наиболее полной мере отражали характерное для первой четверти XVIII в., а не для рубежа первой и второй трети столетия стремление имперских властей продвинуться вглубь Прииртышья и достичь озера Зайсан.

Заложенный на Генеральной карте Атласа И.К. Кирилова подход стал основой для дальнейшей картографической фиксации государственной границы

¹¹⁵ Бобров Д.С. Алтай на генеральной карте Российской империи из атласа И.К. Кирилова // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятое научное чтение памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2013. С. 91.

¹¹⁶ Историко-географические образы Алтая... С. 47.

¹¹⁷ Военная энциклопедия / под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого. СПб., 1912. Т. 8. С. 452.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

России на юге Западной Сибири. На региональной карте геодезистов В. Шишкова и П. Сомова 1736 г.¹²⁰ разделительная черта между Россией и Джунгарией почти полностью копировала соответствующие очертания Генеральной карты 1734 г.: с Телецкого озера – на запад вплоть до Иртыша, сохраняя тем самым «входящий угол». Однако дальше граница «уходила» по Иртышу и крепостям Иртышской оборонительной линии на север, что соответствовало удобным естественным рубежам в этом конкретном участке. Юго-восточные пределы «ведомства колывановск[р]есенского завода» этого образования совпадали с государственными, создавая, тем самым, очаг потенциальной напряженности (приложение I)¹²¹.

К середине XVIII в. в силу активного развития Колывано-Воскресенского производственно-территориального комплекса на первый план в административной политике выдвинулась задача обеспечения обороны заводов. Следствием этого стало подчинение военно-инженерной политики экономической¹²². Подобная трансформация нашла свое картографическое отражение в Атласе Российской империи 1745 г.¹²³ На момент своего составления карты Атласа лишь частично соответствовали обстановке на юге Западной Сибири. Тем не менее, в этом источнике был зафиксирован ряд тенденций пространственной локализации и дифференцированного понимания содержания территориальных систем Верхнего Обь-Иртышья. Прежде всего, это коснулось характера изображения границы России и Джунгарии, которая в общих чертах выдержана в рамках маркированной линии карт 1734 и 1736 гг. (приложение II)¹²⁴. В районе Прииртышья государственные рубежи России продвинулись вглубь на юг и запад: к Тобольской провинции отнесены «Степь Казачьей Орды» и «Степь

¹²⁰ РГАДА. Ф. 271 (Берг-коллегия). Оп. 3. Д. 142.

¹²¹ Эксплуатация природных ресурсов... С. 103.

¹²² Там же. С. 106.

¹²³ Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною притом Генеральною картою великия сия империи, старанием и трудами Императорской Академии наук. СПб., 1745; РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Атласы Российского государства. Д. 2. Л. 17; Карты генеральные Российского государства. Д. 3.

¹²⁴ Атлас Российский... Л. 17; РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Атласы Российского государства. Д. 2. Л. 17.

Телеутская»¹²⁵. Это позволило достичь фактически прямой линии границы от Иртыша на запад, наглядно-графически отразив начало присоединения казахских племен к России.

Генезис официально-дипломатического варианта восприятия государственной границы связан с идеей «стратегической границы». Несмотря на то, что свое формальное выражение этот концепт получил во второй половине XIX в., его ключевые положения в достаточной мере соответствуют содержанию приграничной проблематики дипломатического и административного дискурса образца первой половины XVIII в. Сущность идеологемы «стратегической границы» в кратком, справочном виде может быть представлена следующим постулатом: государственный рубеж должен проходить по значительным горным хребтам или другим крупным географическим объектам региона. Достижение стратегических границ на нестабильных в военно-оборонительном плане участках являлось первоочередной задачей любого крупного государства¹²⁶.

В качестве центрального, «стратегического» объекта для установления предполагаемой границы в Верхнем Обь-Иртышье российскими властями было избрано озеро Зайсан, а целью имперской политики в течение первой четверти XVIII в. являлось достижение контроля над соответствующей локальной областью¹²⁷. Сформулированная таким образом задача изначально была крайне нереалистичной, но осознавалось это лишь непосредственными руководителями русских экспедиций в Верхнее Прииртышье. В частности, И.Д. Бухгольц не только понимал, что построенная им Ямышевская крепость исторически находилась в пределах Джунгарии, но после окончания следствия над собой сухо констатировал «до озера Зайсан... дойти невозможно» [занять, военно-стратегически укрепиться в районе озера Зайсан – Д.Б.]¹²⁸. Кроме того, выбор узловой точки для установления границы не был подкреплён должной информативной базой и являлся скорее амбициозным и даже фантастическим замыслом, нежели рационально-структурированным проектом. В 1719 г. М.П.

¹²⁵ Атлас Российский... Л. 32; РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Атласы Российского государства. Д. 2. Л. 32.

¹²⁶ Военная энциклопедия... С. 451.

¹²⁷ Историко-географические образы Алтая... С. 48.

¹²⁸ Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул, 1998. С. 32.

Гагарин, касаясь военно-стратегического аспекта проникновения России в Верхнее Прииртышье, отмечал отсутствие у властей сколько-нибудь удовлетворительных знаний о бассейне Иртыша выше Ямышевской крепости: «подлинного известия при мне в Тоболеск не было, в сколко дней можно болшими судами, також и малыми дойти от Ямышева до Зайсана»¹²⁹. Поэтому несмотря на исключительную значимость экспедиции в верховья Иртыша наподобие плавания капитана А. Урезова к озеру Зайсан 1719 г.¹³⁰ такие события оставались единичными акциями и в корне не могли изменить общей ситуации. При этом недостаток сведений должного уровня не мешал региональным властям разрабатывать утопические программы освоения приграничного района. Тот же М.П. Гагарин вынашивал планы создания крупных поселенческих узлов вокруг Ямышевской крепости и даже озера Зайсан: «також хотел на Зайсане, или в близости от того озера, в удобном месте сделать великой же город, и населить великим людством»¹³¹.

Вместе с тем установление фактического контроля над истоками Иртыша волновало российские власти гораздо больше, чем легитимация этого процесса в глазах джунгарской стороны. В имперской дипломатической политике проблема государственной границы в Верхнем Обь-Иртышье занимала откровенно периферийные позиции. На протяжении всей первой половины XVIII в. вопрос о государственных рубежах в ходе официальных переговоров целенаправленно маскировался сюжетами обмена пленными, компенсацией материальных потерь и принадлежности двоеданцев¹³². 19 июля 1735 г. в ходе итоговой конференции в Коллегии иностранных дел ойратскому посланнику и вовсе был заявлен прямой категорический отказ обсуждать проблему делимитации границ¹³³. Катализатором

¹²⁹ Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 2. СПб., 1885. С. 139-140.

¹³⁰ Бобров Д.С., Тихобаева Л.С. Первое русское топографическое описание верховий Иртыша // Тобольск научный – 2015: мат. XII Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием). Тобольск, 2015. С. 141-144; Бородаев В.Б. Военно-топографическое изучение озера Зайсан и Черного Иртыша в 1719 г. как этап реализации плана Петра I по проникновению в Центральную Азию // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): мат. межд. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2010. С. 13-20.

¹³¹ Памятники Сибирской истории... С. 143.

¹³² Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство... С. 17-18, 45-46, 79-81; Кушнерик Р.А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII в.): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. С. 77-81, 87-100, 106-107.

¹³³ АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113/1. 1735. Д. 1. Л. 49-51.

столь уклончивой позиции выступала совокупность двух факторов. Прежде всего, имперская элита делала ставку на достижение мирной договоренности с джунгарским правителем и постепенное принятие им российского протектората¹³⁴. В случае успеха такого курса вопрос государственной границы автоматически терял бы свою принципиальность и остроту. В свою очередь, преждевременное обострение приграничного спора грозило бы срывом соответствующих планов и могло поставить Россию и Джунгарию на грань военного конфликта. В данном случае вопрос установления границы откровенно приносился в жертву более насущным и острым вопросам политики.

Официальная позиция Санкт-Петербурга выстраивалась вокруг доктрины исторической принадлежности Верхнего Прииртышья к России, хотя до строительства крепостей на Иртыше русских поселений в этом районе не было. Таким образом, российская имперская элита стремилась установить в Верхнем Обь-Иртышье антецедентную границу¹³⁵, то есть рубеж, предшествовавший заселению прилегающих к нему районов.

Система аргументации базировалась на двух ключевых утверждениях. Прежде всего, контайше указывалось на историческое существование русских промыслов в верхнем течении Иртыша¹³⁶, и в частности, на активную эксплуатацию соли в районе оз. Ямыш. Причем, это утверждение далеко не было вымышленным или голословным. Подобные «экспедиции» русских были весьма характерным явлением для XVII в.¹³⁷, эта же практика сохранялась и на рубеже XVIII столетия. Кроме того, привлекались теоретические умозаключения в русле концепции «захватного права», в соответствии с которыми Иртыш считался российской территорией как одна из «сибирских рек», точнее, как приток реки (Оби), впадающей в «Северное море»¹³⁸: «сибирские реки, Обь, Енисей и Лена,

¹³⁴ Памятники Сибирской истории... С. 141-142; Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство... С. 45-47; Кушнерик Р.А. Русско-джунгарские дипломатические отношения... С. 87-100.

¹³⁵ Дмитриева С.И. Лимнология... С. 17.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 32об.-33.

¹³⁷ Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX в. Барнаул, 2006. С. 31-39; Каменецкий И.П., Резун Д.Я. Озеро Ямыш как зона политического и хозяйственного взаимодействия народов в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 32-34.

¹³⁸ История Алтая в документах... С. 18; Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006. С. 21.

искони сибирские, и от устья, где впади в Северное море и до гор, из которых те реки потекли. Також которые реки впади в них, то те земли, откуда потекли те реки, земля царского величества»¹³⁹. Иными словами, российскими считались Обь до верховий (а фактически до Телецкого озера) и, соответственно, Иртыш до истока, то есть до озера Зайсан. При этом в посольских материалах и документах имперских властей нигде не встречалось отождествление границы России в регионе с уже построенными крепостями. Иными словами, российская сторона стремилась легализовать явную пространственную мифологию, связанную с феноменом ретерриториализации (сменой территориального прикрепления): в качестве сибирских преподносились отдельные районы и территории Средней Азии.

Джунгарская сторона не признавала претензии российских властей на Верхнее Обь-Иртышье. Дипломатическая элита государства в первой половине XVIII в. испытывала на себе ощутимое влияние принципов международного права образца раннего Нового времени и все больше осознавала важность государственной территории¹⁴⁰ как неременного условия существования государственности¹⁴¹. Обь-Иртышское междуречье позиционировалось хунтайджи как исторически джунгарская территория и в первом десятилетии XVIII в. ойратский правитель всерьез рассматривал возможность «промеж рек Иртыша и Оби со всеми своими улусными людьми кочевать»¹⁴². В 1720 г. он и вовсе отправил около трех тысяч своих подданных кочевать по всей ширине бассейна реки Убы без каких бы то ни было ограничений¹⁴³, не замечая (или вовсе не зная о существовании) построенной в этом же году Усть-Каменогорской крепости¹⁴⁴. Несколько лет спустя И.Г. Гмелин во время своего пребывания на Колыванском заводе упоминал о находившихся там же представителях одного из зайсанов теленгетских оттоков Омбо, которые сообщили, что они исторически

¹³⁹ Памятники Сибирской истории... С. 67.

¹⁴⁰ Боронин О.В. Погранично-территориальный вопрос в российско-джунгарских отношениях первой половины XVIII в.: теоретический аспект // Востокведные исследования на Алтае. Барнаул, 2004. Вып. 4. С. 26-27.

¹⁴¹ Дмитриева С.И. Лимнология... С. 11.

¹⁴² РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 5. Д. 1008. Л. 20-20об.

¹⁴³ Памятники Сибирской истории... С. 434-435.

¹⁴⁴ Бородаев В.Б. Архивные документы 1719-1720 гг. о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости // Роль архивных учреждений в истории Казахстана: мат. межд. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2010. С. 29-42.

проживали на землях в районе озера Колывань, а теперь откочевали к востоку, в верховья Чарыша и располагались всего лишь в трех днях пути от Колыванского завода¹⁴⁵.

Однако аргументация пространственных притязаний джунгарских правителей в Верхнем Обь-Иртыше имела еще меньше рациональных оснований, нежели российская доктрина и во многом «придумывалась» на протяжении нескольких десятилетий, оставаясь по своей сути идеалистической, без формально верифицируемых доказательств¹⁴⁶. Весной 1714 г. Цэван-Рабдан заявил об уничтожении первого Бикатунского острога в рамках защиты государственного суверенитета¹⁴⁷. А в ответном письме к М.П. Гагарину содержалось уже замечание о том, что города «Томск, Красноярск и Кузнецкий на их [джунгарских – Д.Б.] землях построены»¹⁴⁸. Многие основания позиции по территориальному вопросу заимствовались джунгарской элитой у российской стороны. Так, в конце 30-х гг. XVIII в. джунгарские сборщики алмана в устной форме распространяли в Верхнем Приобье под видом официальной позиции хунтайджи следующую идеологию: «русского владения крепости и слободы и деревни и калыванской завод по рекам бие и катуне имеютца на земле владелца их галдан Чирина, а також де по рекам которья устье впали во оныя реки в бию и в катуню имеютца российского владения деревни и те де деревни на земле владения галдан чирина»¹⁴⁹.

Краеугольным камнем позиции контайши и его дипломатических агентов стало указание на проведение еще в XVII в. примитивной процедуры делимитации границ с Россией. Примечательно, что в ходе немногочисленных джунгарских посольств в российскую столицу во второй половине XVII в. нет упоминаний о каком-либо договоре, устанавливавшем границу¹⁵⁰. Однако уже во втором десятилетии XVIII в. И.Д. Чередову в ходе одной из его миссий Цэван-

¹⁴⁵ Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. С. 92.

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 15-15об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 42; Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство... С. 18.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 17-17об.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 84. Л. 14.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1674-1676. Д. 1. Л. 1-2.

Рабдан сообщил о своем историческом суверенитете над землями вплоть до Черной Оми¹⁵¹. В 1720 г. контайша заявлял русскому посланнику о том, что «в прежних де годех, тому годов назад сто будет, были послы и размежевали землю, и грани поставили по Омь реку и по Обе реке по Черному мысу»¹⁵². Позднее в одном из дипломатических документов джунгарский хунтайджи говорил о том, что «по устью Ом реки положена межа и засека от того места вверх, которая наша была». Более подробно, соответствующим контуром графически, а также литерно территориальные притязания джунгар оказались отражены на карте, составленной в ходе миссии И. Унковского¹⁵³. Постепенно вопрос границы становился центральным для джунгарской элиты. В 1732 г. Л.Д. Угримову джунгарский правитель доказывал уже не только проведение границы по Черной Оми, но и установление специальной отметки в виде высеченной на массивном дереве фигуры воина в полной амуниции¹⁵⁴. В 1742 г. джунгарский хан Галдан-Цэрен пошел еще дальше и в письме к российской императрице рассуждал уже не просто о демаркации границы, а об установлении некоего фиксированного режима ее функционирования за счет постановки караулов (еще в XVII в.): «по устью реки Черной Оми постановили границу и учинили во знак той границы засеку с таким договором, чтоб от того времени со обеих сторон никому в чужих местах зверей не ловить и крепостей, и других жилищ не строить, и при той границе с нашей [джунгарской – Д.Б.] стороны поставлено было несколько наших людей под командованием Коукен-батырева деда Хула-Хошоучия»¹⁵⁵.

Примечательно, что Г.Ф. Миллер, детально знакомый с корпусом делопроизводственной документации конца XVII – первой трети XVIII в. не опровергал версию котаиши. Немецкий исследователь констатировал, что к

¹⁵¹ Посольство к зюнгарскому хун-тайчи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722 – 1724 гг. / пред. и прим. Н.И. Веселовского // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1887. Т. 10. Вып. 2. С. XXI-XXXII.

¹⁵² Цит. по: Сибирские переселения. Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв.: сб. док. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2010. С. 45; РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 156. Д. 58. Л. 610об.

¹⁵³ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 35.

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 32-32об.; Контев А.В. Формирование российско-джунгарской границы в первой трети XVIII в. // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011. С. 101.

¹⁵⁵ АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113/1. 1742. Д. 2. Л. 160-160об.

началу XVIII столетия все земли «между реками Обью и Иртышем от устья реки Оми заняты кочевыми калмыцкими улусами, контайше подвластными»¹⁵⁶.

При этом следует учитывать, что засека или иной искусственный рубеж сами по себе не являются индикатором завершения установления границы. С другой стороны, возникновение подобных «отметок» все же следует рассматривать в качестве одного из признаков осуществления делимитации¹⁵⁷. Последняя, тем не менее, в парадигме Вестфальской системы международных отношений была возможна исключительно на основе обоюдного, двухстороннего верификационного договора и немыслима в одностороннем порядке.

Признание границы по контуру, предложенному джунгарской стороной, ставило российские власти различных уровней в откровенно неловкое положение. Между тем в листе джунгарского хана 1724 г. содержалось любопытное замечание о том, что в ходе переговоров И.Д. Чередов признал факт делимитации границы по Оми: «и на то де сказал Чередов то де правда», аргументируя нарушение границ необходимостью сдерживания Китая¹⁵⁸. Акцентуация джунгарской элиты на вопросе территориального разграничения серьезно заботила имперских чиновников различного уровня. Геодезист Я. Филисов в доношении в Коллегию иностранных дел 1734 г. откровенно опасался расширения сферы территориальных притязаний джунгар: «А еще надобно думать, что чрез недолгое время Зюнгоры далее к востоку объявят, аки бы границы некие знаки приискав или реки, понеже в разговорах хотя и не с основанием стали говорить, что Красноярской город и уезд аки бы весь на их земле»¹⁵⁹. А спустя несколько лет даже сибирский губернатор А.М. Сухарев подчеркивал потенциальную опасность джунгарских территориальных притязаний: «затейные его [хунтайджи – Д.Б.] претензии при случаях всегда продолжаются, чтоб по Омскую крепость ему отдать, и тако де Кузнецкой,

¹⁵⁶ Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оног отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 т. Т. 3. М.: Восточная литература, 2005. С. 473.

¹⁵⁷ Дмитриева С.И. Лимология... С. 10, 29; Постников А.В. История географического изучения... С. 93-94.

¹⁵⁸ Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи... С. XXXI.

¹⁵⁹ Там же. С. 237.

Томской, Красноярской Ямышевский и Бикатунский уезды в той же претензии заключает»¹⁶⁰.

Петр I ни при каких условиях не желал отказываться от экспансии в Верхнее Прииртышье, поэтому российский монарх был готов пойти на определенный компромисс и предложил джунгарскому правителю неоднозначную идею кондоминиума¹⁶¹, то есть совместного суверенитета Российской империи и Джунгарии над бассейном Верхнего Иртыша: «позволяем вам и подданным вашим на тех землях жилища свои иметь, хотя оные к сибирскому нашему царству принадлежат, ежели вы будете пребывать смирно»¹⁶². У сибирского губернатора существовало даже более широкое видение функционального назначения кондоминиума – не только как инструмента снижения остроты территориального спора, но и как средства склонения ойратов к принятию подданства: «А знак к тому миру и с Калмыками был... что посылаю людей царского величества строить города для прииску руд а контайшу ни людей его воевать не будем, и кочевал бы он контайша на тех местах по прежнему... и тому тот посланец калмыцкой... говорил мне в розговорах, что контайше не противно то будет»¹⁶³. Имперская элита считала кондоминиум наиболее рациональным и вполне достижимым вариантом установления режима границы. В инструкции отправлявшемуся в Ургу И. Унковскому предписывалось в случае публичного согласия контайши на установление соответствующего режима провести детальный осмотр истоков Иртыша на предмет строительства дополнительных крепостей (в местах со стабильным сообщением водным путем), а также залегания богатых рудных месторождений¹⁶⁴.

Джунгарский правитель изначально не стал отвергать предложенный Россией совместный суверенитет над Верхним Прииртышьем. В ходе одного из раундов русско-джунгарских переговоров в декабре 1719 г. приближенные зайсаны Цэвана-Рабдана поделились с И.Д. Чередовым идеей контайши о

¹⁶⁰ АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113/1. 1743. Д. 6. Л. 65.

¹⁶¹ Дмитриева С.И. Лимнология... С. 11.

¹⁶² РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 17-17об.; Оп. 1. 1716. Д. 1. Л. 12.

¹⁶³ Памятники Сибирской истории... С. 141.

¹⁶⁴ Посольство к джунгарскому хун-тайчжи... С. 210.

позволении ойратским данникам кочевать в бассейне Иртыша в районе Семипалатинской крепости¹⁶⁵. А в 1721 г. джунгарский дипломатический агент Борокурман высказывал убедительную просьбу своего хунтайджи прекратить стеснения калмыков-улусников в Верхнем Прииртышье: «Того ради дабы великой государь соизволил и указом своим приказал улусником ево кочевать около тех построенных городков вверх по обе стороны Иртыша реки невозбранно»¹⁶⁶. Обе ситуации не содержали прямого требования вывести русские войска из Прииртышья, что потенциально соответствовало доктрине российской стороны¹⁶⁷.

Идея кондоминиума поддерживалась джунгарской элитой в контексте политики сближения с Российской империей конца 10-х – начала 20-х гг. XVIII в. По большому счету, потенциальное принятие джунгарским контайшой российского подданства являлось ничем иным как своеобразным вариантом временной сделки¹⁶⁸ и в восприятии ойратской стороны не означало установления фактического протектората России. Проблема границы в этом контексте позиционировалась джунгарской элитой, соответственно, как необходимость установления временного (удобного джунгарскому хану) условно-разграничительного рубежа или режима функционирования границы (вариантом такого режима как раз и являлся кондоминиум), которые впоследствии могли быть пересмотрены в зависимости от динамики геополитической обстановки в Средней Азии.

Ухудшение положения Джунгарии в результате джунгаро-цинской войны очень быстро сделало кондоминиум средством манипулирования ойратской элитой со стороны российских дипломатов. Потенциальное оказание со стороны Российской империи помощи джунгарам ставилось в зависимость от достижения согласия по кондоминиуму, причем Цэван-Рабдан был готов пойти на соответствующую сделку¹⁶⁹. В документе, представленном ойратским посланником Доржи в 1724 г., значился пункт «чтоб при границах жить между

¹⁶⁵ АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113/1. 1731. Д. 2. Л. 130-130об.

¹⁶⁶ Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи... С. XVIII.

¹⁶⁷ Историко-географические образы Алтая... С. 54.

¹⁶⁸ Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи... С. IV.

¹⁶⁹ Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи... С. IV.

собою согласно и приятельски». Однако имплементация достигнутой между Джунгарским ханством и Российской империей предварительной договоренности о кондоминиуме так и не началась.

В условиях невозможности достижения соглашения с контайшей дипломатическим путем региональная администрация избрала курс на одностороннее формирование государственной границы в Обь-Иртышском междуречье.

В 20-х гг. XVIII в. в среде региональной элиты зародилась, а впоследствии активно эксплуатировалась идея о необходимости установления государственных рубежей с Джунгарией в Верхнем Обь-Иртыше исключительно по линии, удовлетворявшей военно-стратегическим и социально-экономическим целям текущего освоенческого процесса. На это прямо указывал сибирский губернатор А.Л. Плещеев, который не только подчеркнул отсутствие каких бы то ни было территориальных разграничений между Россией и Джунгарией в районах Оми и в Кузнецком уезде, но и напрямую заявил: «и чрез оные волости по Оми реке сухопутной тракт в Томск в Кузнецк и Енисейскую Иркутскую провинции один и ежели по Омь реку быть за ним [хунтайджи – Д.Б.], то есть сибирские города от Тобольска тракт сухопутной пресечется кроме водяного»¹⁷⁰. Далее в своих рассуждениях А.Л. Плещеев и вовсе пришел к парадоксальному выводу о том, что в районах расположения Семипалатной и Усть-Каменогорской крепостей «владения российского в тех местах и не было никакого»¹⁷¹. Резюмируя свои наблюдения, сибирский губернатор обозначил не только приоритетные контуры линии предполагаемой границы, но и привел систему рациональной аргументации: «надобно границе быть вверх по Иртышу реке по Зайсан озеро, а от реки в степь в сторону где калмыки кочуют чтоб дни два или на три для доволства жителей де иртышских крепостей земли было, а степь курче по камень первой которой на тракте от Семиполатной крепости»¹⁷².

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 47об.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 47об.-48об.

Остается добавить, что подобная позиция не была исключена из административной повестки во второй трети XVIII столетия, наоборот, она стала ее системообразующим звеном и стала применима ко всему Верхнему Обь-Иртышью. В вопросах установления российской границы в районе Иртыша сибирский губернатор исходил из тезиса о том, что границу «надо учинить, чтоб контайша с Барабинских волостей ясаку не брал»¹⁷³.

Обострение русско-джунгарских отношений в конце первой трети XVIII в. с еще большей остротой вызвало к жизни вопрос «границы». На этот раз региональные власти стремились к тотальному включению двоеданных областей юга Западной Сибири в сферу имперского регулирования. Инструментом легализации соответствующей идеи должны были стать результаты экспедиции, посланной в Верхнее Обь-Иртышье для сбора сведений о возможных вариантах установления линии государственной границы¹⁷⁴.

15 сентября 1733 г. сибирский губернатор А.Л. Плещеев направил в Кузнецкий и Красноярский уезды указ, предполагавший начало осуществления комплекса мероприятий по разработке наиболее приемлемого варианта прохождения линии российской государственной границы в Иртышско-Енисейском междуречье¹⁷⁵. Руководителем такой экспедиции в каждой из административных единиц априори мог стать только человек, обладавший исключительным управленческим авторитетом. Не решившись довериться в столь ответственном деле кузнецкому воеводе А.Ф. Бартеневу, А.Л. Плещеев в качестве приоритетной кандидатуры указал дворянина Петра Алексеевича Мельникова, занимавшего должность кузнецкого воеводы в 1732 г.¹⁷⁶ и нередко привлекавшегося региональной властью для исполнения поручений, обладавших особой значимостью¹⁷⁷. На обстоятельствах осуществления экспедиции стоит остановиться подробнее.

¹⁷³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 6. Кн. 337. Д. 12. Л. 239.

¹⁷⁴ Историко-географические образы Алтая... С. 56.

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 43-44.

¹⁷⁶ Усков И.Ю. Город Кузнецк в XVIII в.: организация местного управления и структура населения // V Исторические чтения Томского государственного педагогического университета. Томск, 2014. С. 21.

¹⁷⁷ Помимо экспедиций 1733-1734 гг. П.А. Мельников был привлечен к составлению карты спорных двоеданных волостей в Верхнем Обь-Иртышье в конце 30-х гг. XVIII в. см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 317.

Дело в том, что перед П.А. Мельниковым возникла непростая задача: на обширном пространстве от Телецкого озера до Усть-Каменогорской крепости «осмотреть же по которым урочищам и рекам и протчим надлежит быть российского владения границе калмыцкого владелца Галдан Чирина»¹⁷⁸. Кроме того, в указе нашли отражение оформлявшиеся уже в начале 20-х гг. XVIII в. тенденции к установлению «искусственной» границы. П.А. Мельникову строго предписывалось «смотреть того накрепко, чтоб колывановоскресенские демидова заводы и пограничныя ясашныя волости и с прилежащими звериными промыслы... и хотя которые Ея Императорского Величества ясак калмыцкому владелцу алман платят... были б во владении российском»¹⁷⁹. Иными словами, перед дворянином стояла задача, с одной стороны, детально обследовать приграничную зону, с другой – зафиксировать результаты таким образом, чтобы формально не «отрезать» от территории России административные объекты, имевшие стратегическое значение для имперских властей, а контуры предполагаемой границы не противоречили устоявшейся доктрине, транслировавшейся региональной элитой джунгарской стороне.

А.Ф. Бартенев оказался в не менее сложной ситуации, поскольку из Тобольска в Кузнецк указ был доставлен лишь 22 октября 1733 г., а уже к концу декабря региональная администрация требовала от воеводы и П.А. Мельникова завершить экспедицию и представить подробный отчет с сопроводительным чертежом. Планы губернской канцелярии носили откровенно иллюзорный характер и не отвечали реалиям местности, поскольку не предусматривали времени на разработку маршрута, а также не учитывали трудностей передвижения по предгорьям в осенне-зимний период. Инструкция, составленная в кратчайшие сроки, не отличалась оригинальностью и практически полностью пересказывала распоряжение губернатора. Воевода лишь дополнительно предостерег П.А. Мельникова «в ясашных волостях и в протчих местах обид и

Кроме того, авторитет П.А. Мельникова был настолько существенен, что воеводы доверяли ему определение крестьянских дворов, подлежавших приписке к Колывано-Воскресенским заводам, а также направляли расследовать конфликты в управленческой среде. См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 186. В 1732 г. П.А. Мельников и вовсе занимал должность управителя Кузнецкого уезда.

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 43.

¹⁷⁹ Там же.

расорения отнюд никому не чинит»¹⁸⁰. Методика сбора информации являлась традиционной для первой половины XVIII столетия: предполагалось, что П.А. Мельников должен лично объехать всю приграничную зону, посетить ключевые реки, ясачные волости и урочища и на основе собственных наблюдений, а также расспросов местных жителей составить описание границы.

Изначально экспедиция П.А. Мельникова 1733 г. должна была состоять всего лишь из 4 человек: самого дворянина, переводчика А. Носкова и двух служилых людей. Однако еще до отправления из Кузнецка руководитель поездки в своем доношении потребовал, во-первых, заменить толмача, поскольку тот «во оных местах и урочищах не бывал»; во-вторых, увеличить количество сопровождающих служилых людей с двух до десяти. Воевода лишь частично удовлетворил соответствующее прошение, в общей сложности направив для сопровождения 4 рядовых служилых людей и подьячего А. Буткеева¹⁸¹.

Выступив из Кузнецка 14 ноября 1733 г., П.А. Мельников достиг приграничной Белтирской волости только 11 декабря. Из коллективных «сказок» ему удалось установить, что местные жители считали в качестве границы условную линию от Абакана через систему хребтов на реку Чулышман. Буквально за день оценив обстановку, дворянин рапортовал А.Ф. Бартеневу о невозможности продолжения экспедиции в 1733 г. на том основании, что «нынешним зимним временем протыти невозможно понеже в тех урочищах путь... непроходим токмо в мае месяце на лошедах проехать возможно»¹⁸². Но не только это смутило руководителя экспедиции. Дальнейший маршрут должен был пролегать как раз через горные хребты в район Чулышмана, а оттуда в междуречье Бии и Катуня, но все жители Белтирской и Сагайской волостей единодушно утверждали, что не знают дальнейшей дороги, что, естественно, являлось откровенной ложью.

П.А. Мельников оказался в своеобразной ловушке. Находясь в предгорьях, он, с одной стороны, понимал отсутствие физической возможности продвинуться

¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 47об.

¹⁸¹ Историко-географические образы Алтая... С. 57.

¹⁸² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 65.

в район Чулышмана, с другой – осознавал все сложности, с которыми придется столкнуться при возвращении в Кузнецк, о чем писал А.Ф. Бартеневу: «а меня нижайшего до летнего времени бес полученного... из губернии указу за опасением штрафа возвратит опасно»¹⁸³.

Тем не менее, в начале 1734 г. экспедиция вернулась в Кузнецк. Губернская канцелярия, откровенно недовольная задержками в составлении описания границы, стремилась всячески форсировать повторную отправку дворянина. Сам П.А. Мельников предполагал дожидаться мая и различными способами затягивал начало новой экспедиции¹⁸⁴.

Лишь в конце апреля 1734 г. П.А. Мельников покинул Кузнецк, а уже 9 августа 1734 г. представил воеводе А.Ф. Бартеневу итог работы своей экспедиции – «Реэстр пограничным урочищам и рекам и протчим признакам»¹⁸⁵. Впервые документ был опубликован Л.П. Потаповым без идентифицирующих реквизитов и каких-либо пояснений¹⁸⁶. «Реэстр» представляет собой последовательное перечисление гидрографических объектов (рек, озер), горных хребтов и ясачных волостей в приграничной зоне Верхнего Обь-Иртышья¹⁸⁷.

Положения «Реэстра» относительно отдельных локальных зон представляются особо значимыми. Прежде всего, по версии П.А. Мельникова, граница между Россией и Джунгарским ханством должна была проходить не по северной оконечности Телецкого озера, а по руслу Чулышмана и далее по элементам его водного бассейна: рекам Чульче, Башкаусу, Чебдару, Карагану¹⁸⁸. Маркирование границы подобным образом создавало в районе к югу от Телецкого озера своеобразную «петлю», потенциально позволявшую закрепить за Россией целый ряд инородческих волостей.

Далее П.А. Мельников предполагал, что граница должна проходить через реки Уймень, пересекать Катунь, образуя плавный изгиб за счет перехода с правого притока Соузги на левый – Сему. В «Реэстре» напрямую указано, что

¹⁸³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 69.

¹⁸⁴ Там же. Л. 83.

¹⁸⁵ Там же. Л. 88об.-91об.

¹⁸⁶ Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933. С. 32-33.

¹⁸⁷ Историко-географические образы Алтая... С. 58.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 88об.-89.

соответствующий контур детерминирован необходимостью легализации отнесения к России двоеданнических волостей нижнего течения Катуня¹⁸⁹.

Описывая предполагаемую границу в Обь-Иртышском междуречье, П.А. Мельников слишком буквально воспринял губернаторское предписание оставить Колыванский завод А. Демидова в пределах России: по версии дворянина рубеж должен был проходить по озерам Белому и Колывани, затем уходить на речку Каменку, а от нее, минуя Алей, достигать Убы¹⁹⁰. Гидрографические объекты Белое и Колывань являлись географическим центром зарождавшегося Колывано-Воскресенского комплекса и проведение границы вплотную к Колыванскому заводу значительно повышало бы и без того существенный уровень угрозы набегов и разорения предприятия со стороны джунгар. Более того, производство оказывалось бы фактически отрезанным от рудной базы на юге, а сам комплекс лишался бы существенного потенциала к расширению. Это демонстрирует слабый уровень осведомленности П.А. Мельникова о состоянии дел в междуречье Чарыша и Алея, практически полное отсутствие коммуникации с Колыванской конторой и приказчиком, хотя предварительно А.Ф. Бартенев весной 1734 г. направил управленцам Колыванского завода бумагу с требованием оказать экспедиции всяческое содействие (в том числе и информационное).

Несмотря на несомненную оригинальность и во многом даже исключительность представленных П.А. Мельниковым данных существует целый ряд обстоятельств, ставящих под сомнение их достоверность. Во «ведении», сопровождавшем итоговый документ, дворянин категорически утверждал, что «свидетельствовал, описал и учинил чертеж», достиг Иртыша и Усть-Каменогорской крепости¹⁹¹. В своих доношениях конца апреля 1734 г. П.А. Мельников, находясь еще в Кузнецке, четко обозначил две проблемы, вставшие перед экспедицией на второй год. Во-первых, в среде кузнецких служилых людей отсутствовал проводник, хорошо знавший местность от Чулышмана до Колывано-Воскресенского комплекса, а дворянин опасался

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 89-89об.

¹⁹⁰ Там же. Л. 90-91.

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 87.

повторного саботирования сопровождения группы со стороны инородцев: «ехат пути ни единой не знают [служилые люди – Д.Б.] да и не токмо оныя но и кузнецкого ведомства Сагайской и Белтирской волостей ... иносемцы пути не ведают»¹⁹². Во-вторых, П.А. Мельников требовал от А.Ф. Бартенева заменить подьячего (на него, исходя из инструкции и всей документации экспедиции, ложилась задача составления чертежа), утверждая, что тот «мало писать имеющий». Однако в этом дворянину было категорически отказано.

Таким образом, при отсутствии осведомленного проводника и с «полуграмотным» подьячим П.А. Мельников сумел составить описание границы примерно за три месяца (фактически с мая по начало августа 1734 г.), то есть, отбыв из Кузнецка, проехать по достаточно протяженному маршруту от Белтирской и Сагайской волостей до Усть-Каменогорской крепости и вернуться обратно в Кузнецк. При этом в 1733 г. только на то, чтобы добраться до двух волостей на границе с Красноярским уездом, П.А. Мельников потратил 27 дней. Кроме того, начиная с губернаторского сентябрьского указа 1733 г. и вплоть до конца апреля 1734 г. документирован практически каждый шаг и каждое требование П.А. Мельникова. После отбытия из Кузнецка в конце апреля 1734 г. кроме «мнения», где дворянин кратко пересказал изначально полученную инструкцию, и непосредственно «Реэстра» в деле нет никаких других материалов. Руководитель экспедиции не сообщил какой-либо информации о прохождении своего маршрута и о том, когда он достиг ключевых объектов: Колыванского завода, Усть-Каменогорской крепости. Видимо, П.А. Мельников, не имея достаточных сведений о предстоящем маршруте и находясь под серьезным давлением со стороны губернатора и воеводы, торопившими его отъезд из Кузнецка, посетил лишь хорошо знакомые кузнецким служилым людям «районы» Верхнего Обь-Иртышья, а остальную информацию домыслил или почерпнул из недостоверных источников¹⁹³. Это косвенно согласуется с мнением составлявшего в 1742-1743 гг. описание Кузнецкого уезда геодезиста И.И.

¹⁹² Там же. Л. 82об.

¹⁹³ Историко-географические образы Алтая... С. 60.

Шишкова, который отметил, что «описана [П.А. Мельниковым – Д.Б.] разные урочищи, реки и речки, горы, волости и протчие которые весьма не обстоятельны ... а других таких и званием не имеется»¹⁹⁴. С другой стороны, любопытно мнение другого геодезиста В. Шишкова, который в 1737 г., отвечая на вопрос о границах (в том числе и государственных), при составлении историко-географического описания Верхнего Прииртышья ссылаясь на результаты экспедиции П.А. Мельникова: «От Усть-Каменогорской крепости вверх по Иртышу со сорок три версты описана граница кузнецким дворянином Мельниковым: по Буйтарме речке и по вершинам рекам Убе, Чарышу и Телескому озеру»¹⁹⁵.

Тем не менее, результаты, представленные П.А. Мельниковым, составили эмпирическую основу исключительной в своем роде попытки установления государственной границы России в Верхнем Обь-Иртышье. Несмотря на то, что «Реэстр» не стал документальной базой для окончательной демаркации и легализации рубежей с Джунгарией, а также не утвердился прочно в административном дискурсе российских властей, отдельные его положения (включение Телецкого озера в состав России, пересечение Катуня в районе Семы) согласовывались и перекликались с тенденцией картографической фиксации линии государственной границы России на региональных и общероссийских картах середины 30-х – 40-х гг. XVIII в.

Однако результаты экспедиции не сняли с повестки дня необходимость поиска иных альтернатив установлению рационального и приемлемого режима функционирования приграничной зоны. Центральным вопросом здесь становилась проблема сбора алмана с коренного населения Верхнего Обь-Иртышья и, как следствие, аспекты двоеданничества. Позиция, занятая центральными российскими властями и транслировавшаяся на другие уровни системы управления являла собой новое прочтение стратегии кондоминиума, когда в условиях невозможности установления приемлемого для обеих сторон варианта государственной границы, а также неспособности ни одной из них

¹⁹⁴ Историко-географические описания... С. 148-149.

¹⁹⁵ Там же. С. 37.

произвести одностороннюю демаркацию, допускались элементы совместного суверенитета над отдельными участками Верхнего Обь-Иртышья. К середине 30-х гг. XVIII в. Сенат занял в этом плане достаточно внятную позицию, которая сводилась к недопущению джунгарских сборщиков в приграничные волости, которые ранее контайше дань не уплачивали: «в сборе на галдан череня алману с тех волостей, имеют с которых ему прежде не бывало, немочно для того что в прошлом 1735 году, когда присланы были ко двору Ея Императорского Величества зенгорского владельца галдан череня посланцы, то тогда на требование их о том зборе по состоявшейся резолюции в кабинете Ея Императорского Величества им ответствовано»¹⁹⁶.

Сенат, осознавая фактически невозможность решения вопроса границ, напрямую указывал, что его острота может быть снята только посредством должной системы охраны: «Надлежит при Кузнецку или в иных местах по рассмотрению вашему иметь потребное число войск дабы то видя с стороны зенгорского владельца не отважились нападения во владение российское учинить и от излишних небывалых запросов и требований воздержались и отстали»¹⁹⁷.

Другим фактором, детерминировавшим усложнение ситуации в приграничной зоне, становились территориальные претензии красноярского воеводы. Результаты экспедиции П.А. Мельникова не сняли остроту в вопросе территориального разграничения между Кузнецким и Красноярским уездами, хотя именно такая задача ставилась перед дворянином. В промемории красноярской канцелярии 1735 г. значилось любопытное замечание о том, что ясачные жители Сагайской и Белтирской волостей отказали пограничному дозорщику красноярского уезда К. Худоногову в осмотре «пограничного знаку»¹⁹⁸.

Скорее всего, речь идет о российско-китайском пограничном знаке, установленном в районе Абакана на перевале Шабин-дабага и считавшимся одновременно разграничительной точкой между двумя российскими

¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 91. Л. 22об.

¹⁹⁷ Там же. Л. 23.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.

административно-территориальными единицами. Во второй половине XVIII в. в ходе своей экспедиции И.П. Фальк так описывал этот пограничный знак: «[межа – Д.Б.] имеет высокое каменное основание, сложенное из диких камней и большею частью из кусков красноватого пещанного шифера, или складенное без цемента. Каждое основание образует притупленную кеглю, вышиною в 2 сажени. На нем стоит самая межа, деревянный столб. Российская вышиною в 1 1/3 сажени и с крестом»¹⁹⁹.

Установление внятного режима разграничения между Кузнецким и Красноярскими уездами оказывалось под угрозой срыва вследствие неоднозначных действий обоих воевод. Красноярская канцелярия стремилась всеми силами воспрепятствовать любому пресечению условной границы со стороны кузнецких ясачных данников, подвергала аресту и жестким допросам всех пойманных нарушителей, а в отношении сбежавших или укрывшихся на территории Кузнецкого уезда требовала от соответствующего коменданта высылки таковых. Естественно, что это не приводило в восторг кузнецкого управителя, который хотя и отправлял специальные команды в Белтирскую и Сагайскую волости, но служилые люди практически никого «не заставали» в соответствующих поселках, оправдывая это тем, что инородцы находились на промыслах²⁰⁰. Более того, Кузнецкая канцелярия в одной из промеморий напрямую требовала отпустить задержанных ясачных людей кузнецкого ведомства: «дабы красноярская канцелярия благоволила забранных в красноярск к следствию из кузнецкого ведомства Сагайской и Белтирской волостей ясашных иноземцев ежели до которых иноземцев по следствию важных причин не касается, то их иноземцев до указа Ея Императорского Величества отпустить в свои волости по прежнему хоша за поруками, дабы они иноземцы в казну Ея Императорского Величества к наступающему 736 году промышляя в нынешнее не лутчее время ясашным платежем могли исправиться, а буде которых иноземцев по следствию отпустит из Красноярска для промыслу николми меры не можно, о

¹⁹⁹ Бобров Д.С. Формирование российской границы... С. 15; Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук, по предложению ее президента: в 7 т. Т. 6: Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824. С. 511.

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 58. Л. 13-14.

том чтоб благоволено было в кузнецкую канцелярию из красноярской канцелярии для известия уведомить»²⁰¹.

Таким образом, на региональном и местном уровнях не было выработано единообразного варианта исполнения официально-дипломатического понимания государственной границы в Верхнем Обь-Иртыше.

Третья парадигма восприятия государственной границы Российской империи в регионе связана с фактическим пределом административной юрисдикции местных и локальных властей.

В первые годы после сооружения острогов Верхнего Приобья этот рубеж проходил по Оби, только правый берег которой считался российским, а ключевыми военно-стратегическими пунктами выступали Белоярская и Бикатунская крепости²⁰². Воеводой, служилыми людьми, несшими «обереговую службу», а также местным населением остроги воспринимались как «сердцевина», медиана локального пространства²⁰³, центростремительная детерминанта осваиваемой локальной области. В сознании освоителей XVIII в. российские укрепления выступали в качестве места наибольшего сосредоточения административной власти и военно-политической «силы».

Вместе с тем, это не означает, что на локальном уровне восприятие границы ограничивалось самим острогом. У местных и локальных управленцев (воевод и приказчиков соответственно), а также у служилых людей и крестьян, проживавших в районе Бикатунской и Белоярской крепостей, существовало собственное специфическое видение российской границы.

Реконструкция этих представлений связана с обращением к делопроизводственной документации и, в частности, к доношениям служилых людей и приказчиков о контактах русских, ясашных инородцев с джунгарскими кыштымниками в приграничной зоне (в верховьях Оби: от слияния Бии и Катуня до Белоярской крепости).

²⁰¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 58. Л. 15об.-16.

²⁰² Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы... С. 220.

²⁰³ Березиков Н.А. Образ сибирского острога... С. 20.

С середины 30-х гг. XVIII в. кузнецких воевод все больше начинал заботить вопрос «поездок» двоеданцев и русских жителей в юго-восточные предгорья Алтая – пределы Джунгарии. Любопытно, что служилые люди или крестьяне Верхнего Обь-Иртышья, отправлявшиеся с хозяйственными целями в пределы Джунгарского ханства, могли беспрепятственно добраться только до двоеданческих волостей, а для дальнейшего следования им требовалось специальное разрешение²⁰⁴. В доношениях служилых людей Бикатунской крепости 1736 г. сообщалось о поездке ясажного татарина Кумандинской волости К. Шеголокова в Каннскую волость (однозначно определявшуюся как территория Джунгарского ханства)²⁰⁵. Это находило подтверждение в показаниях ясажного кузнецкого татарина В. Елбая, который в 1738 г. неоднократно ездил в «канн владения галдан чирина», а также посылавшимися позднее кузнецкими служилыми людьми П. Калачиковым и С. Осиповым, которые по поручению воеводы секретно наведывались «до порубежной владения Галдан Чирина Каннской волости»²⁰⁶. Однако казаки в своем донесении подчеркнули, что помимо Канской волости они посещали с разведывательными целями еще и Таутелеутскую, а также Каракольскую волости, каждая из которых также якобы принадлежала джунгарскому контайше²⁰⁷.

В качестве своеобразного «рубежа» между российской и ойротской землями русскими казаками воспринималась река Иша²⁰⁸.

Контакты между российскими ясачными инородцами и джунгарскими данниками в приграничной зоне были настолько налажены, что существовало даже несколько «путей». Первый как раз проходил через Ишу и Уетскую волость, а второй «вокруг околоною дорогою захватывая бийску крепость и чрез об реку на здешнюю сторону [правый берег Бии и Оби – Д.Б.] ниже оной бийской крепости на усть катуни реки»²⁰⁹.

²⁰⁴ Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. С. 97.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 84. Л. 6.

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 91. Л. 38.

²⁰⁷ Там же. Л. 38об.

²⁰⁸ Иша – правый приток Катуня.

²⁰⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 84. Л. 6-9.

В. Елбай не стесняясь описывал маршрут движения в приграничной зоне, где одним из центральных пунктов становилась все та же Бийская крепость: «из урги от галдан чирина ехали они [В. Елбай и ойратские послы – Д.Б.] степью и чернью и прибыли с караколю в бийску крепость а от тол приехали в бехтемирскую деревню и ис той деревни прибыли в кузнецк»²¹⁰.

Любопытными представляются и показания допрашивавшегося в Кузнецке джунгарского алманного сборщика Д. Балбатырева, в которых содержалось замечание о том, что контайша признавал Тогульскую и соседние с ней волости за Россией, хотя и стремился собирать алман с этих поселений. Кроме того, ойрот сообщал о том, что «на телеском озере в верх по чюлушману реке во владении галдан чирина в порубежной телейской волости в горе [ежели подлинно²¹¹] серебряная и золотая руды»²¹². К этому времени в районе Чуи находились значительные джунгарские силы, численностью до нескольких тысяч.

Кузнецкая администрация реагировала на такие заявления достаточно болезненно, так как реальные пределы компетенции российских властей фактически не простирались на исток Чулышмана, среднее и верхнее течение Катуня, что не соответствовало официально-дипломатической доктрине границы.

В период 1732 – 1735 гг. кузнецкой канцелярии удалось упорядочить сбор ясака лишь с 12 приграничных волостей Верхнего Приобья (что подтверждается как показаниями служилых людей, так и башлыков, а также воеводскими документами): Шорская, Етиберская, Катунская, Кумандинская, Елейская, Кергешская, Комляшская, Шелкалская, Нижняя Куманда²¹³.

Чрезвычайно сложным аспектом, затрудняющим реконструкцию восприятия границы на локальном уровне, является проблема «степи», то есть пространства Обь-Иртышского междуречья между правым берегом Оби и правым берегом Иртыша, а также за левым берегом последнего. С одной стороны, доктрина губернской канцелярии, а также существовавшие в бассейнах Чарыша и Алея русские промысловые «избушки» не позволяли считать территорию джунгарской,

²¹⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 91. Л. 4об.

²¹¹ Примечание в источнике.

²¹² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 84. Л. 7-8.

²¹³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 54. Л. 2-42.

с другой – никакие реальные имперские административные прерогативы на эти районы не распространялись.

В условиях неопределенности, власти на местах, тем не менее, считали себя вправе систематически санкционировать проведение в «степи» сельскохозяйственных работ или отход жителей на промыслы. Наиболее привлекательным участком для такого «отходничества» являлось междуречье Оби и Чарыша. Результатами становились стычки с калмыками или обнаружение в «степи» лошадей. В доношении 1728 г. крестьяне Бикатунской крепости В. Черкасов и Я. Слекишин сообщали, что обнаружили трех лошадей «за обю рекою насмеле от чарышу реки версты с три»²¹⁴. При этом воеводу волновал лишь вопрос «находки», пребывание крестьян Бикатунской крепости в районе верховий Чарыша не вызывало каких бы то ни было нареканий. Ясачные инородцы и вовсе видели в «степи» исключительно пространство для промысла и не считали чем-то зазорным пересечение Оби (в вершине) или Бии, а в доношениях воеводам не стесняясь сознавались: «в осеннее время будучи де... в степи за обю рекою ниже Бикатунской крепости для звериного промыслу»²¹⁵. Об устоявшейся практике был осведомлен даже сибирский губернатор. В одном из своих указов А. Плещеев предписывал кузнецкому воеводе отнюдь не прекратить промыслы в «степи», а лишь посылать жителей группами: «непременно и ис пограничных слобод и деревень в степь для промыслов в малолдстве не отпускать под жестоким истязанием»²¹⁶.

Таким образом, стержневой характеристикой установления государственной границы Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине XVIII в. являлось нивелирование роли международно-дипломатических процедур в имперской политике и, как следствие, административном дискурсе. Вопросы делимитации и демаркации государственных рубежей рассматривались в качестве

²¹⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 14. Л. 154-155.

²¹⁵ Там же. Л. 163.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 27об.-28.

второстепенных по отношению к необходимости обеспечения административно-территориальных интересов государства.

В целом, пространственная модель Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в первой половине XVIII в. находилась на стадии своего формирования, что связано с незавершенностью освоительских процессов. Существенное удаление от политического центра страны, дисперсное распределение воинских команд, а также приграничный характер региона предопределили ключевую роль в пространственно системе двух групп объектов: административных пунктов и государственной границы.

Для региональных и местных властей, крестьянского и служилого населения в условиях нечетких, размытых географических границ освоения административные объекты становились фактически единственными территориально-управленческими ориентирами, позволявшими осуществлять навигацию как внутри локальных районов, так и всего региона в целом.

Отсутствие единого подхода к проблеме государственной границы в сочетании с незавершенностью процедуры демаркации рубежей страны предопределили возникновение трех программ восприятия пределов России в предгорьях Алтая. Картографическая парадигма связана со становлением специфического картографического образа границы, реализовывавшегося в создании специфической картографической проекции приграничного пространства, которая, с одной стороны, была подвержена административному влиянию, конкретным целям и задачам, ставившимся перед составителями чертежей, с другой – достаточно сильно зависела от личности составителя карты, нюансов его пространственного восприятия и уровня квалификации. К середине XVIII в. установилась устойчивая тенденция изображения на официальных картах линии государственной границы России в Верхнем Обь-Иртышье, предполагавшая включение Телецкого озера и большей части региона в состав империи.

Официально-дипломатическое понимание нашло отражение в посольских материалах, а также документах центральных и региональных властей.

Содержательная линия доктрины сводилась к обоснованию суверенных прав России на всю территорию Верхнего Обь-Иртышья вплоть до озера Зайсан (включительно), а в качестве системы аргументации привлекались элементы доктрины захватного права, где принадлежность того или иного участка пространства рассматривалась в формате всеобъемлющего суверенитета государства над протекавшими в регионе реками.

Другой формат восприятия государственных рубежей, локально управленческий, связан с фактическим пределом административной юрисдикции местных и локальных управленческих структур в регионе. В такой трактовке граница превращалась в обрамляющую черту расположения фискально-обязанного населения. Отсутствие ее точных контуров позволяет говорить о существовании двух локальных буферных приграничных зон: медиальным центром первой, расположенной в верховьях Оби, становилась Бикатунская крепость; вторая сосредотачивалась в междуречье Алея и Чарыша и в сознании современников именовалась «степью».

Глава 2. Система управления Верхним Обь-Иртышьем в первой половине XVIII в.

2.1. Организация системы управления Верхним Обь-Иртышьем.

Колыванские заводы в политике кузнецкого воеводы

Крайняя удаленность от политического центра, а также окраинное положение Верхнего Обь-Иртышья в пространственно-территориальной системе Российской империи обусловили острую необходимость организации эффективной системы управления регионом, которая превращалась в один из ведущих факторов интенсификации освоенческого процесса. Управленческие подходы образца первой четверти XVIII в., выработанные имперской элитой и транслировавшиеся ею сибирским окраинам, ставили во главу угла задачу построения четкой иерархии власти.

Администрирование Верхним Обь-Иртышьем выстраивалось на центральном, региональном, местном и низовом (локальном) уровнях. Управленческие институты каждого звена подчинялись и были полностью подотчетны вышестоящим. Д.А. Ананьев называет эту модель бюрократическим централизмом и рассматривает ее в качестве одного из следствий эндогенных процессов внутри административной среды первой половины XVIII в.¹ В советской историографии Н.П. Ерошкин в бюрократическом централизме видел осуществление чиновниками центральных органов и учреждений распорядительных, а также частично исполнительных функций².

На центральном уровне имперской вертикали управленческие прерогативы в отношении освоения Алтая дисперсно распределялись между двумя ключевыми политическими институтами. Указы императора создавали законодательную основу деятельности регионального и местного уровней власти³, содержали в себе знаковые решения о начале продвижения в тот или иной участок Обь-

¹ Ананьев Д.А. Воеводское управление в Сибири. Новосибирск, 2005. С. 104.

² Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 103.

³ ПСЗРИ. Собрание 1-е. (1649-1825). СПб., 1830. Т. V. № 3294, 3295.

Иртышского междуречья⁴. В свою очередь, Сенат в контексте освоения южных районов Западной Сибири в большей степени осуществлял контрольные функции в отношении реализации императорских указов или выполнял роль «старшего администратора» в случаях, когда структуры нижестоящего уровня (губернатор или губернская канцелярия) оказывались неспособными, либо вовсе отказывались принимать важное решение⁵.

Региональный уровень системы управления Верхним Обь-Иртышью выстраивался вокруг института губернатора. В рамках Сибири он наделялся всей полнотой административной, полицейской, военной, судебной и финансовой власти⁶. При этом широта реальных административных возможностей сибирского губернатора возрастала на протяжении всего XVIII в. и не зависела от динамики внутривластных процессов первой половины столетия⁷. В контексте освоения Верхнего Обь-Иртышья функциональный статус сибирского губернатора выстраивался вокруг планирования, нормативно-правового обеспечения и контроля за экспедициями в приграничных зонах, фортификационным строительством, комплектованием и обеспечением воинских частей, охраной границ. Губернаторы выступали одновременно и как инициаторы обследований порубежных локальных районов⁸, и как инстанция арбитража в случае возникновения споров между воеводскими канцеляриями⁹, и как строгие надзиратели при необдуманных и авантюрных действиях низовых управленческих структур в приграничных зонах¹⁰. Кроме того, сибирским губернаторам приходилось вести дипломатическую переписку с джунгарскими дипломатическими агентами и самим контайшей по вопросам территориальной принадлежности Верхнего Обь-Иртышья и легальности его освоения Россией¹¹,

⁴ ПСЗРИ. Собрание 1-е. (1649-1825). СПб., 1830. Т. V. № 2811, 3284.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 725. Д. 131. Л. 608-615; Оп. 14. Кн. 800. Д. 39. Л. 680-736.

⁶ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений... С. 96; Рафиенко Л.С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII-XIX вв.: Избранное. Новосибирск, 2006. С. 42.

⁷ Рафиенко Л.С. Проблемы истории управления... С. 60.

⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 43-44.

⁹ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 8-9об.

¹⁰ Там же. Л. 28-28об.

¹¹ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 25-28, 46-49; 1719. Д. 1. Л. 4-4об.; Памятники сибирской истории. Кн. 2. СПб., 1885. С. 66-68; Сибирские переселения. Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв.: сб. док. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2010. С. 55-56.

формировать программы генерализации государственной границы государства в регионе¹².

На местном уровне управление Верхним Приобьем концентрировалось вокруг фигуры воеводы Кузнецкого уезда. На протяжении 10 – 40-х гг. XVIII в. на этой позиции наблюдалась существенная ротация, а соответствующую должность воеводы и управителя Кузнецка занимали: 1) воевода, полковник Борис Акимович Синявин (1713 – 1717 гг.; 1720/1721 – 1722 гг.); 2) воевода Данила Иванович Востинский (1717 – 1719 гг.)¹³; 3) управитель, томский дворянин Борис Иванович Серединин (1722 – 1727 гг.); 4) воевода, полковник Петр Нефедьев (1728 – 1730 гг.); 5) воевода, майор Степан Степанович Зиновьев (1730 – 1732 гг.); 6) управитель, кузнецкий дворянин Петр Алексеевич Мельников (1732 г.); 7) управитель Степан Иванов (1732 – 1733 гг.); 8) воевода, капитан Артем (Артемон) Федорович Бартенев (1734 – 1738 гг.); 9) воевода, майор Андрей Герасимович Шапошников (1738 – 1745 гг.)¹⁴; 10) воевода, титулярный советник Яков Федорович Минович (1745 – 1749 гг.)¹⁵.

¹² РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1. Л. 46-49.

¹³ В историографии сложилось устойчивое заблуждение о том, что Б.А. Синявин бессменно являлся воеводой Кузнецкого уезда на протяжении 1715-1722 гг. См.: Булыгин Ю.С. Выход русских к реке Бие и основание Бикатунской крепости // Города Алтая эпохи феодализма и капитализма: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 1986. С. 21; Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в.: проблемы жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири. Омск, 2005. С. 338; Усков И.Ю. Город Кузнецк в XVIII в.: организация местного управления и структура населения // V Исторические чтения Томского государственного педагогического университета. Томск, 2014. С. 21. На самом деле, как показал сначала А.П. Уманский, а затем на архивном материале уточнили В.Б. Бородаев и А.В. Контев, в период с осени 1717 г. как минимум по осень 1719 г. должность кузнецкого воеводы занимал Д.И. Востинский. См.: Уманский А.П. Кузнецк и алтайские остроги // Кузнецкая старина. Вып. 3. Новокузнецк, 1999. С. 9; Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620-1720 гг.: документальная монография. Барнаул, 2015. С. 253. Еще одним аргументом здесь могут быть документы из фонда Кузнецкой воеводской канцелярии, где в качестве адресата доношений кузнецких служилых людей на протяжении практически всего 1719 г. значился воевода Д.И. Востинский. РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 10. Л. 58, 85, 107-107об., 114, 117. Сменяемость Б.А. Синявина в период с 1715 по 1722 г. подтверждается и тем, что один из наказов ему подписан в 1721 г. См.: Памятники сибирской истории... С. 350-364. Кроме того, дата начала воеводского правления Б.А. Синявина должна быть установлена не позже марта 1713 г., так как к этому времени принадлежат 2 наказные памяти кузнецким служилым людям, подписанные лично полковником. См.: Памятники сибирской истории. Кн. 2... С. 339-340, 342-343.

¹⁴ В литературе отмечается, что майор А.Г. Шапошников являлся кузнецким воеводой как минимум до 1741 г. См.: Ананьев Д.А. Воеводское управление... С. 185; Усков И.Ю. Город Кузнецк в XVIII в.... С. 21. На самом деле обнаруженные нами в РГАДА документы 1743 – 1744 гг., посвященные конфликту гражданских властей и управителей А. Демидова, адресованы еще А.Г. Шапошникову или подписаны им. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 186. Л. 1-2, 63-65, 67-67об. Более того, в одном из опубликованных В.А. Моисеевым, И.А. Ноздриной и Р.А. Кушнерик документов содержится фрагмент рапорта А.Г. Шапошникова командующему войсками Сибирских линий Х.Х. Киндерману, датированный августом 1745 г. См.: Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006. С. 107-108.

¹⁵ Ананьев Д.А. Воеводское управление... С. 185; Усков И.Ю. Город Кузнецк в XVIII в.... С. 21.

Нормативно-правовой основой деятельности кузнецкого воеводы, как и любого другого, становился Наказ. Е.В. Вершинин, а также М.О. Акишин и А.В. Ремнев практически параллельно пришли к выводу о постепенной унификации соответствующих документов в течение XVII в.¹⁶, превратившей указы воеводам в разновидность правового акта, устанавливавшего принципы местного управления¹⁷. Тем не менее указы образца начала XVIII в. отразили реформаторские новации Петра I¹⁸ и предполагали помимо устоявшегося блока оригинальные поручения практически каждому воеводе.

На протяжении первой трети XVIII в. было выпущено две типовые инструкции уездным управителям: в 1719 г. и 1728 г. Наказ воеводам, завизированный Петром I в январе 1719 г., состоял из 46 пунктов¹⁹ и включал в себя легитимационную (идея исключительной верности самодержцу), административно-институциональную (полномочия и обязанности, порядок взаимоотношений с другими властными структурами) и экстраординарную (действия в случае природных катаклизмов, внезапной военной опасности или социальных конфликтов) составляющие.

Наказ воеводам 1719 г. представлял собой типовую инструкцию в том смысле, что определял общие параметры правового статуса администраторов. Однако для восточных окраин складывавшейся Российской империи механическое копирование общегосударственного централизованного наказа и адресация его лицам, вступавшим в должность воеводы, без учета освоенческой конъюнктуры конкретного уезда автоматически предполагали бы снижение эффективности управленческого процесса. Как следствие, достигнув уровня Сибирской губернской канцелярии, указы претерпевали ощутимую переработку.

Один из немногих подобных документов, сохранившихся в полном объеме, был адресован кузнецкому воеводе Б.А. Синявину и датируется августом 1721 г.

¹⁶ Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998. С. 79; Акишин М.О., Ремнев А.В. Управление Сибири XVI – начала XX в.: административная политика, структура, люди // Власть в Сибири. XVI – начало XX в.: Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 11.

¹⁷ Вершинин Е.В. Воеводское управление... С. 79.

¹⁸ Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. М., 2003. С. 36.

¹⁹ ПСЗРИ. Собрание 1-е. (1649-1825). СПб., 1830. Т. V. № 3294. С. 624-632.

Инструкция состояла из тех же 46 положений²⁰, что и единый общеимперский наказ, но имела ряд принципиальных особенностей. Шесть пунктов (№ 2, 6, 25 – 26, 43, 46) являлись полностью оригинальными по отношению к акту 1719 г., еще три претерпели серьезные пертурбации при сохранении смысловой направленности. Сразу после сакрально-легитимационной составляющей, определявшей воеводу в качестве «верного, справедливого и доброго слуги царя»²¹, следовал пункт, который регламентировал передачу материальных ресурсов Кузнецка и документального массива, хранившегося в приказной избе: «город принять, артиллерию и амуницию и всякие полковые припасы, так же в приказной палате печать и всякие дела всех прошлых лет, и наличную денежную и всякую казну... и бытности прежняго управителя в Кузнецку в приходе и в расходе счесть»²². Практически идентичная формула была характерна для наказов сибирским воеводам еще XVII в., на что в свое время справедливо указал В. Кулешов²³. Таким образом, внесение соответствующего пункта в наказ Б.А. Синявину, с одной стороны, иллюстрировало установившуюся в прошлом столетии административно-правовую традицию и стремление губернской канцелярии ей соответствовать, а с другой – демонстрировало исключительную для региональной власти важность учета состояния ресурсной базы, которой располагали воеводы. Уже при непосредственном вступлении в должность в уездном центре новым управителем составлялись «счетные списки», которые фиксировали и, тем самым, создавали формально определенную основу проверки деятельности прежних воевод по хранению, расходу денежной и другой казны²⁴.

Наказ 1728 г. в определенной степени расширил компетенцию воевод. В документе закреплялось объединение в руках уездных правителей административно-полицейских, судебных и фискальных полномочий²⁵.

²⁰ Памятники сибирской истории. Кн. 2... С. 350-364.

²¹ Там же. С. 350.

²² Там же. С. 352.

²³ Кулешов В. Наказы сибирским воеводам в XVII в.: исторический очерк. 2-е изд. Болград, 1894. С. 11-12.

²⁴ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 1: Документы воеводского управления. М., 1895. С. 22.

²⁵ Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2000. С. 48-49.

Параллельно с этим к концу первой трети XVIII в. эволюция административных подходов предопределила изменения в практике конкретизации общероссийской инструкции воеводам: индивидуальные указы уступали место губернаторскому указу, в котором отражался факт назначения на должность и в кратком, сжатом виде транслировались ключевые полномочия. Такой документ по своему объему в несколько десятков раз был короче наказа, что не только ознаменовало собой качественно новый этап в унификации нормативной базы функционального статуса воевод, но и свидетельствовало о стабилизации административной повестки и снижении фактора военной угрозы уезду. В указе губернаторы формально делали акцент на строгое соблюдение процедуры передачи казенного имущества, однако в центр внимания вновь ставился именно финансовый аспект деятельности уездного администратора²⁶. Ему вполне традиционно предписывалось «ведать судом и расправою» в отношении дворян, детей боярских, посадских жителей, крестьян, ясачных данников, а также «таможенными и кабацкими служителями... иметь... прилежное смотрение»²⁷.

Несмотря на существенную эволюцию законодательного поля обеспечения управленческой деятельности воевод реальные пределы их власти практически не претерпели изменений на протяжении первой половины XVIII в. и зачастую были шире предусмотренных. М.О. Акишин указывает, что воеводы считали себя хозяевами и в городе, и в уезде²⁸. Д.А. Ананьев подчеркивает универсальный, всеобъемлющий характер власти уездных администраторов как одну из фундаментальных черт нижнего яруса системы управления, унаследованную еще со Средневековья и сохранившуюся в раннее Новое время²⁹.

Как командир военного гарнизона кузнецкий воевода руководил обороной города и уезда, распределял служилых людей на защиту Кузнецка, а также

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1960. Л. 2-3; Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 19-20.

²⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 19-20.

²⁸ Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 94.

²⁹ Ананьев Д.А. Воеводское управление в Сибири... С. 56.

мобилизовывал их на посылки в формате «обереговой службы»³⁰. К административно-политической компетенции глав уездов относились назначения приказчиков острогов и слобод, организация служилых людей не только на экспедиции экстраординарного (следственно-розыскного) характера, но и на военно-стратегические обследования местности.

Одним из субнаправлений деятельности кузнецкого воеводы становился периодический обмен письмами с джунгарскими зайсанами и дипломатическими агентами контайши, а также кумуляция разведывательной информации о ситуации в Верхнем Приобье. Первый аспект в большинстве случаев реализовывался посредством посылки служилых людей в пределы Джунгарского ханства для передачи грамот, в которых воспроизводилась позиция императора и губернатора относительно ситуации в регионе, обосновывалась легальность прав России на освоение междуречья Оби и Иртыша³¹. Второй сводился к сосредоточению в уездной канцелярии полученной из различных источников максимально полной информации относительно военной угрозы в Верхнем Обь-Иртышье (включая мониторинг ситуации на Колывано-Воскресенских предприятиях)³².

Большинство сюжетов освоения Верхнего Приобья не требовали личного участия кузнецкого воеводы, позволяя тому сосредоточиться на удаленном контроле над действиями подчиненных (команд служилых людей, приказчиков острогов и слобод, других структур и лиц). Исключение из этого составляли единичные экстраординарные ситуации. Архивы Сената и Кузнецкой канцелярии сохранили упоминание лишь об одном соответствующем эпизоде. Осенью 1739 г. в деревне Ново-Шадрино административного округа Белоярской крепости в трех избах заперлись в общей сложности 324 раскольника, угрожавшие самосожжением: «и около помянутых изб поставлен вокруг частокол, и верезки наложено... и поделаны жолобы, и на тех жолобах насыпан порох»³³. Кузнецкий воевода А.Г. Шапошников сначала попробовал действовать привычными ему

³⁰ Акишин М.О. Российский абсолютизм... С. 34.

³¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 725. Д. 131. Л. 609-609об.

³² Там же. Л. 611, 614об.

³³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 800. Д. 39. Л. 680.

методами: отправил из уездного центра наиболее авторитетных служилых людей для переговоров со староверами, а также для описи имущества, брошенного ими в деревнях Белоярской округи³⁴. Однако это не принесло ощутимого результата. Информированный о ситуации губернатор также не смог принять какое-либо решение. Лишь спустя несколько месяцев Сенат предписал А.Г. Шапошникову: «взяв ис Кузнецка офицеров пристойное число, драгун из кузнецкой роты, салдат и казаков с оружием по своему усмотрению что принадлежит, и ехать в Шадрино»³⁵. Специальной инструкции для воеводы ни Сенатом, ни губернатором разработано не было, предписывалось лишь постараться арестовать зачинщиков. Не исключался и вариант «идти силою». Прибыв на место, А.Г. Шапошников совместно с майором де Граве предпринял попытку наладить переговоры. Позитивных результатов добиться не удалось, в губернскую канцелярию уездный администратор доносил, что «и в том собрании ноября 12 числа сгорели, токмо ж из того собрания при згорении тех собравшихся вышло добровольно и поимано салдатами и казаками семь человек»³⁶. Таким образом, личное участие воеводы в событии, произошедшем в районе Белоярской округи, не способствовало позитивному разрешению ситуации. С другой стороны, учитывая освоенческие реалии Верхнего Приобья и, прежде всего, немногочисленность населения, сожжение более трехсот человек являлось откровенно чрезвычайным фактом и так или иначе отбрасывало тень на репутацию главы уезда.

Оценка характера административной деятельности кузнецких воевод среди прочего предполагает и учет вопроса преступности в корпусе управленцев. Вполне естественно, что документы уездной канцелярии сохранили крайне отрывочные сведения о соответствующих эпизодах, причем информация встречается лишь в изложении вышестоящих указов губернатора.

Тем не менее, стоит констатировать, что большинство воевод Кузнецкого уезда первой половины XVIII в. находились под следствием. Б.А. Синявин подозревался в превышении должностных полномочий и откровенных

³⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 800. Д. 39. Л. 682-685об.

³⁵ Там же. Л. 722.

³⁶ Там же. Л. 735.

издевательствах в отношении калмыцкого князца Байгорока Табунова. Полковнику вменялось присвоение алмана, собранного последним в пользу джунгарского контайши, незаконный захват представителя знатного теленгетского рода, а также жестокое содержание пленника в Кузнецке «... и нужники у него, у Синявина на дворе и улицы чистил, ходя наготою, и глину на кирпичное дело топтал»³⁷. Однако сам полковник указывал, что его административное поведение полностью укладывалось в сферу должностной компетенции, напрямую отражая действия уездного администратора по обороне российских ясачных данников от калмыцких сборщиков алмана (именно сбором алмана в ясачных волостях Верхнего Приобья занимался Байгорок в момент своего пленения). Отсутствие в источниках упоминаний об итогах розыскного дела в отношении Б.А. Синявина не позволяет сделать однозначного вывода о виновности управленца. Кроме того, существует ряд настораживающих факторов. Во-первых, расследование было начато лишь в 1722 г., однако касалось событий 1714 г., а фактически единственным доказательством главы Кузнецкого уезда являлись два документа, составленные Байгороком в форме челобитных и поданные в Тобольскую губернскую канцелярию. Во-вторых, на допросе бывший воевода подтверждал применение комплекса мер по воспрепятствованию сбора алмана с ясачных волостей, а также пленение Байгорока и содержание его в Кузнецке на аманатском дворе (но без жестокого обращения), однако при этом подчеркивал абсолютно легальный характер своих решений. Полковник ссылался на положения неких «воеводских статей» 1702 г.³⁸, предписывавших «а буде калмыцкие и иных земель воинские люди учнут на государевых ясачных людей приходить войною и учнут ясак с них имать... буде можно на тех калмык и на иных земель воинских людей посылать из Кузнецкого [города, Кузнецка – Д.Б.] служивых людей»³⁹. Кроме того, существовал специальный указ губернской канцелярии 1715 г., предписывавший Б.А. Синявину «об отпуску того иноземца

³⁷ Каменецкий И.П. Розыскное дело воеводы Б. Синявина: к вопросу о взаимоотношении сибирской администрации и коренных народов в Южной Сибири в эпоху Петра I // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 7-8; Памятники сибирской истории. Кн. 2... С. 295-297.

³⁸ Очевидно, речь идет о каком-то воеводском наказе уездному администратору образца начала XVIII в.

³⁹ Памятники сибирской истории. Кн. 2... С. 310.

[Байгорока Табунова – Д.Б.] и при нем будущих 10 человек калмыков чинить по тамошнему состоянию смотря»⁴⁰. Иными словами, уездный администратор получал возможность самостоятельно определять направление своих дальнейших действий. Более того, в концовке указа М.П. Гагарин еще раз подтвердил диспозитивный характер статуса воеводы в сложившейся ситуации: «но о всем чинить полковнику господину Синявину, применяясь по тамошнему состоянию, как лутче, то так и чинить»⁴¹. Таким образом, своими действиями Б.А. Синявин не нарушал правоустанавливающие подзаконные акты и не выходил за рамки определенной этими документами компетенции.

Гораздо более однозначная ситуация связана с обвинениями в адрес другого кузнецкого воеводы Б.И. Серединина. Ему вменялись многочисленные финансовые махинации (взяточничество, казнокрадство, поборы с крестьян), в том числе и при формировании рекрутских команд с локальных районов Кузнецкого уезда⁴². При этом управитель находился в сговоре с двумя подьячими, своим приемником П. Нефедьевым, а также бывшим приказчиком Бердского острога Афанасием Хмелевым. В результате губернатором было предписано всех наказать в Тобольске, а с Б.И. Серединина взыскать «по стоимости»⁴³. Обращает на себя внимание другое. Оказавшись на момент задержания в Бердском остроге, воевода подвергся серии заведомо ложных обвинений со стороны крестьян. Местные жители, раздраженные политикой уездного администратора, в довесок к реальным фактам пытались обвинить его в краже подвод и присвоении могильного золота⁴⁴. Это обстоятельство является важной иллюстрацией осязаемого падения авторитета власти воеводы в глазах поднадзорного населения.

В период управления других воевод ситуация не становилась лучше. Д.А. Ананьев приводит сообщение о челобитной кузнецких крестьян в Тобольскую губернскую канцелярию относительно имевших место в отношении них злоупотреблениях воевод П. Нефедьева и С.С. Зиновьева совокупным ущербом до

⁴⁰ Памятники сибирской истории. Кн. 2... С. 311-312.

⁴¹ Там же. С. 312.

⁴² РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 164. Д. 51. Л. 1396об-1397.

⁴³ Там же. Л. 1397.

⁴⁴ Там же. Л. 1393-1395.

862 руб.⁴⁵ П. Нефедьев даже совершил убийство крестьянина Белоярской крепости И. Пономарева за отказ того предоставить ему лошадь⁴⁶. Следует, однако, учитывать, что злоупотребления и преступления воевод не были исключительной чертой Кузнецкого уезда⁴⁷, хотя по числу таковых случаев кузнецкие администраторы первой половины XVIII в., очевидно, занимали едва ли не лидирующие позиции в Западной Сибири.

Не менее значимым параметром организации нижних ярусов системы администрирования Верхним Обь-Иртышью является специфика управленческих взаимодействий воеводы с другими органами власти. Горизонтальная коммуникация воеводских канцелярий в условиях бюрократического централизма не являлась чем-то из ряда вон выходящим, но, все же, была сведена к минимуму. Основным лейтмотивом контактов кузнецких администраторов с соседними томским и красноярским управителями становилось обсуждение процесса определения границ между уездами. Причем, оно протекало не так уж мирно и гладко, а сопровождалось существенными конфликтами. Так, кузнецко-томское размежевание в районе Берди – Ини образца второй половины 10-х гг. XVIII в. вылилось в открытую стычку томских служилых людей с местным крестьянским населением Кузнецкого уезда, и в конечном итоге потребовало вмешательства сибирского губернатора⁴⁸. Схожим образом развивались события в приграничной зоне Кузнецкого и Красноярского уездов в конце 20-х гг. столетия, однако здесь катализаторами споров двух канцелярий стали ясачные жители, а также вопросы использования ими порубежных пространств для промыслов⁴⁹.

Наибольшее влияние на выработку административной линии и принятие конкретных решений оказывало складывавшееся в Кузнецке на протяжении первой трети XVIII в. «войско» – полуформальная организация казаков.

⁴⁵ Ананьев Д.А. Воеводское управление... С. 201.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См., например: Артемьев А.Р. Воеводы и приказчики Нерчинского и Албазинского уездов во второй половине XVII в. (из истории кадровой политики царской администрации в Забайкалье и Приамурье) // Отечественная история. 2006. № 2. С. 3-10; Вершинин Е.В. Сыск Д.Л. Поляновского: дело мангазейского воеводы М.С. Волчкова // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 27-35.

⁴⁸ Контев А.В. Размежевание земель Томского и Кузнецкого уездов во втором десятилетии XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 99-101.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 18. Л. 32-47.

Применительно к XVII в. О.Ю. Шаходанова рисует небесспорную картину борьбы сибирских воевод со «служилым войском», в результате которой некоторые решения глав уездов могли отзываться или пересматриваться под давлением социально-политической организации служилых людей⁵⁰. М.О. Акишин приводит несколько любопытных примеров открытых конфликтов между уездными администраторами и «войском», однако ни один из них не относится к Кузнецкому уезду⁵¹. В данном случае следует учитывать, что «войско» на раннем этапе становления не видело оснований и каналов успешного для себя соперничества (конкуренции) с уездным воеводой⁵². Косвенно на это указывает и А.Р. Ивонин, подчеркивая, что усиление бюрократических начал в управлении империей порождало стремление государства к мелочной опеке и регламентации деятельности казаков, а малочисленность команд на юге Западной Сибири не позволяла этой социальной категории эффективно противостоять нажиму со стороны органов власти⁵³.

Неоднозначная роль в системе управления регионом, но важная в организации воеводской политики принадлежала институту земских комиссаров. Формально они должны были руководить дистриктами в составе уезда, олицетворяя собой ядро низового звена иерархии власти. Основой нормативной базы деятельности земских комиссаров стала «Инструкция или наказ земским комиссарам в губерниях и провинциях»⁵⁴. Документ был составлен в аналогичной воеводскому наказу правовой логике⁵⁵ и включал в себя 27 пунктов. Главная обязанность земского комиссара определялась следующим образом: «чтоб он поверенном ему уезде в надлежащее и указное время все Его Царского Величества доходы собирал и приписывал»⁵⁶. При этом все сколько-нибудь существенные иллюзии относительно административной автономности земских

⁵⁰ Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы... С. 80.

⁵¹ Акишин М.О. Российский абсолютизм... С. 36-38.

⁵² Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. С. 206.

⁵³ Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. Барнаул, 1996. С. 50.

⁵⁴ ПСЗРИ. Собрание 1-е. (1649-1825). СПб., 1830. Т. V. № 3295. С. 632-638.

⁵⁵ В ПСЗРИ инструкция земским комиссарам следовала сразу за воеводским наказом. Оба документа датированы 1719 г. См.: ПСЗРИ. Собрание 1-е. (1649-1825). СПб., 1830. Т. V. № 3294, 3295.

⁵⁶ ПСЗРИ. Собрание 1-е. (1649-1825). СПб., 1830. Т. V. № 3295. С. 632.

комиссаров в рамках уезда развеивал пункт № 26 инструкции, гласивший, что «все земские комиссары с их нижними служителями принадлежат под Губенаторское, или под Воеводское и Земской конторы ведение»⁵⁷.

Однако в Сибири круг реальных прерогатив и управленческой самостоятельности земских комиссаров в значительной степени сужался. Во-первых, на соответствующие должности назначения производились не Камер-коллегией, как на остальной территории страны, а местными властями. Фактически кузнецкие воеводы избирали земскими комиссарами наиболее авторитетных или близких к себе служилых людей. Во-вторых, сфера фактической компетенции земского комиссара зависела от эффективного функционирования системы дистриктов, которая в Сибири носила лишь номинальный характер⁵⁸. Кроме того, в Кузнецком уезде земские комиссары не осуществляли прямого управления, то есть не имели непосредственного контакта с крестьянским и служилым населением за пределами Кузнецка. Они практически безотлучно находились в уездном центре и активно вступали в управленческую коммуникацию только по указу воеводы или же в случае вопиющей недостачи по соответствующим сборам⁵⁹. Наконец, характерная для других районов страны должность «выборного комиссара от земли», по емкому замечанию М.О. Акишина, в Сибири вообще не была учреждена⁶⁰. Таким образом, управленческие задачи и пределы компетенции земских комиссаров в Кузнецком уезде ограничивались воеводой, с одной стороны, и приказчиками острогов и слобод, обладавшими в локальном районе несравнимо более широким функционалом, с другой.

Начиная со второй четверти XVIII в. административная повестка кузнецких воевод дополнилась темой колыванских предприятий. Формально территория ведомства Колывано-Воскресенских заводов относилась к Кузнецкому уезду⁶¹,

⁵⁷ ПСЗРИ. Собрание 1-е. (1649-1825). СПб., 1830. Т. V. № 3295. С. 637.

⁵⁸ Акишин М.О. Полицейское государство... С. 96.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 68. Л. 29-29об.

⁶⁰ Акишин М.О. Полицейское государство... С. 97.

⁶¹ Контева О.Е., Контев А.В. Территория Алтайского края в общегражданской и ведомственной системах управления // История Алтайского края. XVIII-XX вв.: научные и документальные материалы. Барнаул, 2004. С. 48.

хотя и находилась на его юго-западной периферии, вплотную примыкая к государственной границе России с Джунгарским ханством. Организация производства и решение административных задач на колыванских предприятиях выстраивались на основе принципов централизации и единоначалия администрирования, а ключевой управленческой единицей становились приказчики. Иерархия управления Колывано-Воскресенскими заводами в период владения А.Н. Демидовым, а также роль частновладельческих приказчиков в организации производства рассмотрены в работах А.В. Контева, О.Е. Контевой и их соавторов⁶². Несмотря на то, что абсолютное большинство социально-экономических сюжетов регулировалось демидовскими управителями через Невьянскую контору⁶³, ряд смежных с производством вопросов в реалиях имперской административно-правовой системы первой половины XVIII в. не мог быть решен без участия Кузнецкой воеводской канцелярии. Как следствие, одним из значимых параметров управленческой среды Верхнего Обь-Иртышья на первоначальном этапе освоения региона становилось выстраивание взаимоотношений по линии «частновладельческие приказчики – уездная администрация».

Находившаяся на стадии своего формирования имперская законодательная система первой половины XVIII в. не способствовала установлению юридических границ таких взаимодействий. А.Н. Демидов получил исключительное право на разработку руд и строительство заводов в Верхнем Обь-Иртышье, но статус населения, участвовавшего в производственном процессе, долгое время оставался туманным. Берг-привилегия 1719 г. освобождала всех мастеровых, задействованных в горнорудном производстве «от поборов денежных и солдатской и матрозской службы»⁶⁴. Утвержденная в 1726 г. персональная привилегия А.Н. Демидову предусматривала возможность приписки крестьян к

⁶² Бородаев В.Б., Демин М.А., Контев А.В. Рассказы по истории Алтайского края. Ч. 1. Барнаул, 1997. С. 144-159; Контев А.В. Становление и развитие горно-металлургического производства в Западной Сибири (конец XVII – первая половина XVIII в.): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. С. 137-140; Контева О.Е., Контев А.В. Территория Алтайского края... С. 48-49.

⁶³ Контева О.Е., Контев А.В. Территория Алтайского края... С. 48.

⁶⁴ ПСЗРИ. Собрание 1-е. (1649-1825). СПб., 1830. Т. V. № 3464. С. 761.

Колыванским заводам⁶⁵, но не конкретизировала их положение⁶⁶. Не внес окончательной ясности и Именной указ заводчику от 29 марта 1738 г. С одной стороны, он легализовывал поселение в пределах Колывано-Воскресенских заводов различных категорий пришлых на момент 1735 г., предполагая для них «быть при его [Акинфия Демидова – Д.Б.] заводах вечно»⁶⁷. Кроме того, пункт № 8 подтверждал выведение приписных из-под рекрутской повинности: «с... крестьян, к его [Акинфия Демидова – Д.Б.] заводам приписанных... рекрут ... не брать, а употреблять при тех заводах к потребным мастерствам»⁶⁸. С другой стороны, документ полностью игнорировал вопросы подчинения/соподчинения крестьян, вовлеченных в производство, гражданской власти.

Отсутствие юридического поля, которое регламентировало бы управленческую коммуникацию разностатусных субъектов, не просто создавало ситуацию правового вакуума, но и ставило обе стороны перед необходимостью избрания должного подхода к формализации административных отношений. Кузнецкая канцелярия общалась с Колыванской конторой исключительно указами. Это ярко демонстрирует не только стремление использовать уже устоявшуюся правовую форму, но и плохо скрываемое желание транслировать адресату документы таким способом, который бы четко обозначал его нижестоящий статус. В свою очередь, демидовские приказчики вплоть до середины 30-х гг. XVIII в. направляли в воеводскую канцелярию доношения, после чего перешли к практике использования промеморий, фиксировавшей равный уровень субъектов взаимоотношений. Административные взаимодействия воевод и колыванских управителей осуществлялись по нескольким линиям.

Откровенно неудобным для уездных властей практически с самого начала строительства Колыванских предприятий, но, вместе с тем, центральным вопросом политики становилась система охраны производства. Берг-привилегия А.Н. Демидову 1726 г. предусматривала «велеть ему [Акинфию Демидову – Д.Б.]

⁶⁵ Контев А.В. Первые приписные крестьяне на Алтае // III Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: сб. науч. труд. Барнаул, 2005. С. 30.

⁶⁶ Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). 2-е изд., испр. и доп. / науч. ред. В.А. Моисеев. Барнаул, 2003. С. 306-307.

⁶⁷ ПСЗРИ. Собрание 1-е. (1649-1825). СПб., 1830. Т. X. № 7548. С. 451.

⁶⁸ Там же.

ис Томска или Тобольска и из других тамошних сибирских городов, откуда способнее, давать им гарнизонных солдат по сколько человек пристойно»⁶⁹. Последовавший за ней указ Сената также лишь в общей форме санкционировал отправку на возводившийся Колыванский завод казаков для посменной «обереговой службы». И это не способствовало организации обороны должного уровня. В 1728 г. кузнецкий воевода П. Нефедьев доносил сибирскому губернатору о катастрофическом по своим масштабам и последствиям набеге кочевников в соответствующий локальный район: «набежав неприятельские воинские люди в Кузнецком уезде на оные Демидовы Колыванские медные заводы и отогнали триста семьдесят одну лошадь, и дву человек ранили копями, и от часовых пяти человек пять лошадей отбили»⁷⁰. Следствием этого явилось оставление руководившим строительством Колывано-Воскресенского завода Н.Г. Клеопиным и всеми подчиненными ему людьми (включая присланных для обеспечения безопасности казаков) недостроенного завода, а также прилегавшей к нему крепости и перемещение в деревню Усть-Чумышскую административного округа Белоярской крепости⁷¹.

В оценке общего числа казаков, посылавшихся для охраны строившихся Колыванских предприятий, в специальной литературе не установилось единой точки зрения. В.Б. Бородаев, М.А. Демин и А.В. Контев не называют точного количества годовальных команд, но указывают, что при строительстве «Колыванского ручного завода» из Кузнецка были направлены 20 казаков, а затем приводят фрагмент челобитной конца 20-х гг. XVIII в. 27 казаков Белоярской крепости, высказывавших кузнецкому воеводе недовольство их переброской на охрану демидовских предприятий⁷². А.А. Малолетко и А.М. Малолетко в общей сложности насчитывают до 70 казаков, оберегавших производственные мощности⁷³. Наиболее спорные данные приводят А.Р. Ивонин и Д.В. Колупаев,

⁶⁹ Серебряный венец России... С. 307.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 725. Д. 131. Л. 610об.

⁷¹ Там же.

⁷² Бородаев В.Б., Демин М.А., Контев А.В. Рассказы по истории... С. 139, 151.

⁷³ Стоит отметить, что информация А.А. Малолетко и А.М. Малолетко достаточно противоречива. Сначала авторы говорят о 20 конных казаках, посланных из Кузнецкого уезда, а в другом месте сообщают, что «для защиты завода Демидов получил 50 тарских казаков». При этом оба утверждения не подкреплены ссылками на источники или

утверждая о нахождении на Колыванских заводах до 300 казаков, солидарно командировавшихся из Кузнецка и Тары⁷⁴.

Между тем архивы Сената и Кузнецкой канцелярии показывают, что раздраженный негативным развитием событий в Обь-Иртышском междуречье и вынужденный ответить перед Сенатом сибирский вице-губернатор И.В. Болтин принял решение разделить нагрузку охраны Колыванских предприятий между Томской и Кузнецкой канцеляриями: «дабы в производстве тех заводов остановки какой не произошло... и служилым и работным людям быть при тех заводах неотлучно... и того им воеводам смотреть накрепко, дабы тем заводам от неприятельских людей Казачьей Орды разорения не учинилось»⁷⁵. Более того, Сенатским указом П. Нефедьеву строго предписывалось контролировать местонахождение Н.Г. Клеопина и гарантировать ему безопасность⁷⁶.

Установленное в 1728 г. расписание предполагало наличие в распоряжении Колыванской конторы сменявшихся ежегодно или даже дважды в год 60 конных казаков, 40 из которых присылались из Томска, а 20 из Кузнецка⁷⁷. При этом порубежный характер Колыванского комплекса, удаленность его от Томска провоцировали массовое недовольство в среде служилых людей. Это вылилось в подачу вице-губернатору коллективной челобитной от томских казаков с требованием прекратить их посылки для охраны Колыванского завода.

Не желая раздувать конфликты в среде служилых людей и руководствуясь рациональными основаниями «а оные Демидова заводы к Кузнецку в близости, а от Томска в дальнем расстоянии», И.В. Болтин 9 июля 1730 г. приказал «посылать на те [Колыванские – Д.Б.] заводы для обережения от неприятельских людей

литературу. См.: Малолетко А.А., Малолетко А.М. Воинство Алтайского горного округа (1726 – 1917). Томск, 2012. С. 33, 39.

⁷⁴ См.: Ивонин А.Р., Колупаев Д.В. Казаки на Алтае в XVIII – XIX столетиях: исторические очерки. Барнаул, 2003. С. 16; Они же. История Алтайского казачества. Алтайские казаки в XVIII – XIX вв. Барнаул, 2008. С. 29. В обоих случаях авторы ссылаются на более раннюю работу А.Р. Ивонина, в которой в соответствующем месте, к сожалению, упоминается лишь о 50 тарских казаках, причем без каких бы то ни было ссылок на источники. См.: Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири на Колывано-Воскресенских заводах в XVIII в. // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края. Барнаул; Змеиногорск, 1986. С. 36.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 725. Д. 131. Л. 614-614об.

⁷⁶ Там же. Л. 614об.

⁷⁷ Кузнецкий воевода практически сразу стал практиковать выделение по 10 казаков из двух мест: Кузнецка и Бердского острога. См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 38, 39.

кузнецких служилых людей... по шестидесят человек с переменою»⁷⁸. Доводы, представлявшие кузнецкому воеводе в качестве легитимации такого решения, выглядели, по меньшей мере, умозрительными: якобы служилые люди из Кузнецка не использовались для несения охраны в острогах и крепостях и вообще в сравнении с томскими служилыми были задействованы откровенно слабо. Такой тезис явно противоречил действительности. Кроме того, губернаторский указ предусматривал в случае возрастания риска набега на производства увеличение количества кузнецких казаков до 100 человек⁷⁹.

Уездный администратор П. Нефедьев стремился различными путями саботировать посылки служилых из Кузнецка. Во-первых, он откровенно медлил со сменой команды и до последнего держал Колыванскую контору в неведении не только относительно даты этого события, но и вовсе не счел нужным информировать заводских приказчиков о принятом И.В. Болтиным решении. Во-вторых, видимо, именно с «подсказки» воеводы кузнецкие служилые люди составили коллективную челобитную, в которой с высокой степенью точности приводили цифры командированных в различные районы Кузнецкого уезда, а в качестве главного аргумента указывали, что «город Томск между другими городами обстоит в середине и безо всякой опасности, а Кузнецкой город в крайнем месте»⁸⁰. Обращение откровенно преследовало цель восстановить существовавшую ранее систему охраны Колывано-Воскресенских предприятий⁸¹.

Другим источником информации о принятом губернаторском указе для частновладельческих управителей могла стать Томская канцелярия. В течение 1726 – 1730 гг. томский уездный центр в сравнении с кузнецким оказывал едва ли не большее административное влияние на ведомство Колывано-Воскресенских заводов. Однако воевода А. Каратьев уведомил Колыванскую контору лишь о том, что «велено томских служилых отпустить, а требовать ис одного града Кузнецка»⁸². При этом он не сообщил колыванским управителям даже должного

⁷⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 31об-32.

⁷⁹ Там же. Л. 32.

⁸⁰ Там же. Л. 33-33об.

⁸¹ Коллективная челобитная была проигнорирована сибирским губернатором, и его прежний указ остался в силе.

⁸² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 37об.

количества служилых людей, которые отныне должны были посылаться для охраны предприятий.

Приказчики А.Н. Демидова, оказавшиеся в сложной ситуации и крайне слабо представлявшие конкретные аспекты транслировавшейся сверху доктрины, могли лишь исключительно вежливо поторапливать кузнецкого уездного администратора. В доношении от 26 декабря 1730 г. приказчик Н. Семенов настоятельно просил воеводу выделять по 40 человек в зимнее и по 100 в летнее время для охраны производства. Иными словами, не владея полной информацией, Н. Семенов пытался по умолчанию экстраполировать в отношении 1:1 расписание казаков, присылавшихся ранее из Томска, на кузнецких служилых людей, хотя губернаторский указ предполагал посылку на охрану именно 60 человек.

Осознавая, что прибытия казаков из Кузнецка даже в соответствии с максимальной квотой может быть недостаточно для нормального функционирования и охраны предприятий, демидовские управители на свой страх и риск, без каких бы то ни было нормативных оснований дополнительно просили воевод отправить еще 100 человек из местного населения Верхнего Приобья: «а в слободы и остроги к прикащиком, когда от завода потребуются о даче работных людей ста человек»⁸³. Этот вопрос вызвал наиболее острые противоречия с Колыванской конторой, одним из проявлений чего становились списки не явившихся или бежавших с заводских работ крестьян Кузнецкого уезда⁸⁴.

В итоге сменивший П. Нефедьева на посту воеводы С.С. Зиновьев 2 января 1731 г. приказал отправить 40 казаков в полном соответствии с требованиями Колыванской конторы⁸⁵, хотя это напрямую нарушало предписания, содержащиеся в губернаторском указе. При этом С.С. Зиновьев подчеркивал, что служилые люди не должны использоваться «кроме надлежащих караулов, работать при тех заводах оных их посланных ис Кузнецка служилых людей не принуждать»⁸⁶. Дальнейшие просьбы демидовских приказчиков о посылке в летнее время дополнительных команд в начале 30-х гг. XVIII в. удовлетворялись

⁸³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 37об., 39об.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 25. Л. 109.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 40.

⁸⁶ Там же. Л. 40об.-41.

лишь частично: вместо запрашивавшегося увеличения численности казаков до 100 человек, воевода в довесок отправлял только 20 служилых людей⁸⁷. Уездные администраторы могли по разным причинам, в том числе и сознательно, задерживать смены казачьих команд. Показательным является доношение находившегося на Воскресенском заводе пятидесятника Якова Серебренникова от 13 сентября 1732 г., которое было адресовано П.А. Мельникову. В документе через руководителя казачьей команды годовальщики Кузнецкого уезда напоминали кузнецкому управителю о необходимости ротации состава охранного корпуса: «посланы мы ис Кузнецкой [Кузнецка – Д.Б.] в Колыванской и Воскресенской завод на стойку для обережи неприятельских людей на шесть месяцев, и оныя месяцы миновались, а ныне желаем мы, рабы Ваши, чтобы нас с Колывани сменил»⁸⁸. Лишь к середине десятилетия ситуация с обороной демидовских предприятий стабилизировалась, а воевода А.Ф. Бартенев согласился по просьбе колыванских приказчиков в летнее время расширять состав годовальной команды «во оныя [Колыванские – Д.Б.] заводы служилым шестидесяти человеком еще вдобавок сорок человек»⁸⁹.

Проблемы с организацией системы охраны производства ставили управителей А.Н. Демидова перед нелегкой дилеммой: как организовать оборону предприятий при перманентно увеличивавшемся территориальном охвате производственного комплекса и возраставшем в течение конца 20 – 40-х гг. XVIII в. потоке транзитных торговых караванов из Джунгарского ханства. Иностранцы, ощущая определенную привилегированность своего статуса, не гнушались воровством сена у заводских работников и даже открытыми разбоями. При этом робкие попытки находившихся на «обереговой службе» служилых людей ответить или хоть как-то пресечь противоправные действия, вызывали острое недовольство купцов. Последние постоянно угрожали жалобами контайше и переводом конфликта на уровень межгосударственного. Всю сложность и неоднозначность складывавшейся ситуации, а также растерянность

⁸⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 42-43.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 39. Л. 22.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 52. Л. 5.

частновладельческой администрации в одном из своих доношений подчеркнул демидовский приказчик И. Харитонов, просивший кузнецкого воеводу «дабы де соблаговолено было от таких их обид и нападок оборонить, и, как с ними в таких непотребствах поступать, о том требовано указу»⁹⁰.

Другим важным аспектом частичного пересечения интересов Колыванского ведомства и Кузнецка становилась проблема хранения и реализации казенной соли. Наибольшую остроту этот вопрос приобрел во второй половине 30-х гг. XVIII в., что было связано с кратковременным изъятием алтайских предприятий А.Н. Демидова в пользу государства в 1735 – 1736 гг. и передачей их под управление Томскому и Кузнецкому горному начальству⁹¹. Восстановление права собственности и управления частного заводчика на производство в Верхнем Обь-Иртышье, осуществлявшееся на протяжении всей первой половины 1737 г.⁹², среди прочего предполагало налаживание взаимоотношений по линии уездный центр – заводские приказчики и, как следствие, ревизию системы контроля за использованием казенной соли.

В своем указе от 23 августа 1737 г. воевода А.Ф. Бартенов требовал от колыванского приказчика обеспечить надлежащие условия хранения соли, точнее, построить отдельный амбар, что, по мысли уездного администратора, должно было способствовать должному учету расхода стратегически значимого продукта соляным головой Петром Шмаковым⁹³.

Приказчик Колыванской конторы Р. Набатов изначально не проявил существенного интереса к этой идее в силу ряда обстоятельств. Воевода, очевидно, опасался несанкционированного и неконтролируемого использования соли в производственных экспериментах. Однако изменившаяся производственная политика колыванских управителей не предполагала активных технологических опытов с привлечением соли. Как следствие, Р. Набатов сделал вывод, что «в той соли, кроме того что на пропитание заводских обывателей, нам

⁹⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 91. Л. 16об.

⁹¹ Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула. Барнаул, 2000. С. 116-117.

⁹² Там же. С. 117-118.

⁹³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 82. Л. 1.

она ни на что не надобна»⁹⁴. В условиях явного кризиса организации производства на Колыванских предприятиях после всех пертурбаций со сменой форм собственности тема «соли» являлась откровенно периферийной. Р. Набатов просил А.Ф. Бартенева снять с повестки дня вопрос о строительстве амбара, поскольку «са недостатком плотников и работных людей, и припасы заводския без кровли валятца, и многия погибают в туне, да и доходов на те расходы никаких у нас не имеетца»⁹⁵. В конечном итоге в ответной промемории приказчик предложил не только оставить соль на хранение в амбаре ненадлежащего качества, но и взыскать часть от нее в качестве платы хозяину амбара Т. Пospelову⁹⁶.

А.Ф. Бартенева, естественно, категорически отверг эту идею. Воевода, в свою очередь, в резкой форме предписал приказчику А.Н. Демидова перестать выдвигать собственные вольные предложения и заняться строительством амбара. Кузнецкий администратор намекал на возможность использования в качестве рабочей силы кузнецких служилых людей, которые по-прежнему посылались им из уездного центра для охраны заводов. Кроме того, Р. Набатову категорически запрещалось вести взаимозачет соли за содержание в частном амбаре⁹⁷.

Административный нажим со стороны Кузнецка на фоне непростого социально-экономического положения Колыванских предприятий после периода правления Томского горного начальства загнали демидовского приказчика в тупик. Результатом этого стало появление партикулярного письма Р. Набатова лично А.Ф. Бартенева. Примечательно, что этот документ не обладал строгим формуляром, явившись личной просьбой-обращением. В нем приказчик фактически умолял кузнецкого управителя прекратить административное давление, связанное с проблемой соли и местами ее хранения. Однако пойдя в своих рассуждениях дальше, Р. Набатов представил срез состояния дел в Колыванском ведомстве на момент осени 1737 г. Картина в целом была крайне неблагоприятная, даже критическая, четко отражала кризисное состояние

⁹⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 82. Л. 1об.

⁹⁵ Там же. Л. 3-4.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. Л. 5-5об.

производства: «после горного начальства также малолюдство осталось, что я не могу собрать и здешних жителей в угольную... человек чего ради остается... а определенные Вашим благородием из Кузнецкого уезду крестьяне столь шалостны, что ни половины и при работах не осталось, но все разбежались, чего ради годные работать уничтожились, и рудной добычи у нас не стало»⁹⁸.

Позиция кузнецких администраторов слабо согласовывалась с общей линией центральных и региональных властей на предоставление Колывано-Воскресенскому ведомству дополнительных ресурсов, в том числе людских. В указе губернатора от 4 сентября 1738 г. воеводе предписывалось провести приписку к Колыванским предприятиям жителей Бердского и Белоярского острогов, а также Малышевой слободы в количестве 200 дворов⁹⁹. Это решение становилось ощутимой проблемой для главы Кузнецкого уезда, поскольку не только почти полностью выводило определенную часть населения Верхнего Приобья из-под контроля уездного администратора, но и обнажало отсутствие внятного механизма осуществления процедуры. В течение периода реализации губернаторского указа воеводой было отдано поручение отправить на работу в колыванские предприятия 200 человек слепым, то есть случайным образом. Такой ход, с одной стороны, подчеркивал своевременное исполнение вышестоящего поручения и сохранял в глазах Тобольской канцелярии административный авторитет А.Г. Шапошникова, а с другой, приводил к подрыву сложившейся в острогах и слободе административно-хозяйственной системы, о чем свидетельствовали массовые недовольства крестьян, временно отправленных на заводские работы¹⁰⁰.

Таким образом, вопрос контроля за реализацией соли вскрыл существеннейшие проблемы ведомства Колывано-Воскресенских заводов с организацией и непосредственно выплавкой меди, а также фундаментальные претензии со стороны демидовских управителей к уездной гражданской власти. Находясь на грани остановки производства, приказчики стремились возложить

⁹⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 82. Л. 7-7об.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 122. Л. 6.

¹⁰⁰ Там же. Л. 6об.-8об.

всю ответственность на воеводу, вынудить его активизироваться в вопросе поиска беглых и высылки их обратно на Колыванский завод: «а как ныне слободские управители Вашей команды какие чинят нам в том препятствия: ни не токмо что беглых не возвращают, но и по указом, от Вас посланным, половине к нам в работу не присылают, чего ради к ним от нас нарочно с промемориями посланы салдаты, и, ежели от них в том по силе указов исполнения не будет, то принуждены быть имеем неотменно на них представлять во остоянке заводского поведения»¹⁰¹.

Еще одним важным вопросом в борьбе за сферы административного влияния становилась подсудность Кузнецкой канцелярии преступлений, совершенных на территории Колывано-Воскресенского ведомства. Воевода пытался использовать высылки подозреваемых в Кузнецк для расширения своей прерогативы суда над ними в качестве средства манипуляции частновладельческой администрацией.

Показательным в данном случае является конфликт, возникший в 1744 г. Уездный администратор А.Г. Шапошников отправил в ведомство Колывано-Воскресенских заводов сына боярского Василия Шестакова и казака Захара Хлыновского для «взыскания с тех заводов по нарядом рекрут»¹⁰². Воевода наверняка отдавал себе отчет, что его действия нарушал указ 1738 г.¹⁰³, однако это его не остановило.

Посланный из Кузнецка З. Хлыновский устроил в Колыванской конторе скандал. Его категорически не устроили условия содержания на предоставленной квартире заводского обывателя С. Акимова, жена которого Настасья якобы матерно оскорбляла гостившего казака и наотрез отказывалась кормить его¹⁰⁴. Разгневанный З. Хлыновский обратился в заводскую контору и в устной форме изложил суть своих претензий подьячему Якову Сибирцову. Позднее уже в Кузнецке на очной ставке с В. Шестаковым казак подчеркивал, что не составил сказку «за тем, что он сам в грамоте незнаем, а написать никого заставить»¹⁰⁵.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 122. Л. 8-8об.

¹⁰² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 175. Л. 1, 9.

¹⁰³ ПСЗРИ. Собрание 1-е. (1649-1825). СПб., 1830. Т. X. № 7548. С. 451.

¹⁰⁴ Там же. Л. 1.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 175. Л. 10-10об.

Примечательно, что, будучи неграмотным, З. Хлыновский не доверил составление текста претензии кому-либо из сотрудников Колыванского ведомства, хотя такая возможность полностью соответствовала сложившейся к тому времени административной практике.

Отсутствие письменного документа в нормативно-правовой системе XVIII в. не предполагало возбуждение следствия. Однако это не остановило воеводу. Пытаясь поставить управителей А.Н. Демидова в неловкое положение, А.Г. Шапошников инициировал масштабное разбирательство и в своем указе в Колыванскую контору приказал допросить и выслать в Кузнецк для проведения следствия всех причастных к этому эпизоду. Активность воеводы была обусловлена, среди прочего, еще и замечанием З. Хлыновского относительно недовольства управителей А.Н. Демидова тем, что «Кузнецкая воевоцкая канцелярия неправо судит»¹⁰⁶. Справедливости ради стоит заметить, брошенное вскользь утверждение не соответствовало действительности, что подтверждалось последующими показаниями как колыванского администратора, так и В. Шестакова.

Высылка подьячего и двух рабочих явно противоречила интересам Колыванской конторы и соответственно не была осуществлена. Вместо этого И.С. Христиани придумал оригинальный выход, когда подьячий Я. Сибирцов, являвшийся свидетелем жалоб З. Хлыновского, составил документ о допросе самого себя¹⁰⁷. По версии управителей Колыванского ведомства, это автоматически снимало необходимость отправки людей в Кузнецк. Причем показания Я. Сибирцова были чрезвычайно сухи и не вносили ясности в произошедшее. «Допрашиваемый» утверждал, что действительно стал свидетелем появления З. Хлыновского в конторе, но не смог припомнить содержание претензий последнего, и уж тем более как именно его бранила Н. Акимова.

Раздраженный противодействием колыванских властей А.Г. Шапошников в ожидании решения губернской канцелярии попытался оставить за собой

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 175. Л. 9об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 1.

последнее слово в разгоревшемся противоборстве, отправив в демидовское ведомство указ «велеть той завоцкой канторе реченную жену Настасью до указу Ея Императорского Величества никуда из заводов не отлучать и не переводить»¹⁰⁸.

Конфликт, зашедший в тупик, мог быть разрешен только вышестоящей инстанцией. Несмотря на подробный «экстракт» по этому делу, составленный воеводой, и подчеркивавший нарушения со стороны служащих Колыванского ведомства, губернатор проявил крайне слабый интерес к произошедшему. Вполне очевидно, что для региональной власти матерная брань жены рядового заводского обывателя, при том долгое время не подтвержденная письменными материалами, представлялась ничтожным случаем, не заслуживавшим сколько-нибудь существенного внимания. Как следствие, резолюция губернской канцелярии была крайне либеральна: снять все обвинения как с Н. Акимовой в оскорблениях, так и с З. Хлыновского в ложных показаниях¹⁰⁹.

Подобная реакция со стороны регионального центра подспудно несла в себе еще и учет интересов Колыванского ведомства. В этом свете любопытные данные приводит А.В. Контев относительно того, что в 1729 г. после бунта крестьян при строительстве Воскресенского завода, несмотря на многочисленность восставших, большинство задержанных не были отправлены в Кузнецк, а за «малолюдством при Воскресенских заводах работных людей, при собрании народа наказаны батожем и... посланы в работу»¹¹⁰. Правда, стоит оговориться, что 10 зачинщиков беспорядков все-таки были высланы Н.Г. Клеопиным в Томск и Кузнецк¹¹¹. Эти случаи ярко иллюстрируют двойственность административного подчинения населения, задействованного на работах в ведомстве Колывано-Воскресенских заводов. Ситуация осложнялась еще и тем, что в конце 20-х гг. XVIII в. Берг-коллегия санкционировала прием и последующее селение на алтайских предприятиях А.Н. Демидова пришлых, беглых и других маргинальных групп. Лишь в середине 30-х гг. XVIII в. кузнецкому воеводе удалось частично

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 175. Л. 15об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 27-27об.

¹¹⁰ Цит. по: Контев А.В. Становление и развитие... С. 83.

¹¹¹ Бородаев В.Б., Демин М.А., Контев А.В. Рассказы по истории... С. 152.

взять под контроль этот процесс: в результате отправки в Колывано-Воскресенское ведомство экстраординарной команды во главе с П.А. Мельниковым большинство самовольных переселенцев, осевших в окрестностях завода и рудников, было записано в подушный оклад в Кузнецком уезде в качестве государственных крестьян¹¹². Соответствующие эпизоды, приобретая системный характер, значительно осложняли воеводский административный надзор в Кузнецком уезде.

Приведенные в качестве примеров сюжеты обнажили несколько важных тенденций во взаимоотношениях уездного центра и частновладельческого ведомства А.Н. Демидова. Во-первых, каждая сторона стремилась во что бы то ни стало соблюсти свои интересы и не потерять управленческого авторитета перед другой. Во-вторых, откровенное нежелание как гражданских, так и колыванских властей сотрудничать в конструктивном русле порождало управленческие коллизии и снижало эффективность административного процесса на локальном уровне. Приказчики Колыванского ведомства стремились максимально замкнуть административный надзор над находившимися на предприятиях или рудниках рабочими и казаками. Это, на наш взгляд, было связано, во-первых, с уверенностью в возможности обеспечения должного управления последними; во-вторых, с необходимостью развития формировавшегося производственного комплекса; в-третьих, с отсутствием четких административных механизмов взаимодействия с уездными властями в условиях нестрого очерченного законодательного поля.

Приведенные факты и обстоятельства обнажают необходимость корректировки утверждения А.В. Контева о том, что «никакой конкуренции между частным предпринимателем и государством не было. Напротив, власти всячески поощряли деятельность заводчика, создавая для него максимально льготные условия»¹¹³. Очевидно, такая ситуация была характерна скорее для центрального и регионального, но не местного уровня власти.

¹¹² Контев А.В. Становление и развитие... С. 84-85.

¹¹³ Там же. С. 87-88.

В целом, для кузнецких воевод тема Колывано-Воскресенских заводов на протяжении всей второй четверти XVIII в. оставалась крайне неудобной. Уездные администраторы перманентно стремились к расширению своего влияния на приказчиков Колыванской конторы. Выполнение этой задачи изначально могло подразумеваться лишь в ограниченном объеме, так как весь комплекс, а также управленческий персонал являлись собственностью А.Н. Демидова и в глазах центрального и регионального аппарата власти обладали особым статусом. С другой стороны, в случае вмешательства региональной власти воеводы создавали видимость первоочередного соблюдения интересов Колыванского ведомства. Корни подобной административной конкуренции следует усматривать в неурегулированности полномочий гражданских властей и частновладельческих управителей в смежных областях. Это является примером пробела в системе права, который порождал административные коллизии и конфликты, тем не менее, не перераставшие в открытые противостояния.

В более широком ракурсе следует констатировать, что система управления Верхним Обь-Иртышью образца первой половины XVIII в. была выстроена в духе принципа бюрократического централизма при формально строгой соподчиненности разноуровневых структур. При этом центральные и региональные органы государственной власти концентрировали в своих руках полномочия относительно установления направлений движения управленческого процесса, а также функции контроля над реализацией местными и локальными структурами избранного курса. Указы, спускавшиеся на уездный уровень, в большинстве случаев представляли собой предписание достижения конкретной задачи, но не содержали способов ее решения. В свою очередь, воеводы в условиях дистанционного контроля колониционных реалий Верхнего Приобья, увязания в серии преступлений и, как следствие, определенного падения авторитета своей власти не предлагали внятных способов повышения эффективности освоенческого процесса. В этой ситуации разработка конкретных путей реализации вышестоящих решений в значительной степени ложилась на низовые структуры управления Верхним Обь-Иртышью.

2.2. Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья в системе управления регионом

Сооружение на юго-западной окраине Кузнецкого уезда Белоярского и Бикатунского острогов в конце второго десятилетия XVIII в., а также возникновение Малышевой слободы предопределили среди задач, стоявших перед региональными и уездными властями, не только избрание того или иного варианта построения низовых (локальных) звеньев системы управления, но и выработку способов повышения эффективности административного процесса в условиях освоения. В результате на территорию Верхнего Приобья была распространена модель управления, узловым институтом которой становилось локальное звено. Именно на него ложилась вся тяжесть непосредственного администрирования и взаимодействия с местным служилым и поднадзорным населением. Для Верхнего Приобья такой структурой становились приказчики Белоярского и Бикатунского острогов, а также Малышевой слободы. Любые попытки поставить этот факт под сомнение и создать идеалистическую, иллюзорную картину некой коллегиальности при принятии решений в среде служилых людей выглядят необоснованными, поскольку наказания воеводам и составленные на их основе воеводские памяти легализовывали и детализировали четкую тенденцию персонификации власти на уровне низовых звеньев системы управления.

В сибиреведческой литературе достаточно прочно укоренился взгляд на приказчиков как на институт локального администрирования, обладавший широкими полномочиями в отношении крестьянского населения на протяжении XVII – начала XVIII в. и в дальнейшем терявший свое влияние на фоне роста управленческого авторитета крестьянских миров¹¹⁴. При таком подходе приказчики превращались в инструмент сдерживания фактически

¹¹⁴ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 139-142, 327-328.

неограниченных возможностей крестьянского мира¹¹⁵, наиболее выпукло представляя собой рудимент кормленческой системы и явный элемент архаизации административной вертикали XVIII в.¹¹⁶

Региональной историографии за долгое время так и не удалось сформулировать сколько-нибудь внятной позиции относительно статуса и роли приказчиков в системе управления. Во многом это объясняется тем, что этот вопрос не находился в центре внимания специалистов и являлся смежным по отношению к рассматриваемым ими сюжетам. Высказанное Ю.С. Булыгиным вскользь мнение о том, что приказчики фактически являлись одновременно и комендантами крепостей¹¹⁷, на несколько десятилетий определило позицию специалистов по раннему этапу освоения Верхнего Приобья. Однако сам историк в своей ставшей хрестоматийной работе чрезвычайно мало внимания уделил административно-правовым сюжетам, поставив в центр внимания проблему крестьянской колонизации. В русле этой точки зрения лежит позиция А.В. Контева и О.Е. Контевой, которые, с одной стороны, на протяжении всего XVIII столетия изображают приказчиков как инструмент государственного контроля за мирскими органами самоуправления, с другой – в парадигме взглядов советской историографии указывают на детерминированность действий приказчиков решениями мирских сходов¹¹⁸. Однако обоснованность этих оценок применительно к ситуации в Верхнем Приобье образца первой половины XVIII в. вызывает серьезные вопросы.

Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья представляли собой ординарный институт локального звена общегражданской системы управления регионом. Они относились к категории «годовальщиков» - дворян, детей боярских или служилых людей, привлекавшихся аппаратом управления для решения строго

¹¹⁵ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М. 1946. С. 206-207; Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 117-180; Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири: XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск, 1991. С. 10-11.

¹¹⁶ Ананьев Д.А. Воеводское управление... С. 80.

¹¹⁷ Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 14. Стоит отметить, что подобный достаточно поверхностный взгляд на управление острогами и крепостями Верхнего Приобья до конца не преодолен современной историографией. Так, в документальной подборке, представленной В.Б. Бородаевым и А.В. Контевым, в названии одного из документов 1716 г. значится «донесение коменданта Бердского острога Ивана Буткеева». См.: Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы... С. 196.

¹¹⁸ Контева О.Е., Контев А.В. Территория Алтайского края... С. 47.

определенных задач на ограниченное время, как правило, на один год¹¹⁹. В непростых внешнеполитических условиях и по мере усложнения самого характера освоения четко установленный срок в 12 месяцев становился не более, чем условностью. На ранних стадиях заселения административной округи он мог сокращаться до полугода и даже 3-4 месяцев. Так, в Бикатунской крепости в период с мая 1720 г. по октябрь 1721 г. сменилось сразу три приказчика: Федор Сорокин, Иван Буткеев и Иван Везигин¹²⁰. На более поздних этапах приказчики находились в своей должности два года и более. Красноречивыми примерами здесь выступают Афанасий Хмелев, занимавший пост приказчика Белоярской крепости с 1726 по 1731 г.¹²¹, Степан Везигин, являвшийся приказчиком Бикатунской крепости с 1728 по 1730 г.¹²²

Планомерное увеличение срока службы в статусе приказчиков детерминировалось рядом факторов. Прежде всего, возникали определенные проблемы при смене составов «годовальных» команд, связанные с весенней (осенней) распутицей. Кроме того, воеводы испытывали жесточайший кадровый дефицит и не всегда располагали необходимым количеством служилых для посылки в острог или слободу, а тем более для назначения кого-то из них приказчиком. Наконец, отсутствие инцидентов в приграничной зоне в совокупности со стабильностью социальной обстановки на поднадзорной приказчику территории формировали у кузнецких властей видимость эффективного административного процесса – достаточно успешного и, как следствие, не требовавшего внешнего вмешательства и замены главного управленческого лица.

Нормативно-правовая база деятельности приказчиков как локального звена системы управления Верхним Приобьем на первоначальных этапах освоения выстраивалась вокруг наказных памятей. Сам термин образован путем соединения двух понятий: «наказа» и «памяти». Если памяти, как правило, поясняли четко определенную административную задачу, имели незначительный

¹¹⁹ Пузанов В.Д. Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 132.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 7-44об.

¹²¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 14. Л. 35; Д. 26. Л. 255-256.

¹²² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 16. Л. 1-1об.; Д. 25. Л. 60.

объем и предназначались служилым людям для конкретизации задач их деятельности в том или ином районе Верхнего Приобья, то наказы в основной своей массе достаточно детально описывали функциональный статус органа управления. Наказные памяти выдавались кузнецким воеводой, в связи с чем вполне оправданно именовать их также воеводскими памятями¹²³. Л.В. Самбуева в качестве соответствующего синонима небесспорно использует категорию «воеводский наказ»¹²⁴.

В своей содержательно-типологической характеристике наказные (воеводские) памяти образца конца XVII – первой половины XVIII в. являлись особой разновидностью правотворческих актов переходного периода, документами, соединявшими в себе черты подзаконного акта и рядовой должностной инструкции.

С законодательством такие документы роднила формализация в воеводских указах, которые в ранней имперской системе права представляли собой классические образцы подзаконных актов. Помимо этого, наказные памяти устанавливали принципы местного управления и определяли должные пределы надзора и способы юридической защиты местного населения¹²⁵, что характерно для законодательных актов позднефеодальной системы права. Наконец, соответствующие документы содержали отсылки к санкциям в отношении управленцев за нарушение представленных норм, что является яркой чертой законодательства.

При этом с должностными инструкциями воеводские памяти сближало присутствие как целостных, так и отдельных элементов предписаний действий приказчиков в конкретных ситуациях.

Как и большинство других актов первой четверти XVIII в., наказные памяти не являлись полностью оригинальными, претерпевая многочисленные следы заимствований, в том числе и механических, из вышестоящих документов.

¹²³ Тимохин Е.А. Законодательная основа деятельности служилых людей Западной Сибири: структура норм, взаимосвязь и механизм функционирования // Вестник Томского государственного университета. Серия: история. 2012. № 4(20). С. 102.

¹²⁴ Самбуева Л.В. Наказные памяти как нормативно-правовой акт феодального права // История государства и права. 2005. № 7. С. 11.

¹²⁵ Там же. С. 12.

Подобная ситуация в полной мере отражала наличие внушительного количества слабо преодолеваемых элементов феодального права. Наказные памяти приказчикам испытали на себе определенное воздействие Петровского Наказа воеводам 1719 г.¹²⁶ и наказа кузнецкому воеводе Б. Синявину 1721 г.¹²⁷, однако, влияние этих документов не стало решающим. Доля механически заимствованного текста не превышала четверти от общего объема памяти, а большая часть представляла собой результат переработки и изменений, произведенных воеводской канцелярией в зависимости от освоенческих реалий в конкретном локальном районе, целей и задач локальных управленцев в этих условиях. С другой стороны, неся отпечаток своеобразной «традиции», все наказные памяти содержали отдельные обязательные обороты, кочевавшие из одного документа в другой на протяжении фактически целого полувека.

Наказные памяти приказчикам острогов и слобод Верхнего Приобья на протяжении всей первой половины XVIII в. не обладали четким унифицированным формуляром. Однако порядок расположения смысловых элементов внутри документа, утвердившись единожды, в дальнейшем уже практически не претерпевал кардинальных трансформаций. В структуре подобных документов представляется возможным выделить 4 смысловых блока, каждый из которых на протяжении полувека подвергался достаточно существенной динамике: менялся формат каждой части и ее объем. Показательным является тот факт, что для Верхнего Приобья объем памяти зависел от даты сооружения острога: чем больше времени проходило с этого момента, тем уже, компактнее становилась наказная память¹²⁸.

Исходным звеном наказной памяти становилось перечисление материально-технического инвентаря крепости: воинского оснащения, денежной казны и документов, хранившихся в приказной избе. Причем если для остальных районов Западной Сибири характерен акцент на внимании к финансово-хозяйственной стороне ресурсной базы, то для Верхнего Приобья четко просматривается

¹²⁶ ПСЗРИ. Собрание 1-е. (1649-1825). СПб., 1830. Т. V. № 3294.

¹²⁷ Памятники Сибирской истории... С. 350-364.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 11-11об., 43-46, 49-50; Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 44-45.

приоритет оборонно-снабжениеской составляющей. Воеводами в первую очередь характеризовались воинские орудия и оснащение, а в случае немногочисленности таковых перечислению подлежало все, находившееся в остроге: «две пушки болших железных ядер... железных полутуру пуду, три пушки малыя железных ядер, пороху пушечного пять пуд, ручного пуд пятнаднать футов»¹²⁹. Этот подход кузнецких воевод к детальной фиксации всего, что было пригодно для обороны, нельзя назвать бесосновательным, поскольку Белоярский и Бикатунский остроги находились в пограничной с Джунгарским ханством зоне, а уже случавшаяся потеря материально-технического оснащения крепости заставляла уездные власти более скрупулезно подходить к решению данного вопроса.

Далее следовала характеристика сферы компетенции приказчика. На ключевую роль здесь выдвигалось поддержание общественного порядка внутри крепости. Управленцу предписывалось среди прочего в остроге «ведать ... всяких чинов людей», что позволяло ему осуществлять достаточно широкий функционал, выходящий за рамки административно-хозяйственных полномочий. В этой формулировке кузнецкий воевода в сжатой форме излагал суть пунктов 2 и 5 данного ему в 1721 г. наказа¹³⁰.

В третьем сегменте содержалось четкое, детальное описание предполагаемых действий приказчика по поддержанию безопасности крепости: «А военный снаряд, пушки, порох и свинец блюсти опасно, чтоб против неприятеля всегда быть в готовности также и у служилых людей во все дни руже, порох и пули патронных сумках осматривать чтоб руже было чисто... остры и напрасно не стреляли и от неприятеля имели великое опасение»¹³¹. Иногда воеводы указывали приказчикам даже на конкретную последовательность осуществления разведывательных действий вблизи крепости и поясняли необходимые принципы поведения с ясачным населением¹³².

В завершении наказной памяти указывалось на применение возможных санкций к приказчикам. Как правило, в документе находил свое отражение

¹²⁹ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 43.

¹³⁰ Памятники Сибирской истории... С. 352-353.

¹³¹ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 44.

¹³² РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 5-а. Л. 56.

широкий перечень возможных правонарушений и преступлений управленцев: неисполнение или нарушение вышестоящих указов, осуществление торговых операций лично приказчиками, отправка поднадзорного населения в ясачные волости для торговли, причинение ущерба или покупка служилых людей. Вместе с тем, элементы административной доктрины, представленные в наказных памятях, не стоит абсолютизировать. Формулировка «против Государева указу» вовсе не означала, что любые действия соответствующих органов управления, выходявшие за рамки наказной памяти, считались преступными. Самым потенциально тяжелым правонарушением приказчика считалась сдача крепости. Только в этом случае в памяти говорилось о казни соответствующего управленца и конфискации его имущества: «крепость воинским людям калмыкомь отдашь, и про то сыщется, и тебе за то от Великаго Государя учинены будутъ смертная казнь, а имение твое движимое и недвижимое взято будет на Великаго Государя»¹³³. Воеводы, безусловно, учитывали неудачный опыт первой Бикатунской крепости, сожженной отрядом джунгар в 1710 г., а также прямые указы императора и губернатора о недопустимости сдачи крепости¹³⁴.

Таким образом, наказные памяти представляли собой инструмент выстраивания на законодательном уровне своеобразной программы функционирования приказчиков априорной управленческой протодоктрины, которая заключала в себе исходные управленческие установки (в определенной, но не всегда тесной степени соотносившиеся с непосредственной ситуацией в локальном районе), дифференцировала и ранжировала направления деятельности приказчиков. Стремление воевод к должному законодательному обеспечению управления выражалось в адаптации подзаконных актов под конкретные потребности администрирования. В наказных памятях бердским приказчикам помимо базовых сегментов не раз встречались упоминания об ординарных, не обладавших внушительной объективной значимостью управленческих вопросах. Например, в соответствующем документе 1719 г. приказчику В. Соколову

¹³³ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 17-17об.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 1134. Д. 6. Л. 35; Памятники Сибирской истории... С. 352.

рекомендовалось особое внимание обратить на расследование убийств барабинских татар и розыск подозреваемого местного жителя Терентия Корякина¹³⁵. В 1720 г. приказчику среди прочего предписывалось не отпускать крестьян на соляные промыслы и не принимать никакой незаконной соли¹³⁶. Иная ситуация складывалась в отношении крепостей, находившихся в своеобразном «авангарде» освоения (Бикатунской и Белоярской). Здесь конкретизация и расширение наказной памяти были основаны на попытке предугадать и предусмотреть действия в экстраординарных ситуациях (случаи прямого контакта и даже открытого конфликта с джунгарами или телеутами)¹³⁷.

Функциональный статус приказчиков, реализовывавшийся ими в управленческом процессе, с одной стороны, логично вытекал из воеводской памяти как главного правоустанавливающего документа, а с другой, обуславливался спецификой протекания администрирования в конкретном локальном районе (остроге или слободе). Ключевыми функциями приказчиков являлись оборонно-снабжение, административно-хозяйственная, полицейская и промульгационная.

Оборонно-снабжение функция выстраивалась вокруг априорной значимости для региональных и уездных властей задачи «сбережения острогов». В течение 1720 – 1740-х гг. приказчикам более двадцати раз посылались прямые предписания из Кузнецка «иметь от приходу воинских¹³⁸ людей калмыков крепкую предосторожность»¹³⁹. Утвердившийся в воеводском дискурсе подход к обеспечению безопасности крепостей на практике представлял собой, во-первых, проявление административной обязанности дублировать нижестоящим структурам распоряжения вышестоящих (Сената или губернатора), а, во-вторых, способ переложения на приказчиков практически всей полноты ответственности за происходившее на окраинах уезда. Прежде всего, подобные указы содержали поручение, сформулированное в чрезвычайно общем, схематичном виде, и не

¹³⁵ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

¹³⁶ Там же. Л. 68.

¹³⁷ Там же. Л. 75.

¹³⁸ Примерно в половине случаев значилось «неприятельских».

¹³⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 473. Д. 6. Л. 124-125; Оп. 13. Кн. 725. Д. 131. Л. 609об.; Кн. 757. Д. 26. Л. 448об.-449; Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 14; Д. 81. Л. 29-31, 56; Д. 94. Л. 33; Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 5-а. Л. 50.

заклучали в себе конкретного набора инструментариев правоприменения или хотя бы указания способа создания таковых.

Помимо этого, для Верхнего Обь-Иртышья едва ли не ключевым фактором, детерминировавшим административную повестку, становился ресурсный дефицит. Причем в течение первой половины XVIII столетия он приобрел системный характер и напрямую угрожал подорвать выполнение управленческих задач на локальном уровне. Приказчики острогов Верхнего Приобья испытывали достаточно острую нехватку как инженерных, так и кадровых ресурсов.

В первую очередь это проявлялось в недокомплекте воинских припасов. По данным приказчиков по состоянию на 1736 г. только в Белоярской крепости не доставало 5 пудов пушечного пороха, 3 пуда пороха «ручного» и 3 пуда свинца; в Малышевой слободе 8 пудов пушечного пороха, 10 пудов «ручного» и 5 пудов свинца соответственно; в Бийской крепости управленцы не досчитались 8 пудов пушечного пороха и 10 пудов «ручного»¹⁴⁰. Общий недостаток по крепостям и слободам Верхнего Приобья составлял чуть более 50% от положенного расписания припасов. Во второй половине 30-х – начале 40-х гг. XVIII в. ситуация изменилась лишь частично. По состоянию на 1746 г., с одной стороны, выделялась Бийская крепость, где в общей сложности не хватало более 20 пудов пороха. С другой стороны, в более удаленных от границы Белоярской крепости значительно лучше обстояло дело с порохом: нехватка лишь 4 пудов, но при этом вообще не было свинца при положенных 15 пудах; в Малышевой слободе не досчитались в общей сложности чуть более 1 пуда пороха и 1 пуда свинца¹⁴¹.

Гораздо сложнее дело обстояло с обеспечением служилых людей и местного крестьянского населения ручным оружием. Приказчики в данном случае, как и во многих других вопросах снабжения, оказывались полностью зависимы от воевод. Сибирский губернатор требовал от уездных администраторов первоочередного снабжения ружьями максимального числа жителей пограничных острогов и слобод «для оных осторожностей все пограничные жители имели ружье кому

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 69. Л. 75-76.

¹⁴¹ Там же. Л. 138-139.

какое можно»¹⁴². В указе от 4 декабря 1735 г. кузнецкий воевода А.Ф. Бартенев предписал приказчикам Белоярской крепости и Малышевой слободы «учинит достоверныя ведомости тех острогов, и слобод, и уездов, у жителей у кого имянно имеетца тако и буде неиметца ружье для отпору против неприятелей»¹⁴³.

Не менее важным фактором, с которым приходилось считаться приказчикам в своей административной деятельности, становился перманентный дефицит защитников крепости. Вплоть до 1738 г. (времени появления в Верхнем Приобье регулярных частей под командованием майора де Граве) гарнизон острога состоял из служилых людей, прибывших вместе с приказчиком в рамках одной годовальной команды из Кузнецка. Однако состав (прежде всего, количественный) такого корпуса, находившегося в распоряжении локального управителя, слабо соответствовал задаче отражения реальной угрозы набегов кочевников.

В первые годы после сооружения второго Бикатунского острога численность гарнизона укрепленного объекта не превышала 50-60 человек¹⁴⁴. Начало строительства в Верхнем Обь-Иртыше промышленных предприятий А.Н. Демидова вынуждало воевод сокращать и без того немногочисленные отряды служилых людей, посылавшиеся в порубежные районы Верхнего Приобья. В конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. число годовальных казаков в Бикатунской крепости опускалось до вовсе критического предела 30-35. Определенное улучшение ситуации произошло только в 1734 г., когда состав гарнизона возрос до 40 служилых людей¹⁴⁵. Для сравнения Г.Ф. Быконя приводит данные о приблизительно 400 служилых, находившихся на годовальной службе в Абаканском остроге в конце первого десятилетия XVIII в.¹⁴⁶ При этом стоит подчеркнуть, что кузнецкие воеводы далеко не всегда обладали элементарными сведениями о количестве годовальщиков в той или иной крепости. Так в своем донесении губернской канцелярии, оказавшемся впоследствии в Сенате,

¹⁴² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 81. Л. 32об.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 58. Л. 27.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 33об.; Исулов С.Ю. Крепость Бийская есть главная... С. 52

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 11об.-12.

¹⁴⁶ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. 2-е изд. Красноярск, 2013. С. 80-81.

кузнецкий воевода сообщал о наличии в Бикатунской крепости в 1734 г. 44 служилых людей, а отнюдь не 40, что не соответствовало реальному положению дел в локальном районе¹⁴⁷. Вместе с тем спустя два года – в 1736 г. А.Ф. Бартенев впервые с момента основания лично проинспектировал Бикатунскую крепость, оценил состояние ее гарнизона и укреплений, а также выдал приказчику несколько локальных предписаний¹⁴⁸. Это не являлось прихотью конкретно А.Ф. Бартевева, а наоборот, лежало в рамках реализации п. 9 губернаторского Наказа воеводе 1721 г., предписывавшего уездным администраторам «крепости ж всякими на оборону потребности призирать, при которых нужных случаях, и самому туда выезжать, и все в доброй порядок приводить»¹⁴⁹.

На это накладывалось откровенное нежелание (а, возможно, неспособность) воевод усиливать оборонительный потенциал крепостей за счет регулярных войск. В 1738 г. сибирский губернатор П.И. Бутурлин сформулировал программу усиления безопасности порубежных острогов и слобод в случае обострения ситуации в локальном районе и повышения угрозы набегов со стороны кочевников. Речь шла о комплектовании и отправке в эти места дополнительных вооруженных команд, которые должны были состоять из рекрутов, призывавшихся из этих мест (фактически из Бердского острога, Белоярской крепости и Малышевой слободы). Однако в этом вопросе воеводы проявляли полную пассивность, и на уровне уездного центра речь о формировании таких команд даже не велась¹⁵⁰.

Обнажившуюся таким образом проблему дефицита служилых людей для посылки в остроги и на Колывано-Воскресенские заводы воеводы стремились решить за счет «приписок» - ускоренного верстания в служилые люди детей, братьев и даже не прямых родственников (дядей и племянников) лиц, находившихся на службе. Эта мера лежала в русле общей политики местных властей Сибири. Начиная с XVII в. они практиковали пополнение приборного

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 867. Д. 1. Л. 668-670.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 68. Л. 14.

¹⁴⁹ Памятники Сибирской истории... С. 354.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 91. Л. 13-20.

войска выходцами из зависимых категорий населения¹⁵¹. Однако приписки, частично решавшие проблему нехватки служилых людей для уездного центра, на уровне острогов не давали сколько-нибудь существенного эффекта, вследствие чего для обеспечения обороны приказчики вынуждены были широко практиковать привлечение крестьянского населения. В казармах Бикатунской крепости в середине 20-х гг. XVIII в. проживало более 30 пришлых, которые, как отмечали приказчики острога, активно и на постоянной основе участвовали в поддержании безопасности локального района¹⁵².

Еще более тяжелая ситуация складывалась вокруг Белоярской крепости, поскольку уже в первые годы после ее сооружения доля служилых людей, составлявших гарнизон острога, неуклонно падала (с 90 до критического значения 15 казаков в 1723 г.¹⁵³), а ближе к концу 20-х гг. XVIII в. воеводы и вовсе практически полностью перестали посылать в Белоярск годовальщиков¹⁵⁴. В этих условиях гарнизон крепости формировался из числа наиболее достойных беломестных казаков, гулящих людей и крестьян. Инициатива подобных действий могла принадлежать самим приказчикам или исходить из уездного центра. Еще в 1717 г. Б.А. Синявин предписывал «начальному человеку» Белоярской крепости Степану Серебренникову оставить пришлого Алексея Некрасова «в Белоярском в пушкарях и от податей свободить»¹⁵⁵. Основанием для подобных действий становились освоенческие реалии, точнее участившееся еще в конце 10-х гг. XVIII в. миграции в район Белоярской крепости казаков, как правило, из Мунгацкого станца¹⁵⁶. Воеводы на протяжении 20 – 30-х гг. XVIII в. не просто не вмешивались, а даже поощряли активную деятельность белоярских приказчиков по «верстанию» гарнизона соответствующей крепости (лишь визируя относящиеся к этому вопросу прошения).

Несмотря на очевидный кадровый дефицит гарнизонных команд воеводы постоянно подчеркивали, что в случае акта агрессии со стороны джунгар и

¹⁵¹ Александров В.А. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 49.

¹⁵² РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 288.

¹⁵³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 12. Л. 280-282.

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 122. Л. 22об.

¹⁵⁵ Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы... С. 250; РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

¹⁵⁶ Булыгин Ю.С. Белоярская крепость: [История основания] // Алтай. 1965. № 3. С. 103-104.

зависимого от контайши населения приказчики должны были не только «чинить воинский отпор», но и переходить в контратаку вплоть до полного уничтожения нападавших и пленения оставшихся в живых¹⁵⁷. Однако подобные предписания носили ярко выраженный декларативный характер. Используя их, воеводы стремились поддерживать временами сводившиеся на нет опасения приказчиков о возможном наступлении кочевников, как правило, апеллируя (в чем-то даже спекулируя) к сожжению ойратами первого Бикатунского острога¹⁵⁸. В реальности любые активные действия приказчиков в приграничной зоне, приводившие к столкновениям и эскалации напряженности, жестко пресекались вышестоящими властями. Так еще в июле 1717 г. неподалеку от Белоярской крепости произошла стычка с джунгарами крупного разведывательного отряда служилых людей (в количестве более 30 человек), посланного С. Серебренниковым для обследования русла и прибрежной зоны Оби. В результате столкновения 4 казаков были убиты. Это вызвало откровенный гнев воеводы, который после этого инцидента категорически запретил С. Серебренникову и всем его сменщикам посылать отряды на левый берег Оби: «А будет людям трата, и за то ты казнен будешь смертью, чтобы такими посылками не потерять города»¹⁵⁹. Однако строго формально подобные действия С. Серебренникова не только не являлись авантюрными, а наоборот, частично соответствовали воеводским указам о необходимости осуществления активной разведки в верховьях Оби, то есть посылки разведывательных экспедиций на левый берег Оби, в междуречья Алея и Чарыша¹⁶⁰. С. Серебренников лишь превысил установленное уездным администратором «немноголюдство» посылавшихся в разведку¹⁶¹.

Полностью разведывательные экспедиции прекратились не сразу, вплоть до сентября 1717 г. приказчики отправляли казаков на разведки, в ходе которых, между тем, неприятелей обнаружить не удавалось¹⁶². Достаточно быстрый отказ

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 13. Л. 162-163об.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 45; Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 7об.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 28-28об.; Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII – XVIII вв. Новосибирск, 1980. С. 185.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 25-25об.

¹⁶¹ Уманский А.П. Телеуты и русские... С. 185.

¹⁶² Огурцов А.Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. 2007. Вып. 9. С. 43-45.

от практики активной разведки в Верхнем Приобье существенно контрастировал с другими районами Западной Сибири, где на протяжении XVII – первой половины XVIII в. в условиях не столь существенного ресурсного дефицита, а также значительно меньшей опасности внешнего набега сохранялась практика посылки приказчиками служилых людей для охраны и патрулирования предполагаемых маршрутов пересечения кочевниками хозяйственных границ локального округа¹⁶³.

В дальнейшем задача сбора информации разведывательного характера все же окончательно не выпала из контекста реализации приказчиками Верхнего Приобья оборонно-снабженческой функции. Однако акцент был сделан на пассивном варианте разведки, то есть допросах лиц (как правило, жителей телеутских волостей), потенциально обладавших информацией о событиях и акциях в приграничной зоне. В одном только 1736 г. после инцидента, связанного с поездкой ясажного Кумандинской волости в пределы владений Галдан-Цэрэна, «начальный человек» Бикатунской крепости Иван Хабаров допросил 4 ясачных данника соответствующей волости и даже 2 кузнецких жителей, оказавшихся в пределах административного надзора крепостного приказчика («ведомства Бийкатунской крепости»)¹⁶⁴. В дальнейшем подобные расспросные речи направлялись в Кузнецк для принятия последующего решения.

Неотъемлемой составляющей реализации оборонно-снабженческой функции приказчиков становились ремонт и модернизация инженерных укреплений острогов. В большинстве случаев воевода лишь издавал указ, в котором декларировалась необходимость провести соответствующие работы, в то время как их непосредственное содержание, а также организация необходимых трудовых ресурсов полностью передавалась в ведение приказчиков. Значительно реже уездными управителями предлагалась фактически готовая инструкция: «И делать вокруг городов всех крепостей, также и в слободах при острогах рвы укрепить полисадами и рогатками, и пушки все поставить в удобныя места, где

¹⁶³ Пузанов В.Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут, 2011. С. 185.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 84. Л. 17-20.

им стоять надлежит, и батарей поделать удобныя также, и вокруг посадов которыя загородом окалошь рвы и поставит на долобы или рагатки»¹⁶⁵. Стоит, однако, отметить, что внушительная часть подобных предписаний механически заимствовалась воеводами из указов губернской канцелярии¹⁶⁶.

Проблема снабжения находившихся в острогах воинских команд наиболее четко обозначилась в административной повестке приказчиков лишь в конце 30-х гг. XVIII в. после появления на вверенной им территории солдат и драгун из новоучрежденного ... полка под командованием майора де Граве. Наибольшей остроты ситуация достигла в Бийской крепости, где на постоянной основе находилось сразу 64 драгуна¹⁶⁷. Приказчики острога стали откровенными заложниками политики вышестоящих учреждений. В отсутствии должного количества хлеба и относительной немногочисленности населения в административной округе воевода определил направлять провиант из богатой хлебными угодьями Малышевой слободы, что вызвало массовые протесты податного населения, вылившиеся в фактический саботаж доставки «четверикового провианта» в Бикатунскую крепость. В коллективной челобитной уездному администратору крестьяне в резкой форме подчеркивали невозможность соответствующих операций в силу приписки значительного числа населения к Колыванским заводам¹⁶⁸. В ответ на это А.Г. Шапошников предписывал приказчику Бикатунской крепости Шестакову «а как ли из Малышевой слободы того правиаанта и поныне в Бийск не привесено, то да привосу того провианта взять у бийских обывателей заимообрасно, а по привосе тот правиаант из Малышевской [слободы – Д.Б.] правиаанта отдать возвратно немедленно»¹⁶⁹. Таким образом, речь шла об обязанности приказчика частично изымать хлеб у поднадзорных ему крестьян вплоть до соответствующих поставок. Административная практика показывала, что такие задержки могли достигать 2-3

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 11.

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 473. Д. 6. Л. 125-125об.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 119. Л. 3об.

¹⁶⁸ Там же. Л. 1-1об.

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 140. Л. 1об.

лет, что, в свою очередь, порождало ощутимые недовольства крестьян, живших в пределах Бийской крепости.

В периоды стабилизации военно-политической обстановки на южных рубежах Кузнецкого уезда в управленческой деятельности приказчиков на первый план выходила административно-хозяйственная функция. Постепенно ключевым аспектом ее реализации становилась проблема «беглых». Ситуация с беглыми, гулящими и другими категориями самовольных переселенцев резко обострилась в конце 10-х – начале 30-х гг. XVIII в. в силу их неконтролируемого оттока в фактически единственную порубежную область на юге Западной Сибири – Кузнецкий уезд.

Немногим лучше обстояло дело и с местными жителями, вверенными приказчику. Управленцам предписывалось вести учет поднадзорного населения, контролировать перемещения на длительный срок и препятствовать самовольному переселению в другие районы Верхнего Обь-Иртышья. Однако складывавшаяся реальность слабо соответствовала административной доктрине. Надзор за местным населением со стороны приказчиков не носил тотального, всеобъемлющего характера. Советская наука видела в этом неспособность административно-государственной пресса подавить вольную крестьянскую колонизацию, в результате чего последняя вырывалась на свободу и в какой-то момент времени переставала контролироваться приказчиками¹⁷⁰. В Верхнем Приобье историческая действительность носила более сложный характер.

На ранних этапах заселения окраин Верхнего Приобья, особенно Бийской крепости приказчики были напрямую заинтересованы в увеличении количества поднадзорного населения, поскольку это не только выступало залогом повышения эффективности управленческого процесса (крестьян можно было использовать для разных посылок и «заданий»), но еще и увеличивало количество потенциальных защитников острога в случае набегов ойротов. В 1721 г. приказчик Бикатунской крепости И. Буткеев писал воеводе о том, что его предшественник Ф. Сорокин посылал самовольных переселенцев из Бердского

¹⁷⁰ Крестьянство Сибири... С. 142.

острога и Белоярской крепости на незаконные работы. Реакция Б.А. Синявина была чрезвычайно жесткая, воевода предписывал И. Буткееву «саводы и избы пожечь, дабы впредь приходиться и селитца было неповадно»¹⁷¹.

В 1725 г. воевода предписывал приказчикам Белоярской крепости и Малышевой слободы ужесточить контроль за расселением в пределах хотя бы административного центра локального района. Дело в том, что в Малышевой слободе в 1722 – 1723 гг. фиксировалось ровно 50 дворов, а в 1724 г. их число резко возросло до 60, а в Белоярской крепости появилось более 15 «новых» дворов. Естественно, возникал вопрос о недоимках по различным сборам и отработочным повинностям¹⁷². Действия приказчиков по фиксации неучтенных дворов позволили достаточно быстро стабилизировать ситуацию и уже в 1725 г. жители крепостей и острогов Верхнего Приобья в качестве недоимщиков в списках земских комиссаров не значились¹⁷³.

По состоянию на 1731-1733 гг. в районе Белоярской крепости и Малышевой слободы сложилась фактически целая «волость», состоявшая из неустановленных самовольных переселенцев, не отмеченных в подушный оклад в Кузнецком уезде. Всего приказчиками было выявлено 39 переселенцев в районе Белоярской крепости и еще 3 – в районе Малышевой слободы соответственно (стоит отметить, что учитывалось исключительно взрослое мужское население, то есть фактически главы семей). Большинство переселенцев сообщали примерно схожие истории: крестьяне бежали в Сибирь от малоземелья и невозможности выращивать хлеб. При этом тут же сами себе и противоречили, указывая, что, проживая в районе Колывано-Воскресенских заводов, занимались черной работой, жили в степи, питались зверем, рыбой и хлебом, купленным у крестьян Колыванских заводов¹⁷⁴. Лишь один крестьянин признался, что «в белоярской крепости жил промеж дворов»¹⁷⁵. Примечательно, что как воевода, так и приказчик прекрасно знали о существовании значительного количества не

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 24.

¹⁷² РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 8. Л. 51в-53, 136-138.

¹⁷³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 13. Л. 78.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 45. Л. 18-24.

¹⁷⁵ Там же. Л. 25.

учтенных и не положенных в оклад. По сигналу воеводы приказчик в течение месяца обнаружил более 40 семей, проживавших в совершенно противоположных точках локального района: в степи (в междуречье Катуня и Чарыша), в промысловых избушках возле Колывано-Воскресенских заводов, на разных берегах Чумыша¹⁷⁶. В этой ситуации приказчики оказывались частью своеобразного «управленческого треугольника». С одной стороны, существовали региональные власти, которые вплоть до середины 1730-х гг. фактически не вмешивались в ситуацию с беглыми, требуя от воевод и локальных управленцев исключительно поддержания должного уровня обороноспособности. С другой – кузнецкие воеводы нацеливались приписать большинство беглых в подушный оклад к Кузнецкому уезду. Наконец, приказчики стремились использовать переселенцев в качестве инструмента насыщения районов окрестными жителями, при этом крестьянское население нередко привлекалось для реализации оборонно-снабженческой и полицейской функций, а также в целях осуществления коммуникации с уездным центром. Таким образом, курс на пассивность, сознательное затягивание решения вопроса «беглых» отвечал интересам как воевод, так и приказчиков.

Несмотря на определенную децентрализацию власти (передачу значительной части полномочий с регионального уровня на уездный), вопрос о лицах, не имевших паспортов, вызвал резкое недовольство губернских властей, которые в указе 1735 г. предписывали всех беглых крестьян, приписанных к Тарскому, Ялutorовскому или Ишимскому дистриктам немедленно высылать в соответствующие административные центры, «а тем людям, у кого такая беглецы в сыску в домех явятца, потому ж за прием оных беглецов и за держания чинить жестакое публичное накасание: бить кнутом нещадно»¹⁷⁷. В рамках реализации этого указа майор Новоучрежденного драгунского полка де Граве в 1742 г. указывал кузнецкой канцелярии на поимку возле Малышевского форпоста 9 таких «безпашпортных» лиц¹⁷⁸. Все девятеро признали, что изначально они

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 45. Л. 18-26.

¹⁷⁷ Там же. Л. 76-76об.

¹⁷⁸ Там же. Л. 82.

относились к административной юрисдикции Чаусского острога. Однако под давлением Кузнецкой канцелярии региональные власти приняли решение приписать всех беглых к деревне Соплековой Малышевской слободы.

Установившееся положение вещей претерпело слабую трансформацию вплоть до ревизий второй трети XVIII в. Воеводой был разработан двухступенчатый механизм учета населения, первый уровень которого фактически полностью перекладывался на приказчиков. Предполагалось, что именно они должны представить актуальные списки проживавшего на вверенной им территории населения, которые в дальнейшем выступили бы основой осуществления приписок. Однако массовые миграции крестьян внутри района Верхнего Приобья значительно осложняли реализацию распоряжения.

Достаточно мощной во второй четверти XVIII в. оставалась миграция внутри Кузнецкого района из центра на окраины (Бикатунская и Белоярская крепости). К середине 30-х гг. более 20 семей переместились из уездного центра в различные уголки Верхнего Приобья. Больше всего таковых оказалось в пределах Бийской крепости, где приказчик насчитал сразу 15 самовольных поселенцев. Всех таковых воевода называл «беглецами» и требовал от местных управителей скорейшего возвращения в округу Кузнецка под караулом¹⁷⁹.

Следует признать, что на протяжении 30 – 40-х гг. XVIII в. как уездная власть, так и приказчики обладали лишь относительными инструментами контроля за хаотичными переселениями податного населения в пределах Верхнего Приобья. При этом уездные администраторы далеко не всегда привлекали «начальных людей» острогов и слобод для возвращения нарушителей. Показательным является случай, произошедший в 1736 г., когда А.Ф. Бартнев предписал Ивану Вертелецкому вернуть в пределы приписки 6 семей самовольных переселенцев, оказавшихся в северо-восточной округе Белоярской крепости и Малышевой слободы. Однако кузнецкий служилый, посланный для водворения крестьян в места прежнего проживания, встретил ожесточенное сопротивление. Ситуация была разрешена только после дополнительного

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 68. Л. 29-30.

усиления экспедиции двумя вооруженными казаками¹⁸⁰. Любопытно, что воевода не стал задействовать приказчиков соответствующих районов, хотя ранее такая практика существовала.

Всю тяжесть последствий хаотичных крестьянских переселений в Верхнем Приобье в своем доношении от 7 августа 1744 г. очень емко обрисовал приказчик Бердского острога С. Мельников: «многия берския крестьяне и различинцы из Берского острогу и того Берского ведомства из разных деревень разъехались в разные места Куснецкого ведомства: в Белоярскую и Бийскую крепости, и в Малышеву слободу, и поселились в тех слободах в разных деревнях своими домами, а о саготовлении, о душах мужеска полу и о подаче скасок в самой крайне скорости никак сочинит невозможно, понеже оные разехавшиеся берския крестьяне и различинцы в реченных острогах и слободе жителство имеют к тем крепостям и слободе поблизости, а от Берского острогу в самом далном расстоянии»¹⁸¹. Иными словами, приказчики как не имели достаточных инструментов контроля и сдерживания поднадзорного населения, так и не проявляли особой прыти в вопросах пресечения неконтролируемых миграций. Лишь административные «напоминания» от воевод заставляли локальных управленцев действовать, но при этом мероприятия, предпринимавшиеся приказчиками, обладали определенной эффективностью.

Еще одним направлением в административной практике приказчиков острогов и слобод Верхнего Приобья становилась регламентация отдельных элементов хозяйственной деятельности поднадзорного населения. В этом контексте едва ли не ключевой задачей становилась экспертиза земельных угодий в качестве потенциальных пашен для служилых и оброчных людей. Вот фрагмент одного из прошений 1730 г. жителя Бикатунской крепости И. Соколова: «в присутстве по речке Итколе порожнюю землю под дворовое строение, и под пашню, и под сенные покосы и потцковы пуск, а межи тем земле сверху с первую сторону с первую сторону¹⁸² от дворового строения государя я желаю силитца

¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 68. Л. 14-19.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 201. Л. 93об.-94.

¹⁸² Дублирование в источнике.

вверх по речке Иткулю до таловых кустов, а от тех кустов прямо на березник, а от березнику по проезжей дороге которая лежит ис Комаровой деревни к Бийкатунскую крепость до речки Чемровки, а от речки Чемровки в верх по Иткулю до дворового ж строения»¹⁸³. После проведения обследования указанного участка приказчик пришел к выводу, что «земля по вышеписанным межам порожняя в даче, и в отвод никому не отдана»¹⁸⁴.

Приказчики регламентировали и непосредственно хозяйственные вопросы, в том числе выпас скота. В 1728 г. «начальный человек» Бикатунской крепости отправил крестьян В. Черкасова и Я. Слекищина пасти скот на левый берег Оби¹⁸⁵, то есть фактически за границу не только своего административного надзора, но и формально за пределы государственных рубежей.

Не стоит сбрасывать со счетов и финансовый аспект административно-хозяйственной деятельности приказчиков. В случае возникновения экстренных ситуаций (острой потребности в выдаче прогонных денег до Тобольска при соответствующей высылке) воевода предписывал приказчику осуществить финансовое перераспределение из источников локального района. Механизм такого распределения сводился к вычету у сельских или церковных (приходских) старост определенной суммы денег с последующим погашением, как правило, из «подушных денег»¹⁸⁶.

Одной из важных составляющих административно-хозяйственной деятельности приказчиков становился «ясачный» фактор. В Верхнем Обь-Иртышье он имел свою специфику. В Восточной Сибири ясачные волости и деревни располагались вблизи или непосредственно в пределах административного округа, контролировавшегося приказчиком, и по выражению Г.Ф. Быкони, в «редкий год приказчики Саянского и Караульного острогов не получали указов из Красноярска о том, что самовольных поселщиков на ясачных землях надлежит “высылать на прежние жилища, а дворы и прочие заводы разломать и впредь в оные волости для жилья и ни для чего не впускать и тем

¹⁸³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 25. Л. 57.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 14. Л. 154-155.

¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 58. Л. 31-33.

самым иноземцам отнюдь обид и налоги, утеснения в промыслах их помещательства не чинить”»¹⁸⁷. В Верхнем Приобье ясачные жилища находились на значительном удалении от локальных районов острогов и слобод, в результате чего, а также в ситуации дефицита гарнизонных команд, приказчики не контролировали, да и не могли контролировать ситуацию в инородческих селениях. Как следствие, наиболее ярко «ясачный» фактор проявлялся лишь в контексте проблемы границы и при возрастании угрозы со стороны Джунгарского ханства. В обыденной административной практике приказчики сталкивались с оставлением в Бикатунской крепости кузнецкими ясачными татарами (проживавшими в районе самого Кузнецка) своих лошадей «на корм» на длительное время. Большинство из этих лошадей спустя некоторое время терялись. Опасаясь разжигания конфликта с этнической подоплекой, приказчики подталкивали крестьян к написанию коллективных челобитных с просьбой о снятии ответственности с жителей локального района за исчезнувший скот. Остается добавить, что воеводы почти никогда не шли на поводу у просителей и все имущественные потери ясачных в таких случаях возлагались на крестьян, проживавших в пределах крепости.

Полномочия приказчиков, объединяемые в полицейскую функцию, как правило, трактуются достаточно широко: управленец якобы «имел право применять меры взыскания. В самой общей форме оно определялось как право “смирять” крестьян, сюда включались простой “уговор”, штраф, телесное наказание и заключение»¹⁸⁸. Обращение к административному и правоприменительному опыту приказчиков Верхнего Приобья рисует иную картину с гораздо более узким кругом правоохранительных компетенций.

Центральной и наиболее часто осуществлявшейся из них становилась высылка различных социальных категорий беглых (солдат, матросов, рекрутов, колодников), а также кузнецких жителей, самовольно переселившихся из окрестностей Кузнецка и имевших задолженности в уплате подушного сбора. К

¹⁸⁷ Цит. по: Быконя Г.Ф. Заселение русскими... С. 87.

¹⁸⁸ Крестьянство Сибири... С. 141.

таким беглецам в большинстве случаев прилагался специальный реестр, причем для сбора предварительной информации воеводы использовали инструменты экстраординарного управления, а не приказчиков, так как инертность последних обнажала игнорирование интересов Кузнецка в ущерб своих административных устремлений.

Высылке подлежали не только беглые, но и служилые люди, подозревавшиеся воеводской канцелярией в совершении преступления. К примеру, в январе 1734 г. приказчик Бикатунской крепости Василий Буткеев вынужден был выслать отставного сына боярского И. Везигина вместе с братом С. Везигиным по обвинениям в махинациях с подушными деньгами. Приказчику предписывалось «высылать в Кузнецк за правожатыми под караулом... не принимая от них никаких отговорок»¹⁸⁹. В данном случае «начальные люди» крепости придерживались принципа экстерриториальности преступления и могли как допросить, так и выслать в Кузнецк любое лицо, подозревавшееся в совершении преступления, вне зависимости от его административной принадлежности. Таким образом, приказчик к задержанным мог применять меры временного задержания, то есть арест, отражавшийся в «сажании под караул», но на постоянной основе заключение преступников приказчиком не осуществлялось.

В случае совершения преступлений на территории вверенной ему административной округи или в приграничных районах вблизи нее, приказчик оперативно информировал воеводу о произошедшем. Такие «отписки» по своему содержанию представляли достаточно подробное повествование о случившемся с прилагавшимися показаниями свидетелей. Особое внимание уделялось правонарушениям, в которые были вовлечены жители соседнего Томского уезда или ясачные инородцы¹⁹⁰.

Особое место в практике реализации полицейской функции занимали случаи произнесения «государева слова» крестьянами на служилых людей или представителей выборных должностей (десятников, целовальников). В подобных

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 49. Л. 10-10об.

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 86. Л. 1-2.

ситуациях воеводы выдерживали строго императивную линию и предписывали приказчикам, с одной стороны, осуществлять первичный допрос обеих сторон (как доносителя, так и потенциального подозреваемого), называемый в документах «следства», с другой – после первичного дознания безотлагательно высылать в Кузнецк для дальнейшего разбирательства, где воевода «объявлял следствия»¹⁹¹.

Большинство случаев произнесения «государева слова» совершалось на фоне злоупотребления алкоголем. В 1729 г. крестьянин Василий Кондратьев обвинил в государственном преступлении целовальника Малышевской слободы Захара Хлыновского. Еще в ходе установления «следства» стало ясно, что В. Кондратьев озвучил обвинение в состоянии «безмерного пьянства»¹⁹². Тем не менее В. Кондратьев был выслан в Кузнецк приказчиком слободы И. Хабаровым, хотя крестьянин номинально относился к Тарскому ведомству и был временно послан на Колывано-Воскресенские заводы.

Аналогичный случай был зафиксирован приказчиком Бикатунской крепости в 1731 г., когда кузнецкий служилый С. Везигин произнес «государево слово» на крестьянина А. Сорокина. Любопытно, что при первичном дознании С. Везигин утверждал, что у него существуют неопровержимые доказательства вины последнего, однако при допросе в Кузнецке тут же отказался от своих слов¹⁹³.

Решение о виновности (невиновности) соответствующих преступников выносил воевода. Как правило, наказанием виновному лицу (либо в случае подтверждения обвинения, либо в случае обнаружения изначально ложного доноса) становилась публичная порка кнутом или батоном. Примечательно, что наказание далеко не всегда приводилось в исполнение в Кузнецке, достаточно часто воевода направлял указ, предписывавший наказать отдельных лиц по тем или иным причинам не высланных в Кузнецк или уже вернувшихся из него. В документах встречаются случаи, когда приказчику приходилось применять санкции в отношении не только рядовых крестьян, но также десятников и

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 43. Л. 14.

¹⁹² Там же. Л. 6.

¹⁹³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 31. Л. 5-11об.

целовальников, служилых людей. Однако это являлось скорее исключением, чем правилом.

Высылке в уездный центр подлежали не только потенциальные преступники, но и свидетели правонарушений. В большинстве случаев показания с них снимались на местах либо приказчиками, либо специальными командами, посылавшимися воеводой. Исключения составляли события, угрожавшие разжиганием конфликта между различными локальными районами. Показательным в этом плане является спор крестьян Бердского острога Афанасия и Гаврилы Шеманаевых с жителем деревни Шишкиной Белоярского ведомства Василием Лаврентьевым. Суть конфликта сводилась к тому, что В. Лаврентьев увез из окрестностей Бердска сестру Шеманаевых Авдотью, после чего обвенчался с ней. В ответ на это братья Шеманаевы совершили фактически разбойное нападение на дом В. Лаврентьева¹⁹⁴. Дабы не допустить разрастания конфликта, воевода строго предписал приказчику Белоярской крепости выслать в качестве пострадавшего и свидетеля по делу В. Лаврентьева «дабы за невысылкою вследствие судного дела продолжения не учинилось»¹⁹⁵.

Иногда приказчикам не удавалось осуществить высылку. Примечательна ситуация, сложившаяся в Бердском остроге в конце 20-х гг. XVIII в., когда местный приказчик А. Максюков вместе с присланным из Кузнецка И. Буткеевым под угрозами крестьянской семьи Соколовых вынуждены были на непродолжительное время покинуть пределы административной округи. После несанкционированной поездки в Ургу местный житель Прокофий Соколов стал всячески сопротивляться аресту «и от денщика Мауксюкова отбивался ножом де и бросал по присланном из Кузнецка сотнике Иване Буткееве и по прикащике Мауксюкове и по служилых людях глыбами». Дошло даже до того, что «выходя из дому своего, на онаго Буткеева с луком и со стрелами и отказывал оному прикащику Мауксюкову от команды и выслал ево Мауксюкова и сотника

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 19. Л. 166-167.

¹⁹⁵ Там же. Л. 167об.

Буткеева и служилых людей из Берска вон»¹⁹⁶. Однако этот случай, безусловно, являлся, скорее, единичным исключением, чем строгим правилом.

Доставка подозреваемых в Кузнецк и осужденных обратно гораздо чаще осуществлялась силами рядовых крестьян локального административного центра, реже служилыми людьми. Задержанный/осужденный поручался одному или нескольким крестьянам или служилым, которые должны были следить за тем, чтобы в пути он никуда не сворачивал. Кузнецкая канцелярия таким образом стремилась контролировать и количество населения, приписанного к определенному ведомству и миграции этого самого населения. Поэтому после приведения наказания в исполнение осужденные не могли покинуть пределы своего населенного пункта (даже будучи служилыми людьми), что, безусловно, само по себе создавало ситуации социального дискомфорта, порождая конфликтность в деревенском микросоциуме.

Еще одной категорией лиц, подлежавших допросам со стороны приказчиков, являлись переселенцы по тем или иным причинам, не внесенные в подушный оклад. Так в 1733 г. в допросных речах Д. Рогосин сообщал белоярскому приказчику, что он, будучи еще ребенком, был привезен в Кузнецкое ведомство из Пышминской слободы своим отцом, который вскоре умер. Крестьянин констатировал свое устойчивое желание быть записанным в подушный оклад в деревне Чумышской, территориально принадлежавшей к округе Белоярской крепости, добавляя, что «в салдацком рекрутском наборе он данило нигде також и на воровствах и расбоях не бывал»¹⁹⁷.

Сами приказчики при проведении первичного дознания могли прибегать и к насильственным способам получения показаний. В 1729 г. приказчик Малышевой слободы С. Серебренников доносил в Кузнецк о том, что в судной избе он допрашивал «с пристрастием» крестьянку деревни Нижней Сузунской А. Родионову по обвинению в угрозах колдовством. После «бития батожем три раза» А. Родионова созналась в несерьезности своих намерений¹⁹⁸.

¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 164. Д. 51. Л. 1395-1395об.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 45. Л. 18.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.

Важной составляющей полицейской функции становилось предотвращение разжигания конфликтов между русским населением и джунгарскими купцами, следовавшими транзитом через остроги и слободы Верхнего Приобья. В 1738 г. в деревне Елуниной Белоярского ведомства возник конфликт между бухарскими торговцами, направлявшими в Джунгарское ханство из Томска, и местным жителем А. Елуниным. По утверждению последнего бухарцы самовольно стравили у него 60 копен сена, не заплатив, после чего русский крестьянин не нашел ничего лучше, как украсть у обидчиков 2 лошади. В дальнейшем конфликт перешел на новую стадию, поскольку калмыцкий башлык И. Деркемов в сопровождении более 20 калмык, окружив дом А. Елунина, «стали ис луков стрелять, а другие вскопча во двор выгнали ис двора десять лошадеи в том числе три ежжалых, семь молодых и отогнали в свой табун»¹⁹⁹. Ситуация накалялась, крестьяне были готовы устроить самосуд над агрессивными бухарцами. Лишь благодаря вмешательству белоярского приказчика Якова Сорокина, приведшего с собой из крепости 15 солдат (из команды де Граве) удалось предотвратить дальнейшее углубление конфликта. Я. Сорокин выступил в данном случае одновременно и посредником, и третейским судьей, успокоив и примирив стороны, фактически заставив бухарцев и А. Елунина прекратить дальнейший имущественный спор²⁰⁰.

В рамках реализации полицейской функции приказчики также занимались хранением личных вещей нерядовых жителей своего локального района. В одном из своих обращений в Кузнецк приказчик Белоярской крепости А. Хмелев подчеркивал, что достаточно длительное время хранил «под замком» личные вещи К. Волкова, солдата, пропавшего без вести при сопровождении экспедиции Ивана Валишевского. В таких случаях приказчики приводили максимально полную опись имущества: «седло черной кожей оклеено потпруги и пристуги ременная, стремена желесныя усдарененна, плеть хомутина... зипун сукной

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 91. Л. 11.

²⁰⁰ Там же. Л. 11об.

новой, сермяжной камзол... ветхой во сем пуговиц медных, зенденина девет пуговиц медных, десятой схват, две рубашки»²⁰¹.

Четвертой функцией приказчиков, которая часто не отражается в специальной литературе, является промульгационная. Промульгация – публичное обнародование закона, санкционированное вышестоящими властями. В условиях отсутствия широких каналов распространения информации в XVIII в. фактически единственным вариантом оглашения закона становилось его озвучивание жителям локального района. В крепостях и острогах императорские указы, доставлявшиеся из Кузнецка, принимались приказчиком совместно с писарем. Писарь фиксировал указы, а приказчик занимался непосредственно промульгацией²⁰². Промульгационная активность приказчиков контролировалась достаточно жестко. Строгой отчетности подлежала публикация каждого императорского указа, как привезенного в составе других документов, так и доставленного обособленно²⁰³. В своих доношениях приказчики указывали, что «во всенородное известие побликованы, а в пристойные места указы Ея Императорского Величества выставлены»²⁰⁴. Справедливости ради, стоит отметить, что в большинстве случаев такими «местами» становился сундук в судной избе острога или слободы.

Дипломатическая активность приказчиков не была предусмотрена ни наказными памятями, ни другими воеводскими указами. В большинстве случаев ойротские дипломатические агенты направлялись сразу в Кузнецк, минуя остроги и слободы Верхнего Приобья, а рядовые калмыки, распространявшие слухи и пытавшиеся устраивать провокации в приграничной зоне, попадали к «начальным людям» в качестве задержанных, с которых в дальнейшем снимались показания, а сами нарушители высылались в Кузнецк²⁰⁵. А.Ю. Огурцов приводит сведения о случае, составившем исключение из этого правила. В 1738 г. джунгарский чиновник Наузан обратился к приказчику Бикатунского острога А. Хабарову с

²⁰¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 25. Л. 139-140.

²⁰² Там же. Л. 121.

²⁰³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 49. Л. 5.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 2.

просьбой о разрешении на сбор алмана в Тогульской волости, предъявив ультиматум с требованием вернуть земли, на которых находились русские города Томск, Кузнецк, Красноярск и Колывано-Воскресенский завод²⁰⁶. А. Хабаров, естественно, категорически отверг все претензии, но не стал применять каких-либо санкций к Наузану.

Реконструкцию административно-правового статуса приказчиков следует считать неполной в случае игнорирования вопросов их взаимоотношения с выборными крестьянскими должностными лицами. Утвердившаяся в советских работах по истории крестьянства точка зрения была безжалостна по отношению к приказчикам, поскольку «по мере складывания общинной жизни крестьянская администрация могла все серьезней ограничивать произвол и злоупотребления приказчика, ибо выполняла основные хозяйственно-фискальные функции, оставляя приказчику право контроля»²⁰⁷.

Однако в специфических освоенческих реалиях Верхнего Приобья образца первой половины XVIII в. крестьянский мир в отсутствии сколько-нибудь существенных инструментов общественного контроля фактически не справлялся с возложенными на него и без того не столь существенными полномочиями. Еще в 1728 г. С. Везигину пришлось выслать из Бикатунской крепости десятника Шевелева, представителя крестьянского «мира» П. Казанцева и рядовых крестьян З. Казанцева и П. Ситникова. Все четверо подозревались в финансовых махинациях, вымогательствах и впоследствии их вина была доказана²⁰⁸.

В 1732 г. назначенный в Белоярскую крепость винным целовальником И. Кучин констатировал массовые недоимки и выдачу прежним целовальником Бычковым вина в долг: «и оной Бычков в той крепости отдал казенного Вашего Императорского Величества вина в долг той крепости жителю Луке Куликову на пять рублей, попу Федору Никифорову на три рубли, Осипу Хабаркину на пять алтын, Екиму Выдре на дватцать алтын»²⁰⁹. В этой ситуации единственным относительно стабильным институтом управления оставались приказчики.

²⁰⁶ Огурцов А.Ю. На Кузнецкой линии... С. 48.

²⁰⁷ Крестьянство Сибири... С. 141.

²⁰⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 14. Л. 226-227.

²⁰⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 49. Д. 19.

Неслучайно именно им приходилось взыскивать недоимки по подушным деньгам, причем активное привлечение к этому процессу служилых людей из гарнизона крепости или крестьянских старост приводило исключительно к усугублению ситуации, хищениям и коррупции.

В 1733 г. в Малышевской слободе развернулась целая «эпопея», связанная с обвинением подьячего судной избы И. Жеребцова в финансовых преступлениях и даже разбое. И. Жеребцов вместе с жителями деревни Верхне-Сузунской Софоном и Савелием Селезневыми совершил разбойное нападение на крестьянина И. Елунина. Последний был лично направлен И. Жеребцовым (за спиной приказчика И. Хабарова) в деревню Усть-Чумышскую для «осмотра» бухарского каравана и предварительной торговли с бухарскими купцами. По возвращении И. Елунин в доме Селезневых был избит хозяевами дома и И. Жеребцовым, причем «Софон [Селезнев] бил Елунина безменом железным, а Савелей [Селезнев] бил стулом насмерть [б], а сын его держал»²¹⁰. И. Жеребцов вел своего рода «подковерную» борьбу с целовальником И. Хлыновским за сферу власти, а И. Елунин (изначально житель Тары) стал жертвой корыстных устремлений И. Жеребцова. Остается добавить, что все события фактически происходили за спиной приказчика И. Хабарова, который в этой истории никак не фигурировал. С другой стороны, дискредитация как представителей крестьянского самоуправления, так и отдельных служилых людей лишь служила дополнительным фактором усиления реальной власти приказчика. В результате воевода предписал И. Жеребцова и братьев Селезневых «бить батожем нещадно»²¹¹. Наказание Селезневым, не высланным в Кузнецк, приводил в исполнение именно И. Хабаров²¹².

Важным аспектом в исторической реконструкции административной практики «начальных людей» острогов и слобод является и вопрос о преступлениях в среде приказчиков. В советской науке на уровне аксиомы бытовало мнение о том, что эти «“микровоеводы”» вымучивали с крестьян

²¹⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 43. Л. 16-16об.

²¹¹ Там же. Л. 23.

²¹² Там же. Л. 25об.

различные подношения, налагали на них дополнительные платежи, заставляли работать на себя»²¹³. В этом случае массовые преступления приказчиков в отношении крестьян вынуждали бы последних обращаться с жалобами в уездный центр, а соответствующие материалы (включая расследования) должны отложиться в архиве Кузнецкой канцелярии. Однако в исследованном нами Ф. 517 РГАДА не обнаружено ни одного документа, связанного с подобными сюжетами. Отсутствие таковых могло бы объясняться стремлением приказчиков подавить недовольство поднадзорного населения на локальном уровне и не допустить доведения челобитных, в том числе и коллективных до воевод. Однако при сокрытии злоупотреблений и преступлений единичные эпизоды хотя бы косвенно должны были отложиться в доношениях, рапортах или доездах служилых людей, руководителей экстраординарных экспедиций и командиров регулярных подразделений, отправлявшихся в остроги и слободы с какими-то определенными целями (высылка преступников, проведение следствия, доставка корреспонденции). Соответствующих документов нами также не обнаружено.

Отложившиеся в архивах воеводской канцелярии случаи обвинения и расследования преступлений приказчиков острогов Верхнего Приобья обладают определенной спецификой. Она заключается в отсутствии унифицированного подхода к определению границ дозволенного/недозволенного для управленцев поведения. Начиная с 30-х гг. XVIII в., кузнецкие воеводы начали занимать наиболее жесткую, но не всегда последовательную позицию в вопросах трактовки отдельных действий приказчиков.

Фактически единственным случаем откровенно противоправных, преступных действий приказчиков является ситуация, сложившаяся в Бикатунской крепости на рубеже 1729 – 1730 гг. Приказчик крепости С. Везигин за взятки отпустил в «дома свои», то есть в окрестности Кузнецка 23 служилых человека из 30, составлявших годовальную команду и находившихся на «обереговой» службе. Посланный из Кузнецка Федор Крячиков был настолько изумлен коррумпированностью приказчика и его пренебрежением задачами

²¹³ Крестьянство Сибири... С. 141.

обороны острога, что неоднократно подчеркивал воеводе: «а на береговой службе в той крепости служилых людей почти не осталось»²¹⁴. Далее Ф. Крячиков также констатировал, что уже в течение года С. Везигин тормозил любые финансовые платежи из локального района в Кузнецк. Примечательно, что именно этот факт, а не ущерб обороноспособности локального района вызвал большую озабоченность и даже откровенный гнев воеводы. Уездный администратор П. Нефедеев инициировал разбирательство с преступными махинациями С. Везигина, однако в допросах самого провинившегося приказчика и оставшихся в крепости служилых людей центральным становился вопрос именно финансовых преступлений. Более того, парадоксально, но факт – за весь период разбирательства воевода так и не озаботился проблемами самой крепости, фактически остававшейся как без гарнизона, так и без приказчика²¹⁵.

Подобная односторонность и однобокость в оценке деятельности приказчиков в целом была свойственна Кузнецку. Воеводская канцелярия несколько раз проигнорировала единичные сообщения о злоупотреблениях и нарушениях приказчиков. Еще в 1728 г. при вступлении того же С. Везигина в должность приказчика крепости его предшественник Иван Шебалин в доношении в Кузнецк подчеркивал, что С. Везигин заставил его уже после передачи «укасов и алтирелских припасов» (то есть фактически после прекращения полномочий И. Шебалина как приказчика) собирать подушные деньги²¹⁶. Более того, С. Везигин, не предъявив какого-либо воеводского указа, санкционировавшего подобные действия, фактически силой забрал у И. Шебалина 6 рублей. Наконец, бывший приказчик обращал внимание воеводы на факт публичной взятки, полученной С. Везигиным от служилого А. Сидорова, за освобождение от несения реальной «береговой» службы²¹⁷. Доношение И. Шебалина не привлекло внимание воеводы, точно также, как и жалоба жителя Бикатунской крепости К. Соколова о

²¹⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 19. Л. 51-52.

²¹⁵ Там же. Л. 53-58.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 16. Л. 1-1об.

²¹⁷ Там же. Л. 1об.

том, что ему только путем взятки в 7 рублей удалось откупиться от рекрутского набора в 1729 г.²¹⁸

После инцидента со С. Везигиным кузнецкое начальство все же стало внимательнее относиться к деятельности приказчиков и временами даже «придираться» к управленцам. Воевода А.Ф. Бартенев своим указом от 31 января 1734 г. предписывал служилому Ивану Саратову ехать в Бийкатунскую крепость для ареста и конвоирования в Кузнецк приказчика крепости И. Буткеева. Резкое недовольство уездного центра вызвало промедление приказчика в вопросе высылки подозревавшейся в колдовстве «бабы Акулины». И. Саратову напрямую предписывалось «прибыв взяв ис той крепости... с лошадию и со збруей прикащика Буткеева, и привести в Кузнецк и объявить при доношении в Кузнецкую канцелярию, також и бабу Акулину, заковав в ручныя и ножныя кондалы»²¹⁹. Однако к моменту прибытия И. Саратова И. Буткеев уже отправил Акулину в Кузнецк. Тем самым формальные основания поспешной высылки приказчика в Кузнецк отпали, так как это напрямую угрожало обороноспособности крепости, являвшейся важным порубежным фронтирным форпостом на юге Кузнецкого уезда. Однако в силу априорной императивности любого указа воеводы И. Саратов не мог ослушаться или каким бы то ни было образом проигнорировать предписание. В результате в марте 1734 г. И. Буткеев вместе с И. Саратовым отправился в Кузнецк, а «Бийская крепость приказана служилым Максиму Ананину да крестьянину Абраму Исакову»²²⁰. В данном случае речь идет о попытке экстраполяции принципа коллегиальности при временном замещении управленческой должности. Служилые люди Кузнецкого уезда были частично знакомы с такой практикой, поскольку она применялась в уездном центре при отбытии воевод в командировки. Однако в Кузнецке соответствующие полномочия реализовывал «совет», состоявший из трех крайне авторитетных управленцев, каждый из которых являлся дворянином²²¹. На порубежных окраинах подобная практика не работала, поскольку у оставшихся

²¹⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 25. Л. 60-61.

²¹⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 7.

²²⁰ Там же.

²²¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 81. Л. 11.

«на начальстве» не было сколько-нибудь существенного управленческого опыта, а иногда даже должного социального авторитета. Причем напрашивающаяся и очень удобная версия о том, что в случае отсутствия приказчика его полномочия чуть ли не автоматически передавались выборным из крестьян лицам²²², не соответствовала административной реальности Верхнего Приобья, поскольку четкого принципа определения тех, кому поручалась крепость, элементарно не существовало.

В некоторых случаях крепости оставались без приказчиков в силу ряда обстоятельств, не связанных с деятельностью самих локальных управленцев. Так в конце 1733 г. в результате задержки в посылке сменной команды во главе с новым приказчиком действовавший на тот момент уже несколько лет приказчик Белоярской крепости А. Хмылев по указанию воеводы отбыл в Кузнецк. Крепость была поручена «бурмистрам» Д. Бурмагину и М. Безсонову (являлись рядовыми крестьянами крепости, не занимавшими какой-либо выборной крестьянской должности)²²³. При этом сама практика назначения выходцев из крестьян на управленческие должности в слободы не являлась новообразованием кузнецкого воеводы, а, скорее, представляла неудачным рудиментом поиска рациональной модели построения локального звена управленческой системы образца 10-х гг. XVIII в.²²⁴

Между тем такие «бурмистры», не обладая необходимым управленческим авторитетом, в ситуации явной административной коллизии (в условиях персонификации управления воеводская память не могла быть выдана сразу двум лицам, но при этом существовал воеводский указ, предполагавший коллегиальное осуществление властных полномочий) достаточно быстро утратили контроль над ситуацией в крепостном районе. Следствием этого стало возникновение массовых драк, перераставших временами в открытые избиения²²⁵. В результате побоев несколько человек даже скончалось.

²²² Крестьянство Сибири... С. 327.

²²³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 42. Л. 8.

²²⁴ Миненко Н.А. Русская крестьянская община... С. 11.

²²⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 42. Л. 8-8об.

В своем донесении в Кузнецкую канцелярию 8 мая 1734 г. крестьянин И. Бельмесьев жаловался на откровенный произвол Д. Бурмагина и М. Безсонова. Оказалось, «бурмистрам» были прекрасно известны личности зачинщиков беспорядков: крестьяне А. Зеленин и Е. Щедрин. Более того, Д. Бурмагин и М. Безсонов арестовали подозреваемых, но, продержав их неделю в подвале, вскоре по непонятным причинам отпустили, после чего А. Зеленин и Е. Щедрин поспешно скрылись²²⁶. Подобные иррациональные и откровенно противозаконные действия лиц, исполнявших обязанности управленцев, в конечном итоге лишь способствовали полной дестабилизации обстановки в прилежавших к крепости селах. Ситуации стала налаживаться лишь с появлением в Белоярской крепости нового приказчика П. Севергина и высылкой им в Кузнецк Д. Бурмагина и М. Безсонова²²⁷, которые впоследствии за свое самоуправство и бесчинства были сурово наказаны воеводой.

В делах, связанных с «государевым словом» на приказчиков Кузнецк практически всегда занимал сторону последних. В 1740 г. в Малышевой слободе отставной казак Матвей Мамонтов публично показал «слово и дело» на приказчика Семена Хабарова. Воевода потребовал высылку в уездный центр только обвинителя. Примечательно, что именно С. Хабаров организовывал доставку М. Мамонтова в Кузнецк, где на допросе казак стал отрицать все якобы произнесенные им обвинения: «а дела де за ним Хабаровым, и ни за нем, за другими никакого он Момонтов не ведает подлинно, и что оное учинил, и в той де ево вине воля Ея Императорского Величества, а как он Момонтов в то время безмерно пьян был, про то ведают кузнецкой посацкой Кирила Ефремов, караульня Семен Кузнецов, Яков Клыга, а чтоб бы с него прикащика Хабарова ведучи дела за ним з говорит, он прикащик ево Момонтова не подкупал подлинно ж»²²⁸. При отсутствии иных поясняющих документов действия по отказу от инициации обширного разбирательства с привлечением приказчика со стороны

²²⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 42. Л. 8-8об.

²²⁷ Там же. Л. 8об.-9.

²²⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 125. Л. 1-2.

замещавшего на тот момент должность воеводы П.А. Мельникова²²⁹ косвенно могут указывать на укрывательство должностных преступлений своих подчиненных со стороны вышестоящей инстанции. Однако в более широкой плоскости реакция уездного центра представляется построенной на учете предшествующего административного опыта расследований «государева слова», а также основанной на нежелании оставлять слободу без «начального человека» после событий середины 30-х гг. XVIII в. в Белоярской крепости.

Резонансные дела (как правило, в отношении воевод) требовали привлечения приказчиков и в качестве свидетелей. В 1722 г. Дмитрий Федоров, занимавший должность приказчика Малышевой слободы, был срочно вызван в Кузнецк для дачи показаний по обвинениям Б.А. Синявина, несмотря на то, что слобода от уездного центра находилась в «дальнем расстоянии»²³⁰. В результате округа несколько недель жила без представителя государственной власти.

Допросы и снятие показаний могли осуществляться и в пределах вверенной приказчикам административной округи. В том же 1722 г. приказчик С. Серебренников дважды давал показания в судной избе, причем оба раза по поводу событий пленения и содержания под стражей Байгорока Табунова в 1714 – 1717 гг.²³¹. А в 1729 г. «начальный человек» А. Хмелев допрашивался непосредственно в Бердском остроге относительно злоупотреблений воеводы Б.И. Серединина, после чего приказчик сменил статус свидетеля на подозреваемого (соучастника)²³².

Еще более примечательным представляется вопрос о преступлениях, совершавшихся местным населением в отношении приказчиков. В основном подобные действия касались имущества управленца, а не его жизни и здоровья. В 1725 г. у приказчика Белоярской крепости С. Серебренникова крестьянином К. Казанцевым в интересах бежавших из Белоярска в деревню Кривощекову Чаусского острога В. Сартакова и А. Алексеевой были украдены 2 лошади

²²⁹ А.Г. Шапошников находился в непродолжительной отлучке в Томске.

²³⁰ Памятники Сибирской истории... С. 324.

²³¹ Там же. С. 325, 328-329.

²³² РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 164. Д. 51. Л. 1396об-1397.

«рыжова, другова в гнедее карева»²³³. Поймав как беглецов, так и вора, приказчик лично допрашивал их на съезде двора крепости. Дознание велось публично, очевидно, с целью восстановить подорванный авторитет управленческого института и продемонстрировать жителям крепостного района бесперспективность подобных преступных действий.

В условиях кадрового дефицита локальные конфликты приказчика и поднадзорного населения решались в большинстве случаев отнюдь не с помощью отправки из Кузнецка служилых команд как инструментов экстраординарного управления. Стремясь не допустить утраты легитимности власти приказчиков в конкретном локальном районе, воеводы в качестве своеобразного «арбитра» привлекали приказчика из смежного района. В августе 1731 г. «начальный человек» Бердского острога Д. Соколов получил из Кузнецка любопытное указание, предписывавшее ему ехать в Малышеву слободу, где арестовать местного приказчика С. Гилева и винного целовальника Л. Гурова, публично выдвинувших взаимные обвинения в воровстве²³⁴. Д. Соколов достаточно быстро установил, что во время стычки в Малышевой слободе оба были пьяны и не отдавали отчета своим действиям. Бердский приказчик поверил своему коллеге, С. Гилеву, утверждавшему, что Л. Гурова вором он не называл. После завершения расследования воевода принял решение снять обвинения с С. Гилева и наказать батоном Л. Гурова, несмотря на то, что в деле присутствовало показание свидетеля драки, солдата из Колывано-Воскресенских заводов Сеницына, напрямую обличавшего С. Гилева²³⁵.

Интенсивное освоение Верхнего Приобья и активное расширение Колывано-Воскресенского производственного комплекса привели к столкновениям интересов приказчиков острогов и слобод с частными приказчиками А. Демидова. Порядок урегулирования противоречий законодательно определен не был, но по умолчанию обе стороны обращались к кузнецкому воеводе как непосредственно вышестоящей инстанции и третьей стороне. Как показано выше,

²³³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 14. Л. 32.

²³⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

²³⁵ Там же. Л. 2-10.

Колыванские заводы занимали существенное место в политике кузнецкого уездного администратора, который, однако, далеко не всегда отдавал приоритет именно ведомству А.Н. Демидова по отношению к локальным управленцам Верхнего Приобья.

Не успев организовать и провести в установленные сроки приписку крестьян Кузнецкого уезда к заводскому ведомству в 1738 г., воевода А.Г. Шапошников на время завершения работ во избежание конфликтов с колыванскими управителями с помощью приказчика отправил на выполнение заводских повинностей группу крестьян Малышевой слободы. Это вызвало появление коллективного прошения от соответствующих крестьян, написанного в откровенно протестной форме. Выборный челобитчик Макар Решептаев горячо упрашивал А.Г. Шапошникова прекратить такие посылки, которые не имели под собой юридической силы и в глазах крестьян выглядели явным самоуправством²³⁶. Однако подобные обращения попросту игнорировались воеводой, требовавшим первоочередного исполнения обязательств перед частным ведомством, ссылаясь на то, что необходимо «посылать работников по требованиям дворянина Демидова прикащиков»²³⁷.

С другой стороны, в формировавшемся треугольнике «кузнецкий воевода – приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья – приказчики А.Н. Демидова», именно воевода с подачи губернатора стремился оставить за собой максимальный контроль за происходившими событиями. Даже после осуществления приписок к Колывано-Воскресенским заводам соответствующие переселения крестьян осуществлялись исключительно с санкции воеводы, а насильственные перемещения и вовсе предполагали наличие резолюции губернатора²³⁸.

Нарушение баланса в управленческой среде и явный перекоп в сторону интересов ведомства Колывано-Воскресенских заводов рано или поздно должны были вызвать серьезный административный кризис. Следствием этого стал острый конфликт, разразившийся в 1743 – 1744 гг. внутри этого треугольника.

²³⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 122. Л. 6об.-7об.

²³⁷ Там же. Л. 7об.-8.

²³⁸ Там же. Л. 8-8об.

Приказчики А. Демидова представили воеводе А.Г. Шапошникову целый ряд претензий к гражданским властям и регулярным командам. Главными объектами нападков стали приказчики Малышевой слободы Петр Рыхлевский и Белоярской крепости Я. Сорокин. Колыванский приказчик Г. Сидоров предъявлял им обвинения в ряде преступлений, совершенных в период 1742 – 1743 г. В общей сложности речь шла как минимум о 10 предполагаемых эпизодах:

- Я. Сорокин незаконно проник в дом и жестоко избил крестьянина Лосихинской деревни И. Путимцова «и бил де ево своими руками и убивши замертво выбросил на улицу, от которых де ево побои тогда едва он и не умер»²³⁹, а также присвоил себе 7 руб. 40 коп., после чего отвез в Белоярскую крепость и бил батоном, освободил только после вмешательства представителя Колыванских заводов И. Осипова;

- Я. Сорокин незаконно арестовал и удерживал под караулом в Белоярской крепости в судной избе крестьянина деревни Казанцевой С. Казанцева, присвоив себе 4 руб.;

- П. Рыхлевский незаконно взял под арест крестьянина Усть-Чумышской деревни П. Глухова и присвоил себе 60 коп.;

- П. Рыхлевский в составе группы (включавшей винного целовальника и несколько крестьянских старост Малышевой слободы) совершил разбойное нападение на группу крестьян, направлявшихся из Колывано-Воскресенского ведомства в Томск для продажи товаров*

- П. Рыхлевский и подьячий И. Шангин незаконно взяли под арест крестьянина Кироканской деревни З. Неустроева, жестоко избив и присвоив его имущество (в том числе лошадь) на общую сумму 10 руб. 30 коп.;

- П. Рыхлевский присвоил две лошади крестьянина Караканской деревни Ф. Кузнецова. Ситуацию не разрешило вмешательство крестьянского старосты приписных крестьян;

²³⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 186. Л. 16.

* У крестьян имелись необходимые паспорта и таможенные выписки, подтверждавшие законность приобретения товаров.

- П. Рыхлевский присвоил две лошади крестьянина Аятской слободы М. Ширяева, а после того как пострадавший прибыл в Малышеву слободу приказчик якобы назвал его вором, публично избил и высек, отобрав 5 руб. 12 коп.;

- П. Рыхлевский назвал прибывшего в Малышеву слободу для венчания крестьянина М. Шумилова беглым солдатом, посадил под караул в судную избу, «заковав и держал де под караулом двенадцать дней в самую их крестьянскую пашенную пору, и в оных числа посылал ево на работу для перегребки касенной соли»²⁴⁰;

- П. Рыхлевский препятствовал отправке крестьянина П. Григорьева в Колыванские заводы для отработок по рубке угля, ссылаясь на то, что данный крестьянин не являлся приписным²⁴¹;

- П. Рыхлевский называл «воровским» и устроил несанкционированный обыск в струге, который перевозил приказчик Колыванского ведомства М. Загурский.

Наличие фундаментальных и взаимных претензий колыванских управленцев и приказчиков острогов и слобод подтверждается показаниями сразу нескольких групп крестьян относительно оскорбления П. Рыхлевским чести достоинства А.Н. Демидова. Сначала приказчик заявил приписным крестьянам о том, что «он де господин ваш Демидов – мужик, а я де дворянин всегда ево честнее», а затем и вовсе резюмировал: «у господина вашего Демидова живут все воры, и добрых де людей не имеетца»²⁴².

Обратившись с соответствующими претензиями к кузнецкому воеводе, колыванский управитель Г. Сидоров плохо скрывал свои эмоции и в одном месте в промемории и вовсе откровенно нарушил субординацию, перейдя с официального уважительного тона к жесткому императивному замечанию «требую, дабы соблаговолила она канцелярия»²⁴³. Реакция А.Г. Шапошникова на

²⁴⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 186. Л. 27.

²⁴¹ Староста Нижнесуздунской деревни М. Доставалов в своем доношении в Колыванскую контору по этому поводу сразу заметил, что П. Григорьев напрямую действительно не был приписан, а отработывал повинности за своего умершего отца.

²⁴² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 186. Л. 15об, 27.

²⁴³ Там же. Л. 27об.

столь эмоциональные заявления была предсказуемой. Не имея возможности открыто противодействовать расследованию произошедшего, воевода перешел к скрытому саботажу²⁴⁴. Вопреки обычной практике в случае подозрения приказчиков в совершении тяжких преступлений он не потребовал их высылки в Кузнецк для осуществления личного допроса, а отправил служилых людей во главе с сыном боярским Ефремовым для снятия показаний. Кроме того, уездный глава отвечал в Колыванскую контору о том, что приказчики были допрошены, «следовали, токмо де бес улик тех челобитчиков тем следствием ко окончанию привести невозможно»²⁴⁵. Иными словами, А.Г. Шапошников требовал сколько-нибудь существенных доказательств вины подчинявшихся ему приказчиков, которые в первой промемории из Колыванской конторы представлены не были. Воевода заключил, что необходимо «ис колывановоскресенских заводов ко оному следствию в Малышеву слободу прислать депутата человека доброго и совестного»²⁴⁶.

Пассивность в действиях А.Г. Шапошникова откровенно раздражала управителей А. Демидова, в результате чего к делу подключился берг-лейтенант И.С. Христиани. Решив несколько схитрить, он отправил к месту непосредственного следствия (в Малышеву слободу) «депутатом» все того же приказчика Г. Сидорова²⁴⁷. Проблема в том, что А.Г. Шапошников, очевидно, ожидал увидеть в качестве свидетеля от ведомства Колыванских заводов представителя крестьян или мастеровых (старосту), но не приказчика. В результате возникла, по меньшей мере, любопытная ситуация, когда следствие над приказчиками вел не воевода, а посыльный служилый человек под фактическим присмотром частновладельческого приказчика. Вполне очевидно, что такая комбинация управленческих инструментариев изначально была нежизнеспособна. Как следствие, второй раунд следствия также закончился безрезультатно.

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 186. Л. 4-5об.

²⁴⁵ Там же. Л. 5.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Там же. Л. 5об.

Вернувшийся обратно в Барнаульский завод Г. Сидоров в докладе И.С. Христиани высказал откровенные сомнения относительно желания уездных властей и их представителей установить истину: «при том следствии усмотрено им [Сидоровым], что производитца оно не так, как надлежало, от чего стало быть ему следующее сомнение»²⁴⁸. Присутствовавшего при расследовании Г. Сидорова смущали три вещи. Во-первых, Ефремов допрашивал свидетелей порознь и не устраивал очных ставок. Во-вторых, он заявил колыванскому приказчику о том, что якобы в отношении части преступлений П. Рыхлевского следствие уже завершено и никаких дополнительных процессуальных процедур не требуется. В-третьих, Ефремов отказался принять у Г. Сидорова ряд доношений приписных крестьян, в которых уличался П. Рыхлевский²⁴⁹.

В совокупности эти обстоятельства для управителей Колывано-Воскресенского ведомства являлись неоспоримыми доказательствами сговора Ефремова с А.Г. Шапошниковым и П. Рыхлевским. Введенный в курс дела А.Н. Демидов указал своим подчиненным обращаться к губернатору. В своем доношении в Сибирскую губернскую канцелярию от 23 марта 1744 г. И.С. Христиани открыто обвинял приказчика Малышевой слободы П. Рыхлевского, а также приказчика Белоярской крепости Я. Сорокина «в чинимых ими приписным крестьяном и саводским обывателям нападках, насилии, грабительстве и напрасных побоях и во взятъе подвод и работников бес платежа... и в держании их многия времена под караулом»²⁵⁰.

Примечательно, что даже такой шаг не привел к сколько-нибудь ощутимым подвижкам в разрешении конфликта. П. Рыхлевский несколько раз был допрошен, но никаких мер взыскания к нему применено так и не было. Эта ситуация ярко иллюстрирует наличие к середине 40-х гг. XVIII в. системных противоречий между гражданскими властями и управителями А.Н. Демидова, выразившихся в борьбе за сферы влияния, точнее за влияние на крестьян Верхнего Приобья, приписанных к ведомству Колывано-Воскресенских заводов.

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 186. Л. 5об.

²⁴⁹ Там же. Л. 5об.-б.

²⁵⁰ Там же. Л. 3-3об.

Справедливости ради стоит отметить, что объектами нападков со стороны Колыванской конторы стали не только гражданские приказчики, но и капрал Новоучрежденного полка Федор Анашкин. Колыванские управители рисовали ужасающую картину, когда жертвами «управленческой» деятельности возглавляемой им драгунской команды становились даже крестьянские старосты, пытавшиеся одновременно и уладить конфликт, и защитить своих подопечных²⁵¹. Драгуны настолько чувствовали свою безнаказанность, что в одной из деревень заявили дворнику, случайно зашедшему к ним о том, что «хотя де и ты к нам попадешь, и тебя увезем»²⁵². Общие поборы с крестьян под видом штрафов и в форме открытого разбоя составили более 50 рублей²⁵³. Периодически, когда незаконный захват и содержание под стражей приписных крестьян вызывали ощутимое недовольство местных жителей, Ф. Анашкин ссылался на уездную канцелярию: « [людей] берем по указу Кузнецкой воеводской канцелярии»²⁵⁴. Это лишь обостряло борьбу внутри управленческого многоугольника, так как большинство задержанных действительно увозилось в Кузнецк, но без предъявления каких-либо правоустанавливающих документов²⁵⁵. Таким образом, в глазах крестьян рисовалась картина сговора воеводы и драгунской команды Ф. Анашкина, что снижало и без того не очень высокий уровень доверия к уездной власти и фактически создавало в этом запутанном клубке еще одного игрока в лице крестьянских старост. Для приписных крестьян они становились единственным легитимным центром административной силы, который обладал хоть сколько-нибудь существенными рычагами противодействия давлению и насилию со стороны воеводской канцелярии.

Представленные эпизоды, скорее, иллюстрируют конкурентную борьбу между колыванскими управителями, с одной стороны, и приказчиками острогов и слобод, а также воеводой, с другой. Наиболее ярко характер соперничества был раскрыт Колыванской конторой, подчеркивавшей, что в случае беспорядков или

²⁵¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 186. Л. 12об.-13.

²⁵² Там же. Л. 12об.

²⁵³ Там же. Л. 13об.

²⁵⁴ Там же. Л. 12об.

²⁵⁵ Там же. Л. 13об.

мелких преступлений «прикащики не брав их [приписных крестьян и работных людей – Д.Б.] собою под караул и не держав немало времени, писали сюда в Колывановоскресенскую заводскую кантору, ибо таковым за непорядочные всякие поступки за драки и са пьянства (кроме криминальных и убивственных дел)²⁵⁶ по силе указов надлежащий наказаний чинятца от оной канторы бес всякой послабы»²⁵⁷.

При этом Колыванская кантора действовала в этом конфликте чрезвычайно грамотно, с опорой на существовавшую нормативную базу. Кузнецкому воеводе неоднократно указывалось на обособленный статус производственного комплекса А.Н. Демидова, отраженный в указах центральной власти 1719, 1726 и 1736 гг., а также в губернаторской резолюции 1740 г. На основании этих документов управители ведомства Колывано-Воскресенских заводов фактически открыто выступали за предоставление приписным крестьянам Верхнего Приобья особого статуса и полного, а не частичного изъятия их из административной юрисдикции приказчиков острогов и слобод (гражданских властей).

На протяжении первой половины XVIII в. на приказчиков острогов и слобод Верхнего Приобья ложилась колоссальная административная нагрузка, связанная с осуществлением управленческого процесса в локальном районе и предполагавшая непосредственное взаимодействие с поднадзорным населением и служилыми людьми. Законодательные инструментарииспособствовали соответствующей деятельности лишь частично, поскольку наказные памяти постепенно все больше приобретали черты унификации (что, в свою очередь, явно не способствовало повышению эффективности администрирования), а воеводские указы в большинстве случаев создавали предписывающее, но не регламентирующее поле. Как следствие, в условиях строгой персонификации власти на низовых звеньях системы управления приказчики выступали, с одной стороны, проводниками политики кузнецкого воеводы, а с другой – действовали в рамках освоенческой конъюнктуры, исходя из реальных условий протекания

²⁵⁶ Скобки стоят в источнике.

²⁵⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 186. Л. 18об.

управленческого процесса. Главным из таких обстоятельств, определявших административную повестку приказчиков, становился ресурсно-кадровый дефицит, который в той или иной мере сказывался на выполнении трех ключевых функций. Наиболее важной из них вплоть до середины XVIII в. оставалась оборонно-снабжение, нацеленная на создание адекватного ответа «степной» угрозе и защиту местных жителей. В ходе осуществления администрирования приказчикам постоянно приходилось реагировать на трансформацию управленческой доктрины регионального и уездного центров. Как в глазах воеводы, так и в сознании поднадзорного населения приказчики являлись фактически единственным легальным и не дискредитированным институтом управления, а оставление острогов без представителей государственной власти создавало ситуацию внутренней социальной напряженности и ставило под угрозу обороноспособность крепости.

2.3. Организация управления Верх-Иртышскими крепостями

Активное продвижение Российской империи в Верхнее Прииртышье и сооружение Ямышевской, Омской, Железинской, Семипалатной и Усть-Каменогорской крепостей в конце 10 – начале 20-х гг. XVIII в. потребовали соблюдения баланса между стратегическими задачами государства в регионе и той ограниченной ресурсной базой, которая потенциально могла быть привлечена и использована для их решения.

Один из ведущих военных аналитиков XIX в. М.И. Венюков, проанализировав эффективность функционирования оборонительных линий в Верхнем Обь-Иртышье в XVIII в., в том числе и Верх-Иртышских крепостей, пришел к выводу о том, что изначальные цели, преследовавшиеся имперскими властями при создании укреплений в Прииртышье (военно-колониационные и экспансионистские), не могли быть достигнуты ни при каких условиях. Причина этого ему виделась в огромных территориальных разрывах между инженерными объектами, а реальные функции группы крепостей в верховьях Иртыша в этом

случае сводились к поимке кочевников, возвращавшихся после грабежей и разбоев с территории Верхнего Приобья или междуречья Чарыша и Алея²⁵⁸.

Несоответствие изначальной программы освоенческим реалиям и региональной стратегической конъюнктуре обусловили необходимость наиболее эффективной и рациональной организации структуры управления, которая должна была стать едва ли не ведущим фактором укрепления влияния России в регионе.

Удаленность от губернского и уездного центров, острая военно-политическая обстановка, открытая агрессия джунгар (особенно при строительстве И.Д. Бухгольцем первого Ямышевского острога²⁵⁹) в сочетании с крайне слабым для крестьянского освоения колонизационным потенциалом Верхнего Прииртышья предопределили невозможность механической перцепции модели общегражданского управления Верхнего Приобья. Дополнительные сложности были связаны с тем, что российская часть Прииртышья в соответствии с административно-территориальным делением не относилась к Кузнецкому уезду²⁶⁰ и находилась, своего рода, в подвешенном состоянии.

В генеральной совокупности эти факторы потребовали выработки адаптивной модели управления, сочетавшей в себе элементы ведомственного (военного) и общегражданского подходов. Полностью военизированный вариант, исключавший соподчиненность с гражданскими структурами администрирования, в Верхнем Прииртышье не мог быть реализован в силу чрезвычайного удаления территории от имперского центра и концентрации широчайшего спектра властных полномочий в руках сибирского губернатора.

Административная вертикаль управления крепостями локального района в значительной степени являлась синкретичной с явными признаками одновременно и централизации и децентрализации. Номинально ключевая роль в формировании законодательного и управленческого поля принадлежала именным

²⁵⁸ Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии / Военно-ученый комитет Главного штаба. СПб., 1873. С. 17.

²⁵⁹ Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул, 1998. С. 24-31; Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. С. 37-42; Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы... С. 122-137.

²⁶⁰ Акишин М.О. Российский абсолютизм... С. 78.

императорским и на начальном этапе (первая четверть XVIII в.) сенатским указам. Однако их немногочисленность, а также заостренность на проблемах, не связанных с построением властной иерархии (отправка военных экспедиций в Верхнее Прииртышье²⁶¹, сооружение и «снятие» крепостей²⁶², интенсификация торговли в приграничных районах²⁶³), не способствовали созданию внятной и понятной другим субъектам управленческого процесса программы действий (доктрины). Единичным исключением из этого становились законы, связанные с изменением состояния или дислокации крепости. Так, в 1728 г. императорский указ предписывал «Семиполатную крепость переселить на новоприисканное место»²⁶⁴, что явилось одним из немногочисленных решений, полностью лежавшим в русле локальной военно-тактической конъюнктуры и выглядевшим с точки зрения управленцев различных уровней абсолютно обоснованным.

Системообразующими звеньями вертикали управления Верх-Иртышскими крепостями выступали Военная коллегия и Сибирская губернская канцелярия. Несмотря на разно-уровневую и разно-отраслевую принадлежность этих структур административную коммуникацию они осуществляли через промемории, то есть как равные друг другу по статусу государственно-правовые образования. Указы коллегии и губернатора направлялись «командиру Верх-Иртышских (Верхнеиртышских) крепостей» – старшему по званию штаб-офицеру, контролировавшему гарнизонные канцелярии каждого оборонительного сооружения. Командир Верх-Иртышских укреплений располагался в Ямышевской крепости и на протяжении всей первой половины XVIII в. совмещал свою непосредственную должность с обязанностями начальника гарнизона этого стратегического форпоста. Наиболее известными руководителями Ямышевской гарнизонной канцелярии являлись майор Иван Вельяминов-Зернов, секунд-майор Афанасий Зыбин, полковник Тимофей Зорин.

Непосредственное (регулярное) администрирование в крепостях осуществляли командиры – штаб-офицеры, управлявшие местным гарнизоном.

²⁶¹ ПСЗРИ. Собрание 1-е. (1649-1825). СПб., 1830. Т. V. № 2811, 3284.

²⁶² РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 156. Д. 51. Л. 521; Оп. 7. Кн. 382. Д. 45. Л. 308.

²⁶³ ПСЗРИ. Собрание 1-е. (1649-1825). СПб., 1830. Т. VI. № 3716.

²⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 690. Д. 57. Л. 634об.

Наличие гарнизонных канцелярий являлось яркой особенностью южных районов Западной Сибири как колонизируемой окраины²⁶⁵. В специальной литературе существует точка зрения, согласно которой руководителей гарнизонных канцелярий крепости следует именовать «комендантами»²⁶⁶. Следует признать, что она не имеет под собой ни юридического (административно-правовой статус комендантов офицеры-начальники гарнизонных канцелярий получили лишь при И.И. Шпрингере в 1765 г.²⁶⁷), ни документального основания (в документах Военной коллегии и Сибирской канцелярии говорилось именно о «командирах»²⁶⁸). Штаб-офицеры, возглавлявшие канцелярии, получали прямые указы Военной коллегии и сибирского губернатора, однако подотчетны были только региональной гражданской власти: командир Верх-Иртышских крепостей отправлял в губернский центр доношения, составленные, в свою очередь, на основе доношений нижестоящих штаб-офицеров. В исключительных случаях указы в крепости Верхнего Прииртышья отправлялись через Тарскую контору.

Институционализация командиров Верх-Иртышских укреплений как административных структур проходила в ситуации возникновения системных противоречий между гражданскими и ведомственными институтами управления. Руководители крепостей фактически оказывались заложниками борьбы интересов как разно-уровневых, так и различных по отраслевой принадлежности органов государственной власти. Кристаллизация ядра разногласий между ними связана с широким спектром противоречивших друг другу подходов в вопросах назначения и функционирования российских оборонительных сооружений в Прииртышье. Так, в одной из промеморий Коллегии иностранных дел говорилось о необходимости воспрепятствования допуску киргизов к российской территории и даже джунгарским улусам, однако Военная коллегия не собиралась интегрировать

²⁶⁵ Ананьев Д.А. К вопросу о компетенции комендантов пограничных крепостей Южной Сибири в первой половине XVIII в. // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII – XX вв.: сборник материалов международной научной конференции. Новосибирск, 2011. С. 38.

²⁶⁶ Там же. С. 38.

²⁶⁷ Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. С. 176.

²⁶⁸ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 108. Л. 2-10; Д. 117. Л. 2-8; Д. 261. Л. 17-20.

задачу установления буферной преграды в сферу управленческих полномочий командиров крепостей²⁶⁹.

При этом избранный Военной коллегией курс вызывал откровенное раздражение губернской администрации. На протяжении конца 30 – начала 40-х гг. XVIII в. Тобольская канцелярия (как правило, с подачи кузнецких воевод) неоднократно указывала военному ведомству на стойкую неспособность командиров Верх-Иртышских крепостей осуществлять безопасность в районе Колывано-Воскресенских рудников и Алейской степи. В качестве аргумента приводились многочисленные случаи разбойных нападений джунгар и казахов на крестьян Кузнецкого уезда или рабочих Колывано-Воскресенских предприятий. Стоит отметить, что только в течение 1740 – 1743 гг. имело место пять инцидентов, связанных с разбоем и причинением увечий российским жителям²⁷⁰. Наиболее четко осознание неспособности полностью пресечь набеги кочевников исключительно собственными силами нашло выражение в одной из промеморий Сибирской губернской канцелярии в Военную коллегию 1742 г., где среди прочего подчеркивалось: «но токмо Сибирская губерния на великой обширности в пограничности состоит фарпостами, за обширностью обнять и от неприятелского входу охранить неспособно»²⁷¹. С другой стороны, региональные власти всячески подчеркивали, что со своей стороны прикладывают значительные усилия и «краинее старание и попечение имеют»²⁷².

Своеобразный «диагноз», поставленный региональной администрацией общему состоянию дел в южных районах Западной Сибири в целом и в крепостях Иртышской линии в частности, безусловно, показателен. Однако Военная коллегия далеко не сразу прислушалась к рациональным аргументам и долгое время не вносила корректив в свою политику, считая обеспечение безопасности в конкретном районе исключительной заботой властей на местах. В своих указах штаб-офицерам в Верх-Иртышских крепостях, посылавшихся через губернскую канцелярию, военное ведомство лишь требовало учитывать в своих действиях

²⁶⁹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 108. Л. 8.

²⁷⁰ Там же. Л. 229.

²⁷¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 117. Л. 2.

²⁷² Там же.

потенциальную возможность агрессии различных кочевых племен в отношении российских укреплений. При этом каких-либо конкретных решений, повышавших эффективность военного администрирования, начальникам гарнизонных канцелярий долгое время не представлялось.

Определенные подвижки в этом плане связаны с наметившимся на рубеже 30 – 40-х гг. XVIII в. стремлением Военной коллегии усовершенствовать систему укреплений будущей Иртышской линии. В качестве средства реализации намеченного курса ведомством рассматривалась отправка инженеров-специалистов для обследования крепостей, анализа расположения редутов и форпостов между ними. Задачу поиска и подбора соответствующих персоналий коллегия попыталась по умолчанию переложить на региональные власти. Такое решение центрального ведомства шло вразрез с общей рациональной логикой освоения, поскольку не учитывало сложившийся кадровый и ресурсный дефицит при обеспечении управления в Верхнем Прииртышье. В ответ сибирский губернатор фактически напрямую укорял Военную коллегия за непонимание ситуации в Обь–Иртышском междуречье и лишь констатировал неспособность самой коллегии в силу различных проволочек прислать компетентных специалистов в Верх-Иртышские крепости. Ситуация приобрела настолько острый характер, что снять напряженность удалось лишь после вмешательства Сената, решение которого было обращено к Военной коллегии и в категорически императивной форме содержало требование «означенных артиллерских инженеров прислать в Сибирскую губернию без замедления»²⁷³. Более того, Сенат оказался настолько обеспокоен отсутствием информации должного уровня о ситуации в приграничной зоне, что в 1744 г. указал: «подать устоятельную ведомость немедленно Сибирской губернии: вверх по реке Иртыше, по устью реки Черной Оми и под городом Кузнецком по речку Уень... какие имянно и в каких местах построенные российские крепости имеются, в каком оныя состоянии, и

²⁷³ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 117. Л. 2об.

надлежащая ко обороне тех крепостей с ее амунициею и служителями есть ли, и сколько чего»²⁷⁴.

Ощущая административное давление сразу по двум направлениям: со стороны Сената и Сибирской канцелярии, Военная коллегия попыталась переложить часть вины за бюрократизацию при оптимизации управления Верх-Иртышскими крепостями на свое подчиненное ведомство – Канцелярию главной артиллерии и фортификации²⁷⁵. Непосредственная задача этого органа заключалась в учете и инспектировании состояния артиллерийского фонда, а также инженерных укреплений в различных губерниях. В справке Военной коллегии 1743 г. содержалось прямое обвинение фортификационной конторы в использовании устаревших данных, сгенерированных еще при фельдмаршале Х.А. Минихе в 1730 г.²⁷⁶ Информация относительно ресурсного фонда крепостей Верхнего Прииртышья, представленная Канцелярией главной артиллерии и фортификации в 1730 – 1735 гг. в виде «Инвентариумов» (специальных реестров), действительно, по многим позициям даже противоречила здравому смыслу. Например, ни в одной из крепостей на Иртыше за исключением Ямышевской не было учтено ни одного гвоздя, ни одного фунта дрови и железа, а свинцовые пули якобы находились исключительно в распоряжении защитников Семипалатного укрепления. Более-менее строгому учету специалистами конторы подлежали только пушки, ядра и порох. По «Инвентариуму» 1735 г. в Семипалатной крепости в общей сложности насчитывалось 10 пушек различного калибра²⁷⁷, 3627 ядер к ним и более 271 пуда пороха, в Ямышевской – 9 пушек, 3605 ядер, 412 пудов пороха, в Усть-Каменогорской – 4 пушки, 1981 ядро и более 138 пудов пороха²⁷⁸. Наличие столь очевидных противоречий в строгой фиксации пушек и пороха в сочетании с откровенным невниманием к другим видам ресурсов, использовавшихся гарнизонами крепостей для обороны и хозяйственной

²⁷⁴ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 261. Л. 17.

²⁷⁵ Возникла в начале XVIII в. в качестве походной артиллерийской канцелярии, с 1719 г. подчинена Военной коллегии, в 1729 г. преобразована в Канцелярию артиллерии и фортификации.

²⁷⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 261. Л. 3.

²⁷⁷ Согласно шкале Гартмана артиллерийские орудия в России стали подразделяться по артиллерийскому весу снаряда

²⁷⁸ РГВИА. Ф. 5. Оп. 6. Д. 1. Л. 44-49.

деятельности, заставляет относиться к таким данным чрезвычайно критично. Кроме того, на момент 1742 – 1743 гг. соответствующие «Инвентариумы» действительно не обновлялись, что полностью лишало возможности центральные органы сформировать сколько-нибудь объективную картину состояния ресурсной базы в Верх-Иртышских крепостях.

В свою очередь, активная и неподдельная заинтересованность Тобольской канцелярии вопросами обеспечения и повышения эффективности безопасности в Прииртышье не являлась единичным случаем. В 1739 г. Сенат и Военная коллегия совместно отметили, что Сибирская губерния единственная из всех приграничных регионов страны подала полный «рапорт». В этом документе губернатор не просто отчитывался о выполнении программы действий по обеспечению безопасности укреплений на Иртыше, но и попытался провести их рефлексию, указывал на слабость некоторых сооружений и неумелую организацию обороны отдельными воеводами и начальниками гарнизонных канцелярий²⁷⁹.

Однако и в рядах региональной администрации на протяжении второй четверти XVIII в. не наблюдалось тотального консенсуса. В условиях строгой персонификации власти на личности губернатора и концентрации у него максимального спектра полномочий на региональном уровне вся тяжесть выработки управленческой доктрины, а также объем административной деятельности замыкались на конкретной фигуре. Смена первого лица области предопределяла серьезные изменения в административном курсе. Так, Иван Афанасьевич Шипов при вступлении в должность сибирского губернатора в 1741 г. в одном из первых своих документов подчеркнул отсутствие у него сколько-нибудь достоверных сведений о крепостях на Иртыше. Тобольская канцелярия на тот момент располагала ведомостями, моральное устаревание которых было очевидно даже только что назначенному управленцу.

Наличие серьезных расхождений во взглядах Военной коллегии и региональной администрации становилось одним из главных, однако не

²⁷⁹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 99. Л. 10об.

единственным фактором торможения процесса институционализации командиров крепостей как управленческих структур. Другим выступало отсутствие какого-либо правоустанавливающего документа, регулировавшего деятельность штаб-офицеров в Верх-Иртышских укреплениях. В отличие от приказчиков острогов и слобод Верхнего Приобья, для которых таковым документом становилась наказная (воеводская) память, командиры крепостей на Иртыше в своих действиях опирались исключительно на спорадически спускавшиеся сверху указы, не имея в своем распоряжении базового варианта акта, объединявшего в себе параметры нормативного поля и должностной инструкции. Как следствие, складывавшаяся модель управления была максимальна императивной по своему характеру, устранялись практически все формально-правовые варианты диспозитивного поведения штаб-офицеров.

Этот эффект усиливался за счет узости круга лиц, попадавших под юрисдикцию локальных администраторов. Вплоть до 40-х гг. XVIII в. только в районе Ямышевской и Железинской крепостей имелись хотя бы незначительные селения с гражданскими жителями²⁸⁰. В остальных укреплениях командиры осуществляли управление исключительно местными гарнизонами. Количественный состав последних, конечно, был несоизмеримо выше, чем в острогах Верхнего Приобья, но в условиях удаления от крупных городов и гарнизонных центров, представлялся, все же, недостаточным для обороны от массированного нападения калмыков. К середине 20-х гг. XVIII в. во всех Верх-Иртышских крепостях насчитывалось в общей сложности 750 казаков, в том числе, в Ямышевской, Семипалатной по 200 человек, в Усть-Каменогорской – 100, в Железинской – 50²⁸¹. В течение следующих нескольких лет численность гарнизонов возросла несущественно и в совокупности достигла 782 казаков²⁸². А.С. Зуев показывает, что к 1735 г. в Верх-Иртышских крепостях в общей сложности находилось 674 человека, из них 669 были пешими казаками²⁸³. Из

²⁸⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 690. Д. 57. Л. 630.

²⁸¹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 21об.

²⁸² Там же. Л. 22-23.

²⁸³ Зуев А.С. Штатная реформа сибирского казачества 1737 г. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: история, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1. С. 23, 25; РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 500. Д. 1. Л. 18.

ответов В. Шишкова на анкеты В.Н. Татищева вытекает, что к 1737 г. в Ямышевской крепости находилось 390 защитников, в Семипалатной – 331, в Усть-Каменогорской – 135²⁸⁴. По выкладке, представленной лично Т. Зориним, в 1744 г. в Ямышевской крепости числилось 403 человека, в Семипалатной – 304, в Усть-Каменогорской – 141, то есть всего около 850 солдат и офицеров, однако более половины из них находились в командировках в недавно построенных редутах, форпостах и защитах, а также в различных иных посылках или караулах²⁸⁵. С этими показателями практически идентично согласуются данные, представленные в свое время Г.Н. Потаниным²⁸⁶.

Специфика институционализации и немногочисленность поднадзорного населения в своей совокупности детерминировали ограниченность функционала командиров крепостей. Деятельность штаб-офицеров осуществлялась по нескольким направлениям: оборонительное, дипломатическое и таможенно-полицейское.

Безусловной и априорной значимостью в условиях перманентной угрозы набегов кочевников обладала оборонительная функция. Специфика ее осуществления может быть раскрыта путем рассмотрения ряда локальных полномочий и обязанностей. Прежде всего, несмотря на определенное недопонимание между губернской канцелярией и Военной коллегией устанавливалась система охраны российских укреплений в Прииртышье с целью «дабы неприятельские люди между Верхиртышских крепостей не просочились». Военная коллегия через Тобольск поручала командиру всех Верх-Иртышских сооружений дважды в год совершать «разведку» – объезжать все укрепления формировавшейся линии с целью осмотра их состояния. На основе результатов «разведок» региональными и центральными властями принимались решения о создании дополнительных форпостов и разъездов между крепостями²⁸⁷. Штаб-

²⁸⁴ Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730 – 1740-х гг. (по анкетам В.Н. Татищева): сб. док. СПб., 2010. С. 45.

²⁸⁵ Контев А.В. Формирование вооруженных сил на Иртышской пограничной линии в середине 1740-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 52.

²⁸⁶ Материалы для истории Сибири / сост. Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1867. С. 18.

²⁸⁷ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 45. Л. 5; Д. 99. Л. 1; Д. 117. Л. 8об.

офицерам, управлявшим гарнизонными канцеляриями, предписывалось в обязательном порядке дважды в месяц совершать объезд форпостов и редутов, находившихся в непосредственной близости от укреплений²⁸⁸. Однако на практике обязанности инспектирования перекладывались старшими офицерами на представителей младшего командного состава.

В случае потенциальной военной угрозы губернская канцелярия посылала командиру Верх-Иртышских крепостей указы «об имени строгой предосторожности и в российския границы чинить военный отпор»²⁸⁹. В дальнейшем он рассылал в гарнизонные канцелярии каждого укрепления директивы по заготовке провианта и фуража для довольствия команд в случае осады. При нападении на крепости или прилегавшие к ней постройки всем штаб-офицерам следовало незамедлительно известить командира Верх-Иртышских крепостей и тарского воеводу. Никаких конкретных инструкций по отражению набегов не существовало²⁹⁰. Причем, несмотря на свою примитивность, система оказалась достаточно жизнеспособной. В Ямышевскую канцелярию стекалась вся информация относительно изменения обстановки в локальных районах как выше по течению Иртыша, так и ниже. Как правило, доношения штаб-офицеров были сходны по содержанию и составлялись примерно по одному шаблону: «возымелись де в прибытии к ним к крепости к Семиполатной по другой стороне Иртыша реки со степи владения Галдан Чирина калмыки сто человек»²⁹¹.

Большинство таких «визитов» заканчивались мирно, стычки и нападения на крепости на протяжении второй половины 20 – середины 40-х гг. XVIII в. не зафиксированы. Гораздо более волнительными для штаб-офицеров становились инциденты, связанные с отправкой в верховья и на другую сторону Иртыша солдат для выполнения хозяйственных работ (в частности, заготовки сена). Начиная с 20-х гг. и вплоть до середины XVIII в. командиры гарнизонных канцелярий испытывали серьезнейшие трудности со снабжением провиантом и фуражом, так как в случаях перебоев или полного отсутствия поставок из

²⁸⁸ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 108. Л. 45.

²⁸⁹ Там же. Л. 3; Д. 117. Л. 2.

²⁹⁰ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 45. Л. 9-10; Д. 117. Л. 9об-10.

²⁹¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 45. Л. 9.

административных пунктов Кузнецкого уезда (наибольший удельный вес в снабжении принадлежал округам Белоярской крепости и Малышевой слободы) штаб-офицеры фактически оставались с проблемой один на один, не обладая необходимым опытом административно-хозяйственной деятельности и кадрами для ее разрешения. Особого внимания заслуживает случай, произошедший в 1734 г. Командир Семипалатной крепости Башманов приказал капралу Ивану Шпыневу вместе с 34 солдатами выдвинуться в район Стеклянного острова, располагавшегося в пяти километрах южнее крепости. Выкосив там всю траву, И. Шпынев самовольно решил отправить двух человек в лодке на левый берег Иртыша в район впадения в него реки Ленежки «для присмотру травы». Сойдя на берег, солдаты столкнулись с серьезным калмыцким отрядом численностью более 100 человек. И. Шпыневу не оставалось ничего другого, кроме как бросить все основные силы на выручку. Подоспевшие на лодках русские с колоссальным трудом обратили калмыков в бегство, однако не смогли спасти солдат Степана Чухреева и Ивана Шапова: «калмыков отбили, а их де отослали на степь... де вышеписанных салдат Чюхреева убита по смерти, и затоптан де в той речке Ленежке в камышу, и ободран лежит, и ран на нем копейных немалое число, а помянутого до Шапова нашли на другой стороне Иртыша реки на острове изранена у левой руки лопатки копьем»²⁹². По возвращении в Семипалатную крепость находившийся в тяжелом состоянии И. Шапов все же указал конкретный район и урочище, откуда напали калмыки. В этой ситуации Башманов не нашел ничего лучше, чем отправить небольшой отряд численностью в 16 человек в калмыцкую степь для розыска и поимки убийц С. Чухреева. Несмотря на то, что дальнейших стычек не произошло, и русский отряд в соответствующем районе никого не нашел, действия как И. Шпынева, так и Башманова сложно оценить по-другому иначе как авантюрные и, во многом, даже преступные. Безответственностью обоих откровенно возмущался секунд-майор Енисейского пехотного полка (к которому принадлежали оба солдата) А. Зыбин, замещавший

²⁹² РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 45. Л. 9об.-10.

на момент 1734 г. должность командира Верх-Иртышских крепостей²⁹³. Однако наиболее интересной стала реакция Военной коллегии, которая приняла решение не о наказании офицеров, а сформулировала требование к Коллегии иностранных дел: оказать дипломатическое давление на контайшу с тем, чтобы снизить уровень агрессии его подданных в прибрежной зоне Иртыша и, в том числе, на левом берегу реки²⁹⁴.

Не меньшую тревогу как командиров крепостей, так и региональной администрации вызывали учащавшиеся стычки в приграничной зоне между русским населением и кочевниками (джунгарами, киргизами, башкирцами). Сенокосные угодья на левой стороне Иртыша долгое время оставались крайне притягательны для жителей Верхнего Обь-Иртышья и рабочих Колывано-Воскресенских предприятий. В результате «походов» на другой берег Иртыша с середины 30-х по середину 40-х гг. XVIII погибло около 10 крестьян и почти в два раза больше были изувечены. Как правило, джунгары или киргизы нападали небольшими отрядами по 25 – 35 человек с конкретной целью угона лошадей. Насилие в этих случаях выступало сопутствующим фактором²⁹⁵.

После печального опыта 1734 г. командиры крепостей лишь фиксировали такие случаи, но практически никогда не вмешивались, ограничиваясь сообщением вышестоящему начальству «почти каждой год на том сенокосе от воровских людей нападением вред чинитца, о чем государственной Военной коллегии покорно доносилось»²⁹⁶. Значительно больше внимания уделялось агрессии в отношении русских на правом берегу Иртыша и в районе Колывано-Воскресенских предприятий. В 1743 г. отряд кочевников численностью около 20 человек атаковал трех крестьян деревни Иконникова Бийского ведомства. Елисей Манаев, Иван Манаев и Яков Иконников отправились (без санкции приказчика крепости) на звериный промысел и находились примерно в 40 километрах от Колывано-Воскресенского завода. Результат нападения был чрезвычайно плачевен: «убили до смерти Ивана Манаева [и] Якова Иконникова, а его де

²⁹³ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 45. Л. 10.

²⁹⁴ Там же. Л. 11.

²⁹⁵ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 108. Л. 211.

²⁹⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 318. Л. 2.

Елисея ранили копьем в правую руку, да в левое плечо, да в бок и отбили ружья три винтовки, пороху с полфунта, семь лошадей»²⁹⁷. Однако разбойники этим не ограничились и по пути к Иртышу ранили одного рабочего Колыванских заводов и еще одного убили, угнав с собой 61 лошадь. Информация о таких нападениях поступала к командирам крепостей на Иртыше уже постфактум, спустя определенный период от 2 до 10 дней, что лишало их возможности осуществлять поиск недоброжелателей по горячим следам, так как кочевники к этому времени покидали район Верхнего Обь-Иртышья. В ситуации фактической оголенности района Колыванских предприятий с юга и значительного территориального разрыва между российскими укреплениями в Прииртышье последние не могли полностью обеспечить безопасность процессов хозяйственного освоения региона, а пассивность командиров крепостей в вопросах предотвращения стычек имела под собой как объективную, так и субъективную подоплеку.

Внутри оборонительной функции начальников гарнизонных канцелярий фактически самостоятельный характер приобретала разведка. Наибольшей эффективностью со всех точек зрения обладала активная разведка, заключавшаяся в отправке в Прииртышье специальных отрядов во главе с капралом или даже сержантом. Однако такие «экспедиции» несмотря на то, что, с одной стороны, становились источником важной информации относительно джунгарской активности в Прииртышье, с другой стороны, ставили под угрозу военно-стратегическое равновесие в локальном районе. В 1742 г. капрал Железинской крепости И. Салдатов вместе с семью рядовыми обнаружил в районе Орловского озера на левом берегу Иртыша «калмыцкой сухопутной тракт». Вскоре из Железинской крепости на этот «тракт», то есть на левую сторону Иртыша было командировано 34 человека, которые обнаружили 12 контайшиных данников. В итоге открытого конфликта удалось избежать, поскольку калмыки скрылись, не подпустив к себе русскую военную команду²⁹⁸. При этом подданные контайши считали указанный «тракт» исторически своим (этот факт косвенно

²⁹⁷ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 318. Л. 229.

²⁹⁸ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 108. Л. 47-49.

подтверждался даже самой губернской администрацией)²⁹⁹. Как в этом примере, так и в рассмотренных выше инцидентах действия командиров крепостей не могут быть оценены однозначно. Отправляя столь значительные силы, штаб-офицеры прекрасно понимали, что их действия нарушали официальную парадигму восприятия границы, но с другой стороны, соответствовали вышестоящим распоряжениям и частично военно-тактической ситуации в локальном районе.

Фиксации руководителями гарнизонных канцелярий подлежала любая информация о происходивших в Прииртышье событиях, особенно, если они касались русских людей или барабинских татар. В середине 30-х гг. XVIII в. командир Верх-Иртышских крепостей доносил о том, что пять барабинских ясашных татар отправились на реку Курук³⁰⁰ в междуречье Оби и Иртыша, где на них напали «Казачьей Орды человек с пятьдесят... и обрали де лошадей, и платье, и что было у них в добыче на промыслу»³⁰¹. Летом 1744 г. три теленгита, оказавшиеся в Усть-Каменогорской крепости, подробным образом сообщили ее командиру информацию о готовившемся нападении на все Верх-Иртышские укрепления³⁰².

Сбор разведывательной информации мог носить и вполне осознанный, конкретный интерес. В 1743 г. между коренными жителями Прииртышья и русскими военными командами распространился слух о кончине Галдан Цэрена³⁰³. С целью верификации многочисленных, но, при этом, хаотичных сообщений командиру Верх-Иртышских крепостей полковнику Т. Зорину губернской канцелярией поручалась реализация целой разведывательной программы. Прежде всего, надлежало «чрез какой случаи возможно наведатьца секретно: подлинно ль зюнгорский владелец Галдан Чирин умре»³⁰⁴, то есть выяснить, жив ли джунгарский правитель. Далее, Т. Зорину рекомендовалось

²⁹⁹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 37. Л. 13.

³⁰⁰ Река Курук входит в гидрографическую систему бассейна Верхней Оби и является водохозяйственным участком Катуня

³⁰¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 108. Л. 45.

³⁰² Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. С. 96.

³⁰³ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 108. Л. 207.

³⁰⁴ Там же. Л. 209.

установить диспозицию и настроения внутри ойратской элиты, а в случае смерти Галдан Цэрена собрать как можно больше информации о новом контайше. Самым сложным для командира Верх-Иртышских крепостей стал последний пункт, предписывавший отслеживать динамику джунгарско-китайских отношений в контексте обеспечения безопасности российских укреплений в Прииртышье³⁰⁵.

Т. Зорин в своем доношении стремился ответственность по каждому заявленному пункту, однако в итоге все равно сбивался к обрывочному и эклектичному повествованию. В частности, полковник сообщал, что им «собраны верные сведения через торгующих бухарцев, киргиз-кайсаков и русских, что в Зенгорской землице» Галдан-Цэрен жив и не ведет никаких приготовлений к войне с Россией. Более того, Т. Зорин неоднократно подчеркивал якобы наметившееся «потепление» отношений между Россией и Джунгарским ханством³⁰⁶.

Внимания командиров группы Иртышских укреплений требовал и вопрос поддержания укреплений в актуальном для отражения потенциального набега состоянии. В этом случае ими проводились обследования, сопровождавшиеся достаточно внушительной аналитической выкладкой. Сенатские делопроизводственные архивы сохранили выписки из нескольких подобных документов. Так, в 1725 г. командир Верх-Иртышских крепостей И.М. Вельяминов-Зернов доносил в губернскую канцелярию о том, что «под Семиполатной крепостью яру омыло немалое число, и угловой болгорок омыло же, и ныне де берет и за оным... на той стороне крепости стоять невозможно, и по посланным к нему указу перенести удобно, и имянно вниз по Иртышу от оногo места, где ныне состоит в десяти верстах»³⁰⁷. Схожее заключение спустя три года представил и командир Семипалатной крепости капитан Мерлин³⁰⁸.

В случае обострения ситуации в приграничной зоне аналитические выкладки командиров Верх-Иртышских крепостей могли сопровождаться даже строгим

³⁰⁵ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 108. Л. 209-210.

³⁰⁶ Международные отношения в Центральной Азии. XVII – XVIII вв.: Документы и материалы. Кн. 1. М., 1989. С. 296.

³⁰⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 690. Д. 57. Л. 629.

³⁰⁸ Там же.

предостережением для губернской канцелярии. А.В. Контев приводит данные о том, что в 1744 г. в ситуации риска набега ойратов Т. Зорин внятно предупреждал региональные власти: «а ежели будет нападение неприятельское, то никоими меры за оным малолюдством будет дать отпор и сикурску»³⁰⁹. Более того, полковник констатировал неспособность гарнизонов Верх-Иртышских крепостей держать эффективную оборону (в силу малочисленности состава) и фактически требовал, «чтоб соблаговолено было в здешнюю Ямышевскую крепость и в протчие в Верхиртышские крепости ж прислать конницы со удовольствием... бес которых, воистину, за малолюдствием пробить невозможно»³¹⁰.

Генезис дипломатической функции в административном статусе командиров крепостей связан с тем, что именно через Верхнее Прииртышье пролегал путь как российских дипломатов в Джунгарию, так и ойратских посланников в Тобольск и Москву. Зачастую Семипалатная или Ямышевская крепости становились перевалочным пунктом на маршруте следования послов. В связи с прибытием в российские укрепленные форпосты ойратских внешнеполитических агентов штаб-офицерам приходилось совершать действия в рамках дипломатического протокола. В одном из своих писем И.М. Вельяминов-Зернов вспоминал: «и марта ж 19-го дня, поставя полатки, выходил я к ним и звал их к себе обедать, и я их спрашивал, зачем их контайша посылает до царского величества. И они мне говорили, чтоб де великий государь контайшу милостиво призрил»³¹¹.

Таможенно-полицейская функция командиров Верх-Иртышских крепостей состояла из двух полусамостоятельных элементов. Таможенная была связана с необходимостью упорядочивания контроля над меновыми процедурами между российскими жителями и ойртами в приграничных районах в силу резко возросшего потока товарооборота. По поручению полковника Якова Павлуцкого джунгарским подданным разрешалось приезжать в русские приграничные районы для осуществления обмена. В этой ситуации штаб-офицеры учреждали

³⁰⁹ Цит. по: Контев А.В. Формирование вооруженных сил... С. 52.

³¹⁰ Цит. по: Контев А.В. Формирование вооруженных сил... С. 52.

³¹¹ Международные отношения в Центральной Азии... С. 250; РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1719. Л. 29.

специальные «караулы»³¹², следившие за чистотой торговых операций. Сибирская губернская канцелярия всячески стремилась форсировать строительство «гостиных дворов» в главных точках торговли Верх-Иртышских крепостей: Усть-Каменогорской и Семипалатинской³¹³. Однако это встречало скрытое противодействие командиров укреплений, в своих доношениях обстоятельно замалчивавших эту тему³¹⁴.

Становление некоторых крепостей на Иртыше в качестве торговых центров актуализировало полицейскую подфункцию, предполагавшую применительно к ситуации первой половины XVIII в. организацию обеспечения общественного порядка на вверенной штаб-офицерам территории. Как правило, она реализовывалась в отношении российских и иностранных торговых агентов, оказывавшихся в пределах той или иной крепости.

Отсутствие внятной, детально регламентировавшей администрирование нормативно-правовой базы в сочетании с синкретизмом функционального статуса руководителей гарнизонных канцелярий порождали пересечение в деятельности управленцев сразу нескольких функций. Показательным в данном отношении является указ сибирского губернатора П.И. Бутурлина, адресованный Т. Зорину и предполагавший досмотр в Ямышевской крепости не только рядовых джунгарских и бухарских торговцев, но и караванов личных посланников контайши, которые покидали пределы России: «товары их осмотреть: не имеетца л в тех товарах для провосу ими в свою землю пороху, свинцу и протчих заповедных товаров, и ежели по осмотру у оных служителей или у протчих калмык и бухарцов явитца порох и свинец и другие какие заповедные товары, то оных заповедных товаров в их Зюнгорскую землю по силе преждепосланных укасов не пропускать»³¹⁵. При этом следует учитывать, что подобные распоряжения губернской канцелярии явно выходили за рамки дипломатического протокола и ставили командиров крепостей в откровенно неудобное положение,

³¹² РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 108. Л. 101.

³¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 2. Д. 96. Л. 1.

³¹⁴ Там же. Л. 2-3.

³¹⁵ РГАДА. Ф. 415. Оп. 1. Д. 13. Л. 225-225об.

поскольку джунгарские посланники неоднократно и в общем-то справедливо указывали на недопустимость подобных действий.

Полицейский функционал штаб-офицеров гарнизонов Верх-Иртышских укреплений не исчерпывался охраной порядка и пресечением незаконных действий при совершении торговых операций или нарушений пределов государственной территории. Управленцы осуществляли поимку и допросы джунгар, казахов, ясачных татар, без внятной причины оказывавшихся в районе крепости, реже – беглых русских крестьян. В этом случае лица, задержанные, как правило, в окрестностях Усть-Каменогорской или Семипалатинской крепости отправлялись в Ямышевскую канцелярию.

Таким образом, на местах, то есть в крепостях осуществлялись лишь первичное дознание, направленное на установление личности задержанного, его национальной и административно-территориальной принадлежности, а также маршрута движения. Дальнейшие подробные допросы происходили именно в Ямышевской гарнизонной канцелярии. Внимание командиров крепостей к получаемым сведениям возрастало в контексте обострения приграничной ситуации³¹⁶.

При этом стоит отметить, что в некоторых случаях штаб-офицеры в своих доношениях сознательно нивелировали характер усложнения обстановки вблизи укрепления и степень угрозы набегов, так как, с одной стороны, не доверяли временами действительно самонадеянным сообщениям калмыков, бухарцев и коренных жителей Верхнего Обь-Иртышья, а с другой – опасались жесткого и не подкрепленного ресурсным насыщением ответа на данные сообщения губернской канцелярии³¹⁷.

Некоторые сведения, полученные в результате допросов в крепости добровольно явившихся или пойманных аборигенов, становились открытием и для самих штаб-офицеров. Так в одном из своих донесений Т. Зорин не без доли удивления отмечал наличие достаточно хорошо организованной разведки у

³¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 6. Кн. 334. Д. 18. Л. 170-171.

³¹⁷ Там же. Л. 171об.

киргизов: «киргиз каисаки... обспрашивали: скоро ль де русские люди станут хлеб жать и сена ставить, и когда де русские люди для работ будут в поле бабы и малые ребята, то де им каисакам будет хорошо»³¹⁸.

Еще одним субнаправлением деятельности командиров Верх-Иртышских крепостей становился учет и хранение государственных бумаг. Законы и подзаконные нормативно-правовые акты, поступавшие в Ямышевскую канцелярию, подлежали «хранению и публикованию... и в Верхиртышских крепостях командующему... чинить в том по оным»³¹⁹. Однако в отличие от острогов и слобод Верхнего Приобья в укреплениях на Иртыше управленцы не проводили промульгации в строгом смысле этого слова, так как гражданское население в крепостных районах практически отсутствовало, а в Сенатских документах напрямую значилось: «Семиполатная и Усть-Каменогорская крепости стоят в великой дальности в степи и селения никакого при них кроме обретающихся для охранения служилых людей не имеется»³²⁰. В итоге поступавшие законы фиксировались в журналах, а их содержание учитывалось командирами гарнизонов при формировании собственной управленческой программы и принятии административных решений. Кроме того, штаб-офицеры, руководившие гарнизонными канцеляриями, были обязаны ведать реализацией и не допускать сбоев в использовании гербовой бумаги³²¹.

Следует констатировать, что система администрирования Верх-Иртышскими крепостями в первой половине XVIII в. являлась эклектичной и слабо структурированной по своему характеру. Активное вовлечение в управленческий процесс центральных органов власти, в том числе Военной коллегии, Коллегии иностранных дел, а также Сената периодически создавало контекст противоречия имперской доктрины, спускавшейся сверху, интересам региональной власти и военно-политической обстановке вокруг крепостей на Иртыше. В этой связи отсутствие должной документальной регламентации деятельности командиров крепостей как локального звена управленческой иерархии лишь усиливало

³¹⁸ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 108. Л. 211об.

³¹⁹ РГАДА. Ф. 415. Оп. 1. Д. 13. Л. 583.

³²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 690. Д. 57. Л. 630.

³²¹ Ананьев Д.А. К вопросу о компетенции... С. 40.

размывание функционального статуса этого института. Однако такой, на первый взгляд, негативный эффект в условиях острого ресурсно-кадрового дефицита, немногочисленности административно подчиненного населения не означал снижения эффективности управления.

Внедренная на территории Верхнего Обь-Иртышья в течение первой половины XVIII в. система управления представляла собой переходно-гибридный вариант, который был основан на синтезе позднесредневековых принципов осуществления управления и соответствующих подходов образца раннего Нового времени. Строгая, местами даже излишняя иерархичность административной вертикали в теории должна была создавать дополнительные инструменты контроля за реализацией принятых вышестоящими учреждениями решений.

Однако на протяжении всего рассматриваемого периода ключевой тенденцией в динамике системы управления являлось сохранение значимости «личного начала». Это предполагало строгую персонификацию власти, ее исключительную концентрацию на местном уровне в руках лица, занимавшего должность воеводы, а на локальном – приказчика или штаб офицера гарнизонов на Иртыше. Таким образом, именно личное начало на нижних ярусах административной иерархии способствовало непосредственному обеспечению управленческого процесса.

Нормативно-правовая основа деятельности как местных, так и локальных управленцев отличалась своей фрагментарностью, схематичностью и слабым соответствием освоенческим реалиям локального района. Этими же чертами обладали положения имперской управленческой доктрины, транслировавшиеся центральными и региональными органами управления. В документах, поступавших на места из столицы или Тобольска, как правило, содержалось указание на необходимость выполнения конкретной задачи, но отсутствовала отсылка к способам ее выполнения.

Заключение

Начальный этап активного проникновения и закрепления за Россией Верхнего Обь-Иртышья характеризовался исключительной ролью государства как единственного централизованного освоителя, осуществлявшего долгосрочное, стабильное по своему характеру воздействие на пространство. В свою очередь, это требовало от имперского центра построения системы устойчивых каналов влияния на интегрируемые области, которыми и стали механизмы государственной политики.

Начало XVIII в. ознаменовалось стремлением государственных властей добиться амбициозной цели полного закрепления за Россией верхних бассейнов Оби и Иртыша исключительно силовыми инструментами: военно-инженерной и фортификационной политикой. Они, по мнению имперской элиты, были способны стабилизировать военно-политическое положение района и обеспечить должный уровень крестьянского заселения, а также эксплуатацию потенциала природных недр. Несостоятельность ставки государства на воздействие только милитаристскими инструментами при освоении предгорий Алтая стала очевидна практически сразу.

На этом фоне еще более усилилась значимость формировавшейся пространственной модели региона, а также важнейшей ее составляющей – государственной границы. Три парадигмы ее восприятия (картографическая, официально-дипломатическая и локально-управленческая), генезис которых протекал почти параллельно в первой половине XVIII в., не являлись тождественными и уж тем более идентичными, а выступали, скорее, в качестве взаимодополняющих. Если в официально-дипломатической акцент делался на достижении озер Зайсан и Телецкого, а также декларировании всего Верхнего Обь-Иртышья как российской территории, то в картографической – на создании условной наглядно-графической линии, отвечавшей военно-стратегическим задачам политики в регионе. Локально-управленческая, в свою очередь, детализировала эту идею на конкретной, локальной местности, очерчивала

пределы реального административного контроля имперских структур управления (с учетом фактических обстоятельств). Однако сопряженность парадигм восприятия границы не была идеальной. Трудности конвергенции, прежде всего, были связаны с невозможностью совмещения тех или иных доктрин и идеологием друг с другом (указание на принадлежность Зайсана к России не могло быть отражено на картах, так как это напрямую противоречило бы реальным пределам освоения; результаты экспедиции П.А. Мельникова лишь частично были интегрированы в административный дискурс и официальную доктрину; посылки жителей Белоярской и Бикатунской крепостей в «степь» частично противоречили картографической и официально-дипломатической парадигмам восприятия границы).

Фактически российские власти стремились установить границу не по реальным населенным и административным объектам, а очертить своеобразные «пределы освоения» с последующей их легитимацией за счет признания джунгарской стороной, то есть создать антецедентную границу. Параллельно с этим в течение 20-40-х гг. XVIII в. в сознании имперской элиты происходил генезис идеи «искусственности» государственных рубежей – необходимости одностороннего установления государственной границы в соответствии со спецификой реализации выработанной освоенческой программы. Эти обстоятельства в генеральной совокупности детерминировали возникновение феномена «открытой» границы, целенаправленно использовавшегося российским административным корпусом для улучшения стратегического положения государства на юге Западной Сибири и в северных районах Средней Азии.

Достижение Российским государством столь широкомасштабных освоенческих и экспансионистских задач находилось в прямой зависимости от налаживания эффективно функционировавшей административной вертикали. Система управления Верхним Обь-Иртышью (Алтаем) в первой половине XVIII в. демонстрировала свою адаптивность, способность к вариативному построению отдельных сегментов, созданию схожих, но не тождественных каналов управленческой коммуникации. Если в Верхнем Приобье был развернут во

многом классический вариант линии «губернатор – воевода – приказчики острогов и слобод», обладавший при этом своими специфическими чертами, то в Верх-Иртышских крепостях из этой мезо-системы исключался медиальный уровень, в результате чего она приобретала гипертрофированный вид «губернатор – штаб-офицеры гарнизонных канцелярий».

Функциональный статус приказчиков острогов и слобод, а также руководителей крепостей на Иртыше выстраивался вокруг первоочередной необходимости обеспечения безопасности локального района. Однако, если при снижении фактора внешней угрозы, в действиях первых усиливалась значимость административно-хозяйственной функции, то для штаб-офицеров это означало снижение управленческой активности, продолжавшееся вплоть до появления вблизи крепости иностранных дипломатических агентов, беженцев или случайно пойманных разбойников.

Острый ресурсно-кадровый дефицит, который испытывали нижние ярусы административной вертикали Верхнего Обь-Иртышья, для приказчиков острогов и слобод детерминировал необходимость поиска наиболее рациональных путей реализации освоенческих установок и задач, сформулированных в имперской доктрине. Для штаб-офицеров Верх-Иртышских крепостей частичная деградация их функционального статуса, обуславливавшаяся невнятной нормативно-правовой базой обеспечения деятельности, а также практически полным отсутствием населения в локальной районе, не приводила к существенному снижению эффективности управленческого процесса.

Детерминантой, определявшей административную повестку местных и локальных структур власти в Верхнем Обь-Иртышье, становилась такая обнажившаяся черта управленческой среды регионального и местного уровня как «недоуправляемость». Она заключалась в том, что, с одной стороны, центральная власть на окраинах не обладала достаточным числом администраторов на душу населения, чтобы проводить свою политику эффективно и разумно, а с другой – не располагала таким количеством военно-стратегических ресурсов, которое

позволило бы диктовать свою волю в приграничном регионе без оглядки на интересы других политических игроков и акторов.

Это предопределило жесткую сцепку, связку и даже дихотомию политико-правовых и военно-политических механизмов освоения Алтая на протяжении всей первой половины XVIII в. Ресурсно-кадровый дефицит, являвшийся наряду с внешней геополитической конъюнктурой одним из двух ключевых факторов, которые определяли административную повестку, детерминировал невозможность автономного использования ни одной из групп механизмов. В результате политико-правовые инструментариумы, по мере усиления своей значимости в 20-40-е гг. XVIII в., вынуждены были аккомодировать отдельные элементы военно-политических механизмов. Следствием этого становилась гибридизация последних, предполагавшая интеграцию некоторых из соответствующих черт в политико-правовые каналы освоения.

Феномен гибридизации явился одной из характерных черт и реализации политико-правовых механизмов. В системе пространственной модели он был связан с созданием гипертрофированных проекций пространства Верхнего Обь-Иртышья, где особое внимание уделялось районам проживания коренного и русского населения, а также военным объектам. Этот эффект усиливала государственная граница, которая как в картографическом исполнении, так и в административном дискурсе переставала быть просто линией, фиксирующей текущие пределы освоенных Российской империей территорий. Она приобретала черты социального института, обслуживавшего потребности и задачи различных звеньев административного аппарата и даже для местного населения не выступала сколько-нибудь существенным ментальным рубежом.

Еще большее развитие гибридизация получила при развертывании системы управления. Ее низовые звенья получали идентичные общеимперским формальную выраженность и иерархичную соподчиненность. Однако влияние такого средневекового принципа как «личное начало» в совокупности с пробелами в нормативно-правовой базе деятельности управленцев и непредсказуемой динамикой внешнеполитической ситуации в локальной зоне

порождали эпигенетичность административных структур. Иными словами, при сохранении внешней формы, соответствовавшей другим регионам страны, управленческие институты Верхнего Обь-Иртышья получали совершенно иное, качественно отличное исполнение. Речь идет о том, что в условиях освоения административно-хозяйственная функция локальных управленцев находилась в жесткой привязке к состоянию обороноспособности укреплений, находившихся под их руководством. В Верхнем Приобье воеводы обращались к хозяйственным вопросам лишь при стабилизации ситуации в приграничном районе. В Верх-Иртышских крепостях административно-хозяйственная функция штаб-офицеров и вовсе была практически полностью нивелирована. Примечательно, что такие гибридные, эпигенетические формы оказывались не просто приемлемыми, а в чем-то даже оптимальными для протекавшего освоения. Ситуация перманентной разновекторной миграции функционального акцента (модель «губернатор – воевода – приказчики острогов и слобод» в Верхнем Приобье) или его сознательное смещение в пользу той или иной группы вопросов (военно-оборонительное администрирование в модели «губернатор – штаб-офицеры гарнизонных канцелярий» в Верхнем Прииртышье) позволяли рационализировать дефицитную ресурсную базу, грамотно и эффективно мобилизовать резервы для решения четко очерченного, в чем-то даже ограниченного круга вопросов. Таким образом, гибридизация и эпигенетичность в непростых реалиях освоения Верхнего Обь-Иртышья образца первой половины XVIII в. выступали факторами не амортизации эффективности системы управления, а, скорее, наоборот, условиями приспособления к ситуативной и быстро меняющейся региональной конъюнктуре.

При этом формирование пространственной модели и складывание системы управления как политико-правовые механизмы освоения государством Алтая оказывались тесно связаны между собой. Игнорирование фактора государственной границы и абстрактно-теоретической модели пространственного восприятия территории очевидным образом снижало эффективность процесса администрирования, переводя большинство управленческих вопросов в контекст

абстрактной политико-правовой среды. Иными словами, управление пространством без учета его физико-географических и политико-географических особенностей делало соответствующие решения государственных органов уже на стадии своего принятия слабо соответствовавшими ситуации в локальном районе. С другой стороны, в условиях отсутствия у имперской элиты унифицированных подходов к формированию пространственной модели и складыванию государственной границы России в Верхнем Обь-Иртыше именно различные уровни административного дискурса приобретали решающее значение. Они позволяли уточнить, конкретизировать, развить, а также хотя бы в какой-нибудь мере привязать к административной действительности подходы к определению пределов государственных рубежей. Генезис всех трех парадигм исполнения государственной границы так или иначе был связан с административным началом. Решения о составлении карт, посылке геодезических экспедиций или комплектовании общих региональных чертежей принимались, как правило, центральными, реже региональными властями. Официально-дипломатическое понимание являло собой фактически эндогенный продукт по отношению к административно-политической среде. Наконец, на локальном уровне, где в силу полигранности аспектов хозяйственной деятельности четкие контуры границы размывались, именно острог/крепость становилась, с одной стороны, фактором центрирования пространства, предопределяя радиальное восприятие окрестностей в качестве российских. С другой стороны, именно локальные управленцы выполняли роль чуть ли не единственного фактора сдерживания местного населения от полной деградации пространственного восприятия государственной границы.

Вызревание эпигенетических структур в условиях агрессивной фронтальной модернизации административно-правовой среды Алтая первой половины XVIII в. создало благоприятные условия и предпосылки для формирования и функционирования в регионе специфических ведомственных вертикалей управления во второй половине XVIII в.

Список сокращений

АВПРИ	-	Архив внешней политики Российской империи
ГИМ	-	Государственный исторический музей
ПСЗРИ	-	Полное собрание законов Российской империи
РГАДА	-	Российский государственный архив древних актов
РГБ	-	Российская государственная библиотека
РГВИА	-	Российский государственный военно-исторический архив

Список источников и литературы

Источники

I. Законодательные источники

1. Именной указ от 22 мая 1714 г. подполковнику Бухгольцу о завладении городом Еркетом и о искании песку по реке Дарье // ПСЗРИ. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. V. – № 2811. – С. 105-106.
2. Именной указ от 18 января 1719 г. гвардии майору Лихареву на представленные от него пункты о производстве следствия о сибирском губернаторе Гагарине и полковнике Бухгольце, о розыскании об Иркутском золоте и о построении крепости на озере Зайсан // ПСЗРИ. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. V. – № 3284. – С. 616-617.
3. Января 1719 г. Инструкция или Наказ воеводам // ПСЗРИ. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. V. – № 3294. – С. 624-632.
4. Января 1719 г. Инструкция или наказ земским комиссарам в губерниях и провинциях // ПСЗРИ. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. V. – № 3295. – С. 632-638.
5. Именной указ от 10 декабря 1719 г. об учреждении Берг-коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах // ПСЗРИ. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. V. – № 3464. – С. 760-762.
6. Именной указ Сената от 9 декабря 1720 г. о посылке учеников из Санкт-Петербургской Академии для сочинения ландкарт // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. VI. – № 3682. – С. 266.
7. Именной указ от 22 декабря 1720 г. о смотре, чтобы посланные из Санкт-Петербургской Академии в губернии для сочинения ландкарт ученики не были без дела и о присылке сделанных ландкарт немедленно в Сенат // ПСЗРИ. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. VI. – № 3695. – С. 277.

8. Именной указ Сенату от 19 января 1721 г. об укреплении и населении крепости Ямышевской, о заведении мира с Контайшей и сделании купечества с ним // ПСЗРИ. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. VI. – № 3716. – С. 313.
9. Именной указ Сената от 6 апреля 1722 г. о сыске беглых людей и крестьян, о возвращении их прежним помещикам с женами и детьми и со всеми их пожитками, о наказании старост и приказчиков за держание беглых, и о взыскании с владельцев деревень за позволение принимать беглых людей и за водворение оных // ПСЗРИ. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. VI. – № 3939. – С. 638-641.
10. Именной указ Сената от 29 мая 1724 г. о строении по границам Сибири крепостей для защищения сибирских заводов, о приписке к оным заводам слобод, о платеже за них подушных денег и о не принимании на заводы беглых // ПСЗРИ. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. VII. – № 4518. – С. 291-292.
11. Именной указ Верховного Тайного совета от 31 июля 1729 г. о именовании правления Артиллерийского и Инженерного корпуса Канцелярией от артиллерии и фортификации // ПСЗРИ. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. VIII. – № 5454. – С. 222.
12. Именной указ от 29 марта 1738 г. об оставлении дворянину Демидову на Сибирских его заводах шести домен и о запечатании прочих, о сборе с тех домен податей, о данной ему привилегии беспошлинной продажи железа, о свидетельствовании через каждые три года его заводов, о пришлых на его заводы крестьянах, о сборе рекрут с приписных к тем заводам крестьян и о неприеме рабочих людей без паспортов // ПСЗРИ. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. X. – № 7548. – С. 450-451.

II. Архивные материалы

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Ф. 24. Разряд XXIV. Сибирский приказ и управление Сибирью - (коллекция)

Государственного архива Российской империи.

Оп. 1. Д. 25.

Оп. 2. Д. 96.

Ф. 113. Зюнгорские (контайшинские) дела - (коллекция) из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии.

Оп. 1. 1674-1676. Д. 1; 1595-1736. Д. 1; 1716. Д. 1; 1719. Д. 1.

Ф. 192. Картографический отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел (коллекция).

Оп. 1. Атласы Российского государства. Д. 1, 2.

Оп. 1. Карты генеральные Российского государства. Д. 1, 2, 3.

Оп. 1. Тобольская губерния. Д. 2, 34, 35, 38.

Ф. 214. Сибирский приказ.

Оп. 5. Д. 1008, 1960, 2699.

Ф. 248. Сенат и его учреждения (объединенный фонд)

Оп. 4. Кн. 156. Д. 58; Кн. 164. Д. 51.

Оп. 6. Кн. 334. Д. 18; Кн. 337. Д. 12.

Оп. 7. Кн. 382. Д. 45.

Оп. 8. Кн. 473. Д. 6; Кн. 500. Д. 1.

Оп. 13. Кн. 690. Д. 57; Кн. 725. Д. 131; Кн. 757. Д. 26.

Оп. 14. Кн. 800. Д. 39.

Оп. 15. Кн. 867. Д. 1.

Оп. 113. Д. 1584.

Оп. 160. Д. 16-а, 317.

Ф. 271. Берг-коллегия.

Оп. 3. Д. 141, 142.

Ф. 415. Сибирская губернская канцелярия.

Оп. 1. Д. 13.

Ф. 517. Кузнецкая воеводская канцелярия.

Оп. 1. Д. 14, 16, 18, 19, 25, 26, 28, 31, 39, 43, 45, 46, 49, 51, 52, 54, 58, 68, 69, 81, 82, 84, 86, 91, 94, 119, 122, 125, 140, 175, 186, 201.

Оп. 2. Д. 8, 12, 13.

Ф. 1134. Кузнецкая приказная изба.

Оп. 1. Д. 6, 8, 10.

Ф. 1402. Бийская судная (земская) изба, Бийская крепость и слобода Кузнецкого уезда Сибирской губернии.

Оп. 1. Ч. 1. Д. 1, 1-а, 4, 5-а.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Ф. 5. Артиллерийская экспедиция Военной коллегии.

Оп. 6. Д. 1.

Ф. 20. Воинская экспедиция Военной коллегии.

Оп. 1/47. Д. 37, 45, 99, 108, 117, 261, 318.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Ф. 113. Зюнгорские дела.

Оп. 113/1. 1735. Д. 1; 1742. Д. 2; 1743. Д. 6.

Библиотека Российской Академии наук (БРАН).

Отдел рукописей. Основное собрание рукописных карт. № 473.

Государственный исторический музей (ГИМ).

Отдел картографии. ГО № 3283.

Российская государственная библиотека (РГБ).

Отдел картографии (КГР).

Шифр Ки 66/VII-85.

III. Документальные публикации

1. Материалы для истории Сибири / сост. Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская типография «Катков и ко» на Страстном бульваре, 1867. – Кн. 4. – 337 с.
2. Памятники Сибирской истории XVIII в. – СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. – Кн. 2: 1713-1724. – 592 с.
3. Международные отношения в Центральной Азии. XVII – XVIII вв.: Документы и материалы / сост. Б.П. Гуревич, В.А. Моисеев. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. – Кн. 1. – 375 с.

4. История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX в. / сост. Ю.С. Булыгин, Т.М. Винникова, Н.В. Иванченко, Т.М. Степанская, В.А. Скубневский, Е.В. Титова, А.А. Хорошилов, А.А. Храмков. – Барнаул: Алт. книжн. изд-во, 1991. – 352 с.
5. Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / сост. В.А. Моисеев, И.А. Ноздрина, Р.А. Кушнерик. – Барнаул: Азбука, 2006. – 360 с.
6. Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730 – 1740-х гг. (по анкетам В.Н. Татищева): сб. док. / авт. вступ. ст. и археограф. справки В.Б. Бородаев, А.В. Контев. – СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2010. – 260 с.: ил.
7. Сибирские переселения. – Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв.: сб. док. / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2010. – 276 с.

IV. Опубликованные картографические материалы

1. Атлас Всероссийской империи. Собрание карт И.К. Кирилова. – СПб., 1734.
2. Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною притом Генеральною картою великия сия империи, старанием и трудами Императорской Академии наук. – СПб., 1745.
3. Хорографическая чертежная книга Сибири: Факсимиле рукописи 1697 – 1711 гг. Тобольск, 2013.
4. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.: в 2 т. – М., 2003. – Т. 1: Факсимиле рукописи из собрания Российской государственной библиотеки / редколл. А.А. Дразнюк, В.В. Федоров, А.Н. Краюхин, В.Ф. Молчанов, Н.Е. Котельникова, Н.Н. Полункина.

V. Исследования

1. Абдакимов А.А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). – Алматы: РИК, 1994. – 225 с.
2. Абдилдабекова А.М. Россия и Казахстан (XVIII – начало XX в.): Вопросы историографии: учеб. пособ. – Алматы: Казак Университеті, 2007. – 136 с.
3. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров // вступ. ст. В.В. Ярового. – М.: Аспект-Пресс, 2005. – 334 с.
4. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI – XX вв. / Институт истории и археологии Уральского отделения РАН. – М.: Наука, 2004. – 600 с.
5. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого / отв. ред. Н.Ф. Демидова. – Новосибирск: Автор, 1996. – 223 с.
6. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Лаборатория гум. иссл. Новосиб. гос. ун-та. – Новосибирск, 2003. – 391 с.
7. Акишин М.О. Джунгарское ханство во внешней политике Петра Великого // *Paleobureaucratica*: сб. ст. к 90-летию Н.Ф. Демидовой. – М.: Древлехранилище, 2012. – С. 6-28.
8. Александров В.А. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // Вопросы истории. – М., 1973. – № 8. – С. 39-58.
9. Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.) / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1976. – 323 с.
10. Александров В.А. Возникновение сельской общины в Сибири в XVII в. // История СССР. – М., 1987. – № 1. – С. 54-68.
11. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1991. – 401 с.
12. Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизационная парадигма российской истории // *Экономическая история*. – М., 2006. – № 4. – С. 7-17.
13. Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. – Новосибирск: Изд. Дом «Сова», 2005. – 264 с.

14. Ананьев Д.А. Воеводы в судебной системе Сибири в XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири в XVIII в. – Новосибирск, 2005. – № 2. – С. 40-43.
15. Ананьев Д.А. Воеводское управление в Сибири в XVIII в.: особенности процесса бюрократизации // Российская история. – М., 2007. – № 2. – С. 3-15.
16. Ананьев Д.А. К вопросу о компетенции комендантов пограничных крепостей Южной Сибири в первой половине XVIII в. // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII – XX вв.: сб. мат. межд. науч. конф. / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 38-42.
17. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Вып. 1: XVII в. – 280 с.
18. Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. / отв. ред. Е.Б. Бекмаханов. – Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1948. – 246 с.
19. Артемьев А.Р. Воеводы и приказчики Нерчинского и Албазинского уездов во второй половине XVII в. (из истории кадровой политики царской администрации в Забайкалье и Приамурье) // Отечественная история. – М., 2006. – № 2. – С. 3-10.
20. Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. / сост. по док. Московского Архива Государственной Коллегии Иностранных дел. – Казань: Типография Императорского университета, 1882. – 582 с.
21. Басалаева И.П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. – М., 2012. – № 2. – С. 46-49.
22. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI-XVIII вв.: (Казахстан в системе внешней политики Российской империи) / Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН Каз. ССР. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 275 с.
23. Березиков Н.А. Образ сибирского острога в пространстве «новых земель» (по материалам донесений казаков XVII в.) // Баландинские чтения: сб. ст. VIII

- науч. чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск, 2014. – Т. IX. – Ч. 1. – С. 19-26.
24. Бобров Д.С. К вопросу об основных аспектах административной истории Алтая первой половины XVIII в. // «Студент и научно-технический прогресс»: мат. XLVIII Межд. науч. студ. конф. Серия: «История» / Новосиб. гос. ун-тет. – Новосибирск: РИЦ Новосиб. гос. ун-тета, 2010. – С. 106–107.
25. Бобров Д.С. Идея «фронта» – один из взглядов на процесс освоения Алтая как периферийного пространства // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII – начале XX в.: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.Н. Соболева. – Барнаул: Азбука, 2011. – С. 7-17.
26. Бобров Д.С. К вопросу о взаимоотношении понятий «колонизация» и «фронт» в методологическом поле современного сибиреведения // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: мат. XXXVIII науч. конф. студ., маг., асп. и учащ. лицейных классов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Вып. 8. – С. 13-14.
27. Бобров Д.С. К вопросу о специфике административного развития Алтая в первой половине XVIII в. в условиях зоны фронта // «Студент и научно-технический прогресс»: мат. XLIX Межд. науч. студ. конф. Серия: «История» / Новосиб. гос. ун-тет. – Новосибирск: РИЦ Новосиб. гос. ун-та, 2011. – С. 110–111.
28. Бобров Д.С. Особенности эволюции административного поля Алтая в первой половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: мат. конф. / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. – С. 94–95.
29. Бобров Д.С. «Чертежная книга Сибири» и Атлас 1745 г. – две вехи в эволюции картографической проекции государственного взгляда на процесс освоения Алтая в первой половине XVIII в. // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. – М., 2011. – № 10. – С. 110-118.

30. Бобров Д.С. Эволюция государственного взгляда на процесс освоения Алтая в первой половине XVIII в. через призму изменения специфики картографического материала // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII – начале XX в.: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.Н. Соболева. – Барнаул: Азбука, 2011. – С. 62-71.
31. Бобров Д.С. Важнейшие закономерности складывания и развития алтайского фронта // Молодежь в XXI в.: мат. XIII кр. молодеж. науч.-практ. конф. – Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2012. – С. 248–250.
32. Бобров Д.С. О соотношении военного и общегражданского начал в функционировании низовых звеньев системы управления территории Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Алтай в истории российской государственности: мат. науч.-практ. конф., Барнаул, 10 – 11 сентября 2012 г. / под ред. Е.В. Демчик, Ю.М. Гончарова. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2012. – С. 76–78.
33. Бобров Д.С. Оборонно-снабжение функция приказчиков крепостей Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Тобольск научный – 2012: мат. IX Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. (г. Тобольск, 9 – 10 ноября 2012 г.). – Тюмень: Тюменский издательский дом, 2012. – С. 256–259.
34. Бобров Д.С. Целевые установки формирования картографической модели Алтая в первой половине XVIII в. // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: мат. XXXIX науч. конф. студ., маг., асп. и учащ. лицейских классов. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2012. – Вып. 9. – С. 17-18.
35. Бобров Д.С. Алтай на генеральной карте Российской империи из атласа И.К. Кирилова // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: мат. всерос. науч. конф. / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – С. 89-91.
36. Бобров Д.С. Алтайский военный фронт в первой половине XVIII в. // Сборник научных статей молодежной школы-семинара «Ломоносовские чтения на

- Алтае», Барнаул, 5 – 8 ноября, 2013 г.: в 6 ч. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – Ч. IV. – С. 176–183.
37. Бобров Д.С. Институт приказчиков в системе управления территорией Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: история, политология. – Барнаул, 2013. – № 4. – Т. 1. – С. 114-118.
38. Бобров Д.С. К вопросу о предпосылках становления «Региона Колывано-Воскресенского горного ведомства»: общетеоретические аспекты // Тобольск научный – 2013: мат. X Всерос. науч.-практ. конф. (г. Тобольск, 25 – 26 октября 2013 г.). – Тобольск: Тобольская типография филиал ОАО «Тюменский издательский дом», 2013. – С. 224–227.
39. Бобров Д.С. Общие проблемы становления и функционирования систем локального администрирования в Верхнем Обь-Иртышье в 20-30-е гг. XVIII в. // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: мат. XI науч. конф. студ., маг., асп. и учащ. лицейских классов. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – Вып. 10. – С. 13–15.
40. Бобров Д.С. Отражение промежуточных итогов освоения пространства Алтая в первом официальном атласе Российской империи 1745 г. // Диалог культур и цивилизаций: мат. XIV Всерос. с международным участием науч. конф. молодых исследователей. – Тобольск: Издательство Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева, 2013. – С. 54–57.
41. Бобров Д.С. Принципы организации низовых звеньев системы управления окраинами Российской империи в первой половине XVIII в. (на примере Алтая) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2013. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.
42. Бобров Д.С. Фронтирная модернизация управленческого сегмента Алтайского региона в первой половине XVIII в. // Региональный фактор

- модернизации России XVIII – XX вв.: сб. науч. ст. / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН; отв. ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург: ООО «УИПЦ», 2013. – С. 52-55.
43. Бобров Д.С. Картографические материалы как инструмент формализации государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: мат. Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 26 – 27 сентября 2014 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. – С. 114–122.
44. Бобров Д.С. Наказные памяти приказчикам крепостей Верхнего Приобья в конце 10-х – начале 30-х гг. XVIII в. // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX в.): сб. мат. всерос. науч. конф. / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2014. – С. 178-186.
45. Бобров Д.С. Генезис доктрины стратегической границы как идейной основы лимогенеза Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. / отв. ред. М.К. Чуркин, Т.А. Сабурова, И.И. Кротт. – Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 2015. – Вып. 12. – С. 17–23.
46. Бобров Д.С. Оценка М.И. Венюковым лимогенеза Российской империи на юге Западной Сибири в XVIII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат. четвертой Всерос. молодеж. науч. конф. – Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН, 2015. – С. 51–59.
47. Бобров Д.С. Стратегическая государственная граница Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: мат. к межд. науч. конф. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. – М.: Изд-во МГУ, 2015. – С. 635–639.
48. Бобров Д.С. Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья как системообразующие институты локального звена системы управления

- регионом в 20 – 30-х гг. XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул, 2016. – № 2. – С. 33–37.
49. Бобров Д.С. Экспедиции П.А. Мельникова в предгорья Алтая 1733-1734 гг. в контексте формирования российской государственной границы в Верхнем Обь-Иртыше // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат. Всерос. молодеж. науч. школы-конференции. – Новосибирск: Издательство «Апельсин»; Институт истории СО РАН, 2016. – С. 20–27.
50. Бобров Д.С. Формирование российской границы в Верхнем Обь-Иртыше в оценках ученых и путешественников XVIII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2017. – № 1. – С. 12-18.
51. Бобров Д.С., Соболева Т.Н. Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул, 2015. – № 3. – Т. 2. – С. 34-41.
52. Бобров Д.С., Соболева Т.Н. Политико-географические образы границы Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине XVIII в. // Дневник Алтайской школы политических исследований № 31. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии): сб. науч. ст. / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – С. 201–206.
53. Бобров Д.С., Тихобаева Л.С. Первое русское топографическое описание верховий Иртыша // Тобольск научный – 2015: мат. XII Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием), г. Тобольск, 12 – 13 ноября 2015 г. – Тобольск: ООО Принт-Экспресс, 2015. – С. 141–144.
54. Болховитинов Н.Н. О роли «подвижной границы» в истории США // Вопросы истории. – М., 1962. – № 9. – С. 57-74.
55. Бородаев В.Б. Российские военные экспедиции к истокам Иртыша в 1715–1720 гг. и создание карты Верхнего Прииртышья [Электронный ресурс] // Верхнее Прииртышье в XVII – XIX вв.: национально-государственное, этнокультурное и экологическое взаимодействие: мат. всерос. науч. конф. –

- Электрон. Дан. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2010. – Режим доступа: <http://sibistorik.narod.ru/conf2010/borodaev-vb.htm> - Загл. с экрана.
56. Бородаев В.Б. Архивные документы 1719 – 1720 гг. о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости // Роль архивных учреждений в истории Казахстана: мат. межд. науч.-практ. конф. – Усть-Каменогорск, 2010. – С. 29-42.
57. Бородаев В.Б. Военно-топографическое изучение озера Зайсан и Черного Иртыша в 1719 г. как этап реализации плана Петра I по проникновению в Центральную Азию // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): мат. межд. науч.-практ. конф. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2010. – С. 13-20.
58. Бородаев В.Б. Русские документы 1717 – 1720 гг. об основании Семипалатной крепости // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): мат. межд. науч.-практ. конф. (20 – 23 апреля 2014 г.) / отв. ред. Ф.И. Куликов. – Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского гос. ун-та, 2014. – С. 267–275.
59. Бородаев В.Б., Демин М.А., Контев А.В. Рассказы по истории Алтайского края: учеб. пособ. для средн. шк. – Барнаул: Пикет, 1997. – Ч. 1. – 224 с.
60. Бородаев В.Б., Контев А.В. Как возникла Колывань // Колывань: История, культура и искусство сибирской провинции России. 1728–1998 / ред. колл. В.Б. Бородаев, О.Н. Дударева, А.В. Контев, Н.И. Разгон, Т.М. Степанская. – Барнаул: Издание управления архивного дела Администрации Алтайского края, 1998. – С. 6-86.
61. Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула: учеб. пособ. для средн. шк. – Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2000. – 336 с.: ил.
62. Бородаев В.Б., Контев А.В. Начало промышленного освоения Рудного Алтая А.Н. Демидовым в 1726 г. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: мат. IV Межд. науч.-практ. конф. / под ред. В.С. Бойко. – Барнаул: Азбука, 2003. – Вып. 4. – С. 32-47.

63. Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.): к 70-летию Алтайского края (1937 – 2007). – 2-е изд. – Барнаул: Азбука, 2007. – 214 с.: цв., карты, ил., табл., граф., портр., 2 указ.
64. Бородаев В.Б., Контев А.В. Кузнецкий уезд на картах геодезиста Василия Шишкова (1730-е гг.) // Разыскания: историко-краеведческий альманах / сост. Л.Ф. Кузнецова. – Кемерово: Примула, 2010. – Вып. 8. – С. 150-160.
65. Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620 – 1720 гг.: документальная монография. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного педагогического университета, 2015. – 415 с., [8] л. ил., карт., цв. ил.
66. Боронин О.В. Вопрос о двоеданцах на русско-джунгарских переговорах (второе десятилетие XVIII в.) // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур): мат. II Регион. конф. (Барнаул, 26 октября 1999 г.) – Барнаул: Азбука, 1999. – С. 27-30.
67. Боронин О.В. Вопрос о двоеданцах на русско-джунгарских переговорах 1731 – 1733 гг. (посольство Л.Д. Угримова) // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: мат. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – С. 355-362.
68. Боронин О.В. Двоеданничество и двоеподданство тюркских народов Южной и Юго-Западной Сибири, XVII – 60-е гг. XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2000. – 30 с.
69. Боронин О.В. Двоеданничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX в.: научная монография / под ред. В.А. Моисеева. – 2-е изд, испр. и доп. – Барнаул: Азбука, 2004. – 216 с.
70. Боронин О.В. Погранично-территориальный вопрос в российско-джунгарских отношениях первой половины XVIII в.: теоретический аспект // Востоковедные исследования на Алтае: сб. науч. ст. / ред. колл. В.А. Моисеев (отв. ред.), О.Ю. Курныкин – Барнаул: Азбука, 2004. – Вып. 4. – С. 25-33.

71. Боронин О.В. Челканцы между Россией и Джунгарией в XVII – первой половине 50-х гг. XVIII вв. // Востоковедные исследования на Алтае: сб. науч. ст. / редкол. В.А. Моисеев (отв. ред.), О.В. Боронин – Барнаул: Азбука, 2002. – Вып. 3. – С. 9-17.
72. Бородина Е.В. Служилые люди Урала и Западной Сибири в судебных конфликтах (1720-е гг.) // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2011. – № 3. – С. 73-79.
73. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук; Томский ун-т. – М., 1949. – 15 с.
74. Бояршинова З.Я. О феодальных отношениях в русской деревне Сибири в XVII – первой половине XIX в. // Бахрушинские чтения 1969 г.: мат. конф. по актуальным проблемам истории Сибири / ред. колл. Н.Я. Гушин (отв. ред.), О.Н. Вилков, Г.А. Докучаев, В.Л. Соскин, В.И. Шишкин. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 53-58.
75. Бояршинова З.Я. Земельные сообщества в Сибири в XVII — начале XVIII в. // Крестьянская община Сибири XVII — начала XX в.: сб. ст. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977. – С. 73-79.
76. Булыгин Ю.С. Белоярская крепость: [История основания] // Алтай. – Барнаул, 1965. – № 3. – С. 103-104.
77. Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. – 144 с.
78. Булыгин Ю.С. Выход русских к реке Бии и основание Бикатунской крепости // Города Алтая эпохи феодализма и капитализма: межвуз. сб. науч. ст. / ред. колл. А.П. Бородавкин, В.А. Скубневский, Ю.С. Булыгин (отв. ред.) – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1986. – С. 3-24.
79. Булыгин Ю.С. Старейшие села Тальменского района // Нижнее Причумышье: Очерки истории и культуры: сб. ст. – Барнаул; Тальменка: Феникс, 1997. – С. 54-57.

80. Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (формирование военно-бюрократического дворянства). – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1985. – 300 с.
81. Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект) / отв. ред. Н.И. Дроздов. – Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. пед. ун-та, 2007. – 416 с.
82. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.: монография [Электронный ресурс] / Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – 2-е изд., доп., осуществленное по первой авторской редакции. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2013. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.; Загл. с этикетки диска.
83. Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытков, А.И. Миллер. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 83-115.
84. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии / Военно-ученый комитет Главного штаба. – СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1873. – 575 с.
85. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век) / Муницип. учеб.-метод. центр "Развивающее обучение". - Екатеринбург: Муницип. учеб.-метод. центр "Развивающее обучение", 1998. – 203 с.
86. Вершинин Е.В. Сыск Д.Л. Поляновского: дело мангазейского воеводы М.С. Волчкова // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2005. – № 39. – С. 27-35.
87. Виноградов Н.В. Карты и атласы / под ред. М.С. Боднарского, М.П. Мурашова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 192 с.
88. Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф. Историческая картография и топонимия Алтая. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1980. – 122 с.

89. Гергилев Д.Н. Развитие системы административного управления Сибирью в XVIII – первой трети XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово, 2010. - 30 с.
90. Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. // Труды Архива Академии наук СССР. – М.; Л., 1946. – Вып. 6. – С. 45-57.
91. Гольденберг Л.А. Русские картографические материалы как исторический источник и их классификация (по фондам центральных государственных исторических архивов СССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / АН СССР. – Л., 1958. – 17 с.
92. Гольденберг Л.А. С.У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII – начала XVIII вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.09 / АН СССР. – Л., 1967. – 32 с.
93. Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI - начала XX вв. – Барнаул: Азбука, 2006. – 188 с.
94. Готье Ю.В. История областного управления от Петра I до Екатерины II. Т. 1: Реформа 1727 г. Областное деление и областные учреждения 1727—1775 гг. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Севко, 1913. – 472 с.
95. Готье Ю.В. История областного управления от Петра I до Екатерины II. – Т. 2: Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений 1727 г. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 304 с.
96. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение / Академия наук СССР, Сибирское отделение; отв. ред. В.И. Шунков. – Новосибирск: Сибирское отделение изд-ва Наука, 1965. – 265 с.
97. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма / отв. ред. А.А. Преображенский. — М.: Наука, 1987. — 228 с.
98. Дмитриева С.И. Лимология. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2008. – 112 с.

99. Евсеев Е.Н. Экспедиция И.Д. Бухгольца и основание Омской крепости // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период: сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 47-59.
100. Едилханова С.А. Казахско-джунгарские отношения в XVII-XVIII вв. (некоторые исторические аспекты проблемы). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 161 с.
101. Екеев Н.В. Об этнонимах «белые и черные калмаки» (к этнической истории алтайцев XVII – XVIII вв.) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий: сб. науч. ст. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАИИЯиЛ, 1992. – С. 114-119.
102. Екеев Н.В. К проблеме этнополитической истории алтайцев (X – XVIII в.) // Мир Евразии. – Горно-Алтайск, 2010. – № 2(9). – С. 34-42.
103. Екеев Н.В. Проблема этнического состава коренного населения Алтая XVII – первой половины XVIII в. в отечественной исторической науке // Научное обозрение Саяно-Алтая. – Абакан, 2012. – №1(3). – С. 76-81.
104. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности) / отв. ред. В.И. Матющенко, Н.А. Томилов. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1980. – 251 с.
105. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху / отв. ред. В.И. Матющенко. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1981. – 181 с.
106. Емельянов Н.Ф. Спорные вопросы истории феодальной Сибири / отв. ред. В.В. Пундани. – Курган: Каргапольская типография Шадринского п/о «Исеть», 1991. – 160 с.
107. Ерофеева И.В. Русско-джунгарские отношения в 40-х гг. XVIII в. и Казахстан (посольство К. Миллера) // Из истории международных отношений в Центральной Азии (Средние века и Новое время) / отв. ред. Г.М. Исхаков. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С. 43-67.
108. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1968. – 368 с.

109. Замятин Д.Н. Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 255 с.
110. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. – Смоленск, 2001. – № 8. – С. 12-21.
111. Замятин Д.Н. Политико-географические образы российского пространства // Вестник Евразии. – М., 2003. – № 4. – С. 34-45.
112. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5. – С. 75-89.
113. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635 – 1758). – 2-е изд. – М.: Наука, 1983. – 335 с.
114. Зубков К.И. Региональная история: проблемное поле и методологические перспективы // Региональные модели исторического общего и профессионального образования: сб. науч. ст. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2004. – С. 31-41.
115. Зубков К.И. Азиатская Россия: межцивилизационное взаимодействие в геополитическом аспекте // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – Екатеринбург, 2011. – Т. 96. – № 4. – С. 17-26.
116. Зубков К.И. Системология регионального развития России в XVI – XX вв.: опыт прочтения // Региональный фактор модернизации России XVIII – XX вв.: сб. науч. ст. / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН; отв. ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург: ООО «УИПЦ», 2013. – С. 27-32.
117. Зуев А.С. Штатная реформа сибирского казачества 1737 г. // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: история, филология. – Новосибирск, 2007. – Т. 6. – Вып. 1. – С. 22-27.
118. Зуев А.С. Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI – начале XX в.: учеб. пособ. / Новосибирский гос. ун-т. – Новосибирск: РИЦ Новосибирского гос. ун-та, 2011. – 188 с.

119. Иванова Л.М. Концепция дальневосточного фронта в современной российской историографии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат. Всерос. мол. науч. шк.-конф. – Новосибирск: Параллель, 2016. – С. 256-263.
120. Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири на Колывано-Воскресенских заводах в XVIII в. // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края: тез. докл. к кр. конф. / ред. колл. А.Д. Сергеев, В.Ф. Рыбальченко, Н.В. Масловский, В.М. Шелудченко. – Барнаул; Змеиногорск: Змеиногорская типография управления издательств, 1986. – С. 36-37.
121. Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. / отв. ред. Н.А. Миненко. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1996. – 227 с.
122. Ивонин А.Р. Численность и состав городских казаков Западной Сибири XVIII – первой четверти XIX в. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма: сб. науч. труд. / отв. ред. О.Н. Вилков. - Новосибирск: Изд-во АН СССР, 1991. С. 115-136.
123. Ивонин А.Р., Колупаев Д.В. Казаки на Алтае в XVIII – XIX столетиях: исторические очерки / науч. ред. В.В. Чумаков. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. института искусств и культуры, 2003. – 155 с.
124. Ивонин А.Р., Колупаев Д.В. История Алтайского казачества. Алтайские казаки в XVIII – XIX вв. – Барнаул: б. и., 2008. – 168 с.
125. Исаев В.В. Роль сибирского казачества в освоении Алтая в XVIII – начале XX в. // Казачество Сибири от Ермака до наших дней (история, язык, культура): мат. Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участ., Тюмень, 28-29 октября 2010 г. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. – С. 81-88.
126. Исаев В.В., Дунец А.Н. Сибирское казачество на Алтае как стабилизирующий фактор в противостоянии с Джунгарией в XVII – XVIII вв. // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных

- регионов: мат. XII Межд. науч. конф. – Ховд; Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2015. – Т. 2: гуманитарные и социальные науки. – С. 81-84.
127. История Горного Алтая. Ч. 1: Горный Алтай в досоветский период / сост. Н.А. Майдурова, Н.С. Модоров, Л.Н. Мукаева, Н.А. Тадина. – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 1995. – 112 с.
128. История Казахстана: учеб. для 10 кл. общеобразоват. школ. / А.Т. Толеубаев, Ж.К. Касымбаев, М.К. Койгелдиев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Алматы: Мектеп, 2010. – 240 с.
129. Историко-географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников XVIII – начала XX в.: монография / Д.С. Бобров, В.В. Ведерников, Д.С. Дегтярев, А.Е. Кухаренко, К.А. Пожарская, Т.Н. Соболева, К.Е. Стрелец, Л.С. Тихобаева; под ред. Т.Н. Соболевой, Д.С. Боброва. – Барнаул: Азбука, 2016. – 440 с.
130. История Горного Алтая. В 3-х т. – Т. 1: С древнейших времен до 1900 г. / под ред. Н.Ф. Иванцовой, Н.С. Модорова. – Бийск: РИС Бийского пед. гос. ун-та, 2001. – 328 с.
131. История Сибири с древнейших времён и до наших дней: в 5 т. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России / гл. ред. тома А.П. Окладников, В.И. Шунков. – Л.: Наука, 1968. – 538 с.
132. История Сибири: учеб. пособ. для вузов / отв. ред. З.Я. Бояршинова. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1987. – 469 с.
133. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: уч. пособ. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с.
134. Исупов С.Ю. К вопросу о месте сооружения Бикатунского острога 1709 г. // Краеведческий вестник (историко-публицистический альманах БКМ им. В.В. Бианки). – Бийск, 1998. – Вып. 8. – С. 9-15.
135. Исупов С.Ю. Бийск: острог, крепость, город. – Бийск: НИЦ БПГИ, 1999. – 151 с.

136. Исупов С.Ю. Основные моменты истории отдельного Сибирского корпуса в первой половине XVIII в. // Вопросы истории археологии и истории Южной Сибири: сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 232-245.
137. Исупов С.Ю. Приказчики и коменданты Бийской крепости // Бийские градоначальники: исторические очерки / отв. ред. В.В. Буланичев. – Бийск: типография Бийского пед. гос. ун-та, 2002. – С. 11-21.
138. Исупов С.Ю. Крепость Бийская – есть главная... – Барнаул: Азбука, 2009. – 302 с.
139. Исупов С.Ю. Роль Бийской крепости в военно-колониационной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: история, политология. – Барнаул, 2010. – № 4. – Т. 3. – С. 91-94.
140. Исупов С.Ю. Динамика изменений численности гарнизона Бийской крепости в первой половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: мат. конф. / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. – С. 95-96.
141. Исупов С.Ю., Васина И.И. Основание первых поселений военнослужащих на Кольвано-Кузнецкой укрепленной линии во второй половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: мат. всерос. науч. конф. / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – С. 92-93.
142. Каменецкий И.П. Розыскное дело воеводы Б. Синявина: к вопросу о взаимоотношении сибирской администрации и коренных народов в Южной Сибири в эпоху Петра I // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2009. – № 2. – С. 7-10.
143. Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII-начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Омск, 2002. – 311 с.

144. Каменецкий И.П., Резун Д.Я. Озеро Ямыш как зона политического и хозяйственного взаимодействия народов в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2010. – № 2. – С. 32-35.
145. Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700 – 1860 гг. – Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния АН СССР, 1963. – 215 с.
146. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2004. – 568 с.: ил., табл.
147. Катионов О.Н. Картографическое сопровождение государственной политики в Сибири в XVIII – начале XX в. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX в.: сб. мат. регион. науч. конф. / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. – С. 217-226.
148. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.): монография / Дальневосточный федеральный ун-т, Шк. региональных и международных исслед. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2011. – 472 с.
149. Княжецкая Е.А. Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева (1719 – 1720 гг.) // Страны и народы Востока. – Вып. XXVI: Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). – М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. – Кн. 3. – С. 10-35.
150. Ковальченко И.Д. Источниковедение истории СССР. – М.: Высшая школа, 1973. – 559 с.
151. Колдаков Д.В. История населенных пунктов Алтайского края: источники и методы изучения: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2011. – 192 с.
152. Колесников А.Д. Роль иртышских крепостей в освоении Алтая // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края: тез. докл. к кр. конф. / ред. колл. А.Д. Сергеев, В.Ф.

- Рыбальченко, Н.В. Масловский, В.М. Шелудченко. – Барнаул; Змеиногорск: Змеиногорская типография управления издательств, 1986. – С. 35-36.
153. Конев А.Ю., Конев Ю.М., Рязанцев И.П. Регион в социологическом и историческом измерениях // Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов: мат. межд. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции РФ. – Тюмень: Тюменский гос. нефте-газовый ун-т, 2013. – С. 27-31.
154. Контев А.В. Становление и развитие горно-металлургического производства в Западной Сибири: конец XVII – первая половина XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Барнаул. гос. пед. ин-т. – Барнаул, 1997. – 231 с.
155. Контев А.В. Первые приписные крестьяне на Алтае // III Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: сб. науч. труд / под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Владимирова. – Барнаул: Азбука, 2005. – С. 30-33.
156. Контев А.В. Изменение российской государственной границы на юге Западной Сибири в первой трети XVIII в. // Наука Алтайскому краю: сб. науч. ст. по результатам научно-исследовательских работ, выполненных за счет краевого бюджета / ред. колл.: М.П. Щетинин, В.А. Бородин, А.А. Жидких. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2010. – Вып. 4. – С. 99-109.
157. Контев А.В. Объекты горнозаводского производства Колывано-Воскресенского горного ведомства на картах XVIII в. // Краеведение и туризм: мат. рег. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию историка и краеведа А.Д. Сергеева (Барнаул, 8 апреля 2010 г.) / ред. колл.: В.Б. Бородаев, М.А. Демин, А.В. Контев (отв. ред.). – Барнаул: Алтайская гос. пед. академ., 2010. – С. 198-215.
158. Контев А.В. Русские крепости Алтая на картах и чертежах XVIII в. // Вопросы истории фортификации. – М.: Гангут, 2010. – № 1. – С. 36-43.
159. Контев А.В. Формирование российско-джунгарской границы в первой трети XVIII в. // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской / отв. ред. П.О. Рыкин. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – С. 99-111.

160. Контев А.В. Административно-территориальное деление юга Западной Сибири по картографическим источникам // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: история, политология. – Барнаул, 2013. – № 4. – Т. 1. – С. 29-33.
161. Контев А.В. Возникновение российского горно-металлургического производства на Алтае и отражение этого процесса на чертежах 1720-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2013. – № 2(54). – Т. 1. – С. 47-49.
162. Контев А.В. Картографические материалы И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера как источники по истории становления горно-металлургического производства на Алтае // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: история и филология. – Новосибирск, 2013. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 39-43.
163. Контев А.В. Размежевание земель Томского и Кузнецкого уездов во втором десятилетии XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2013. – № 374. – С. 98-101.
164. Контев А.В. Первый сибирский губернатор М.П. Гагарин и основание русской крепости на реке Омь // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – Тюмень, 2016. – Т. 2. – № 4. – С. 140-148.
165. Контев А.В. Формирование вооруженных сил на Иртышской пограничной линии в середине 1740-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2016. – № 4. – С. 51-56.
166. Контев А.В., Бородаев В.Б. Верхнее Обь-Иртышье на ойратской карте Джунгарии первой трети XVIII в. // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII-XX вв.: сб. мат. межд. науч. конф. / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 5-11.
167. Контев А.В., Контева О.Е. Административно-территориальные преобразования на юге Западной Сибири в 1780-1796 гг. и их отражение в картографических источниках // Известия Алтайского государственного

- университета. Сер.: история, политология. – Барнаул, 2012. – № 4. – Т. 2. – С. 126-130.
168. Контева О.Е. Становление и развитие системы управления кабинетским горнозаводским ведомством в Западной Сибири: 1745 – 1798 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Барнаулский гос. пед. ун-т. – Барнаул, 2005. – 284 с.
169. Контева О.Е., Контев А.В. Территория Алтайского края в общегражданской и ведомственных системах управления (XVIII в.) // История Алтайского края. XVIII – XX вв.: науч. и док. мат. / ред. колл. Т.К. Щеглова (отв. ред.), А.В. Контев. – Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2005. – С. 44-70.
170. Королев С.А. Российская граница как края пространства: генезис и типология // Россия и современный мир. – М., 2002. – № 2. – С. 18-19.
171. Красняков Н.И. Становление системы государственного управления в Сибири в XVIII - первой половине XIX вв.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Екатеринбург, 2004. – 205 с.
172. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / А.П. Окладников, Н. Н. Покровский, А. В. Дулов и др.; редкол.: А. П. Окладников (отв. ред.) и др. – Новосибирск: Наука Сиб. отд-ние, 1982. – 504 с.
173. Кудинов В.В. Теоретические подходы к определению понятия «государственная граница» // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного университета. – Ставрополь, 2016. – № 3. – С. 174-181.
174. Кулешов В.А. Наказы сибирским воеводам в XVII в.: исторический очерк. – 2-е изд. Болград: иждивением Г.В. Юдина, 1894. – 51 с.
175. Купченко К.В., Никитина Н.В. Смоленск в системе охраны государственной границы России в XVIII в. // Universum: Общественные науки: электронный научный журнал. – 2016. – № 7 (25).
176. Кусов В.С. Памятники отечественной картографии: учеб. пособ. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2003. – 146 с.

177. Кушнерик Р.А. Русско-Джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2006. – 23 с.
178. Кушнерик Р.А. Русско-Джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII вв.): монография / Алтайский гос. ун-т. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – 240 с.
179. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. В 4-х т. – Т. 1-4. – СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1858-1866.
180. Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв.: (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов) / М-во образования и науки РФ, Московский пед. гос. ун-т. – М.: МПГУ, 2012. – 320 с.
181. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / под ред. Н.А. Головина; пер. с нем. И.Д. Газиева. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.
182. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2015. – № 10. – С. 7-15.
183. Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для онаго отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имяна: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащих. – СПб.: Изд-во Акад. наук, 1760. – 136 с.
184. Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии в сентябре 1734 г. // История Сибири. Первоисточники. – Вып. VI: Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / изд. подготов. А.Х. Элерт; отв. ред. Н.Н. Покровский. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – С. 17-36.
185. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск: Новосиб, книжн. изд-во, 1986. – 184 с.

186. Миненко Н.А. Развитие феодальных отношений и генезис капитализма в Сибири (конец XVI – первая половина XIX в.: учеб. пособ. / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: РИО Новосиб. гос. ун-та, 1988. – 92 с.
187. Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1991. – 265 с.
188. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII – XIX вв.). – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского ун-та, 1996. – 400 с.
189. Модоров Н.С., Дацышен В.Г. Народы Саяно-Алтая и северо-западной Монголии в борьбе с Цинской агрессией. 1644 – 1758 гг. – Горно-Алтайск; Красноярск: б. и., 2009. – 90 с.
190. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории: учеб. пособ. для студ. вуз. – М.: Высшая школа, 1989. – 174 с.
191. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX в.: курс лекций. Вып. I: Кризис историзма. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2001. – 206 с.
192. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX в.: курс лекций. Вып. III: Историографическая революция. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2008. – 553 с.
193. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII – XVIII вв.) / отв. ред. К.А. Пищулина. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 238 с.
194. Моисеев В.А. Экспедиции И.Д. Бухгольца и И.М. Лихарева в верховья Иртыша и их влияние на русско-джунгарские отношения // Исследования по всеобщей истории и международным отношениям: межвуз. сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – С. 100-114.
195. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (очерки внешнеполитических отношений). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – 174 с.
196. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. – М.: Наука, 1983. – 149 с.

197. Муратова С.Р. Особенности развития торговли в пограничных крепостях на южной границе Западной Сибири в XVIII в. // Сибирский сборник: сб. ст. / отв. ред. Д.Н. Маслюженко, З.А. Тычинских. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – С. 71-87.
198. Муратова С.Р. На страже рубежей Сибири: строительство Сибирских укрепленных линий / Тобольский гос. пед. ин-т им. Д.И. Менделеева. – Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2007. – 174 с.
199. Муратова С. Р. На страже рубежей Сибири // Национальные культуры региона: научно-методический и репертуарно-информационный альманах / Ком. по делам национальностей Тюменской области; Дворец национальных культур «Строитель». – Тюмень: «Строитель», 2007. – Вып. 16. – С. 32-46.
200. Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 2007. – 241 с.
201. Муратова С.Р., Тычинских З.А. Служба казаков-годовальщиков на границах Западной Сибири в XVII – XVIII вв. (на примере служилых татар) // Современная наука. – М., 2011. – № 1. – С. 120-125.
202. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. / отв. ред. О.Н. Вилков, А.А. Преображенский; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск: Наука: Сиб. отделение, 1988. – 254 с.
203. Новлянская М.Г. И.К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи / под ред. А.И. Андреева. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 81 с.
204. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. – Ч. 1: Документы воеводского управления. – М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1895. – 433 с.
205. Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кемеровский гос. ин-т. – Свердловск, 1990. – 23 с.
206. Огурцов А.Ю. Иртышская пограничная линия // Кузнецкая старина. – Вып. 3. – Новокузнецк, 1999. – С. 19-35.

207. Огурцов А.Ю. Кузнецкий гарнизон // Кузнецкая крепость. – Новокузнецк, 2004. – № 1. – С. 11-12.
208. Огурцов А.Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2007. – Вып. 9. – С. 40-67.
209. Пелипась М.Я. Опыт использования идеи фронта в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири // Американские исследования в Сибири: сб. мат. конф. / Всерос. науч. конф. выпускников программы Фулбрайта «Американские идеи в гуманитар. исслед. ученых Сибири» (12-14 октября 2004 г., г. Томск). – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2005. – Вып. 8. – С. 16-23.
210. Пережогин А.А. Военно-горный строй на кабинетских предприятиях Западной Сибири (1747 - 1871 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2003. – 24 с.
211. Першин А.А., Шерстнев А.Д., Ярлыченко В.В. Теория государственных границ / под общ. ред. К.В. Тоцкого; Федер. погранич. служба Рос. Федерации. – М.: Граница, 2001. – 222 с.
212. Побережников И.В. Пространственные особенности российских модернизаций XVIII – XIX вв. // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – Екатеринбург, 2010. – №2-11. – С. 93-102.
213. Побережников И.В. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – Екатеринбург, 2011. – Т. 96. – №4. – С. 132-146.
214. Побережников И.В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.09 / Отделение истории Учр. РАН Инст. истории и археологии Уральского отделения РАН. – Екатеринбург, 2011. – 550 с.
215. Побережников И.В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.09 / Отделение истории Учр. РАН Инст. истории и археологии Уральского отделения РАН. – Екатеринбург, 2011. – 49 с.

216. Побережников И.В. Уральская академическая историческая школа: развитие теоретико-методологических основ модернизационных исследований // Историко-педагогические чтения. – Екатеринбург, 2015. – № 19-1. – С. 58-73.
217. Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII - начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы / под общ. ред. Б.В. Базарова; Российская акад. наук, Ин-т истории науки и техники им. С.И. Вавилова, Международный центр-музей им. Н.К. Рериха. – 2-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 364 с.
218. Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. – Новосибирск: б. и., 1933. – 202 с.
219. Пузанов В.Д. Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. – М., 2009. – №2. – С. 132-142.
220. Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Рос. Акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2010. – 49 с.
221. Пузанов В.Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). – Сургут: Таймер, 2011. – 233 с.
222. Пузанов В.Д. Беломестные казаки в Сибири в XVII – первой трети XVIII в. // Вопросы истории. – М., 2012. – № 10. – С. 71-86.
223. Пузанов В.Д. Русское государство, тюркское население и ойраты в Западной Сибири в первой трети XVII в. // Сибирский сборник: сб. ст. / отв. ред. Д.Н. Маслюженко, З.А. Тычинских. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – С. 121-135.
224. Пузанов В.Д. Военная служба нерегулярных частей Российской империи в Сибири в XVIII в. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – Шадринск, 2016. – № 4. – С. 60-67.
225. Пузанов В.Д. Командировки служилых людей города Тобольска в Томский разряд в XVII в. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – Шадринск, 2016. – № 2. – С. 150-156.

226. Рафиенко Л.С. Управление Сибирью в 20-80-е гг. XVIII в.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1968. – 22 с.
227. Рафиенко Л.С. Компетенция сибирского губернатора в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): сб. ст. памяти В.И. Шункова. – М.: Наука, 1973. – С. 364-380.
228. Рафиенко Л.С. Города Сибири в общей системе городского управления России в 40-70-х гг. XVIII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 59-68.
229. Рафиенко Л.С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв.: Избранное. – Новосибирск: Сова, 2006. – 301 с.
230. Резун Д.Я. Введение // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное: сб. ст. – Новосибирск: Изд-во РИПЭЛ плюс, 2005. – Вып. 4. – С. 3-7.
231. Резун Д.Я. Фронтир в изображении «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова 1701 г. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное: сб. ст. / отв. ред. Д.Я. Резун – Новосибирск: Изд-во РИПЭЛ плюс, 2002. – Вып. 2. – С. 16-29.
232. Резун Д.Я. Поход Бухгольца и Северная война // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII-XX веках: сб. мат. межд. науч. конф. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 30-34.
233. Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII – XXI в.: сб. науч. ст. – Иркутск: Пересвет, 2003. – С. 23-48.
234. Розен М.Ф. Верхняя Обь и Алтай на картах XVI–XIX вв. / Упр. арх. дела Администрации Алт. края. – Барнаул: Управление архивными делами Администрации Алтайского края, 1998. – 119 с.
235. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII – XX вв. / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2009. – 403 с.

236. Русские географические атласы. XVIII в.: сводный каталог / сост. Н.В. Лемус. – Л.: Гос. публ. б-ка им М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1961. – 243 с.
237. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Монография / отв. ред. Н.Е. Бекмаханова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжн. изд-ва, 1991. – 256 с.
238. Самаев Г.П. Присоединение Алтая к России (исторический обзор и документы). – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1996. – 120 с.
239. Самбуева Л.В. Наказные памяти как нормативно-правовой акт феодального права // История государства и права. – М., 2005. – № 7. – С. 10-12.
240. Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1975. – 80 с.: ил.
241. Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска) / ред. кол. В.Б. Бородаев, В.Н. Кутищев, Н.И. Разгон, А.А. Сафроненко, В.А. Скубневский, М.М. Филиппович; науч. ред. В.А. Моисеев. – 2-е изд., испр. и доп. – Барнаул: Издание управления архивного дела администрации Алтайского края, 2003. – 528 с.
242. Сибирь в составе Российской империи / авт. кол. И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев, А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова, В.П. Шахеров, М.В. Шиловский; отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.
243. Силина И.Г. К истории картографирования территории Алтайского края // История. Карта. Компьютер: сб. науч. ст. / под ред. В.Н. Владимирова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 114-135.
244. Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. завед. – 2-е изд. – М.: «Академия», 2008. – 272 с.
245. Соболева Т.Н., Афанасьев П.А., Кухаренко А.Е., Бобров Д.С. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.): монография. – Барнаул: Азбука, 2012. – 235 с.

246. Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронта // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: история, политология. – Барнаул, 2011. – № 4. – Т. 1. – С. 189-193.
247. Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): управление и обслуживание. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1997. – 258 с.
248. Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). – Новосибирск: Сова, 2004. – 212 с.
249. Соколовский И.Р. Участие служилых людей польско-литовского происхождения в присоединении и освоении Сибири в XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск, 2000. – 24 с.
250. Сотникова С.И. Источниковедение русских карт XVII – начала XX в.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.09 / Московск. гос. ист.-архив. ин-т. – М., 1990. – 383 с.
251. Спасский Г.И. Телеуты или белые калмыки // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. – СПб., 1821. – Ч. 13. – Кн. 10, 11.
252. Старкова Е.В. Проекты создания укрепленных линий в Верхнем Приобье в XVIII в. // Ползуновский альманах / гл. ред. В.В. Евстигнеев. – Барнаул, 2004. – № 2. – С. 98-113.
253. Тебаев Д.Б. Казахские жузы и российская политика на территории Степного края во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2009. – 189 с.
254. Тимохин Е.А. Законодательная основа деятельности служилых людей Западной Сибири: структура норм, взаимосвязь и механизм функционирования // Вестник Томского государственного университета. Серия: история. – Томск, 2012. – № 4(20). – С. 102-105.
255. Тишкин А.А. Белоярская крепость: новые результаты поиска // Алтай в истории российской государственности: материалы научно-практической конференции, Барнаул, 10 – 11 сентября 2012 г. / под ред. Е.В. Демчик, Ю.М. Гончарова. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2012. – С. 25-28.

256. Тулисов Е.С. Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских (с 1753 г.) и Оренбургских заводов – орган управления горнозаводской промышленностью Урала во второй половине XVIII в. // Каменный пояс на пороге III тысячелетия: мат. регион. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – С. 74-79.
257. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII – XVIII вв. / отв. ред. О.И. Вилков. – Новосибирск: Наука, 1980. – 296 с.
258. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII в. / отв. ред. О.Н. Вилков. В 2-х ч. – Ч. 1-2. – Барнаул: Барн. гос. пед. ин-т, 1995.
259. Уманский А.П. О телеутской миграции в Сибири в XVI – XIX вв. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: мат. Всерос. науч. конф. – Барнаул: Азбука, 1997. – С. 199-205.
260. Уманский А.П. Новые документы по истории классовой борьбы в Томске и Кузнецке во второй половине XVII – XVIII вв. // Города Алтая эпохи феодализма и капитализма: межвуз. сб. науч. ст. / ред. колл. А.П. Бородавкин, В.А. Скубневский, Ю.С. Булыгин (отв. ред.) – Барнаул: Алтайский государственный университет, 1986. – С. 24-42.
261. Уманский А.П. Кузнецк и Алтайские остроги // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1999. – Вып. 3. – С. 3-17.
262. Уманский А.П. Указная грамота Петра Великого о сооружении Бикатунского острога // Алтайский сборник. – Барнаул, 1995. – Вып. XVI. – С. 181-189.
263. Усков И.Ю. Город Кузнецк в XVIII в.: организация местного управления и структура населения // V Исторические чтения Томского государственного педагогического университета. – Томск: Изд-во Томского гос. педагогического университета, 2014. – С. 19-26.
264. Фальк И.П. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению её президента, с прим., изъясн. и доп. – Т. 6. Записки путешествия академика Фалька / пер. с нем. П. Петрова. – СПб.: Императорская Академия наук, 1824. – 546 с.

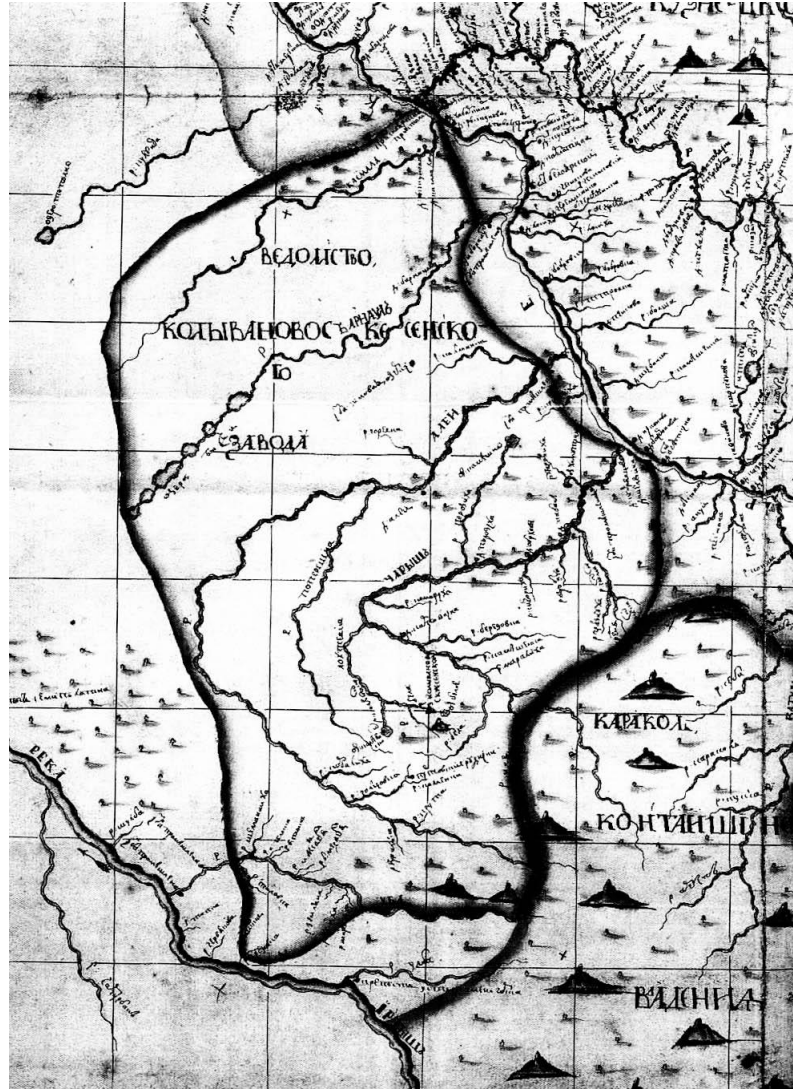
265. Фель С.Е. Петровские геодезисты и их участие в создании русской картографии // Вопросы географии. История географических знаний – М.: Изд-во геогр. общ., 1950. – Вып. 17. – С. 5-22.
266. Фриман Л. История крепости в России. – Ч. 1: До начала XIX столетия. – СПб.: изд. авт., 1895. – 239 с.
267. Хромых А.С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. – Вып. 23. – Челябинск, 2008. – №5(106). – С. 106-112.
268. Чирейкин М.К. «Скаски» сибирских землепроходцев в литературном процессе XVII в.: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.01 / Томский гос. ун-т. – Томск, 2001. – 18 с.
269. Чурсина А.А. Изменение сословного статуса служилых людей Западной Сибири и их потомков в процессе хозяйственной деятельности: на материалах Томского и Кузнецкого уездов: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Томский гос. ун-т. – Томск, 2012. – 23 с.
270. Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 2000. – 190 с.
271. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 312 с.
272. Шерстова Л.И. Горный Алтай в XVI – XX вв.: джунгарское этнокультурное наследие // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации: мат. Межд. науч. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. пед. академ., 2012. – С. 238-245.
273. Шерстова Л.И. Этнокультурные общности Горного Алтая в XVII – XVIII вв.: этническая идентичность в историческом контексте // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2015. – № 395. – С. 142-146.

274. Шиловский М.В. Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв. общее и особенное. – Вып.3. Новосибирск: Параллель, 2003. – С. 101-118.
275. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – 229 с.
276. Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History // The Annual report of the American Historical Association. 1893. – P. 199-227.
277. Turner F.J. The significance of the Frontier in American history and other essays. – New Haven: Yale University Press, 1994. – 195 p.
278. Turner F.J. The Frontier in American History. – N.Y., 1920. – 334 p.

Приложения

Приложение I.

Фрагмент карты Томского и Кузнецкого уездов 1736 г.

Источник: РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Д. 141, 142.

Фрагмент Генеральной карты Российской империи 1745 г. с изображением района
Верхнего Обь-Иртышья (Алтая)

Источник: Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт. СПб., 1745. Л. 17; РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Атласы Российского государства. Д. 2. Л. 17; Карты генеральные Российского государства. Д. 3.

Фрагмент рукописной карты Сибири С.У. Ремезова (конец 10-х гг. XVIII в.)

Источник: ГИМ. Отдел картографии. ГО – 3283.

Фрагмент Генеральной карты Российской империи из Атласа И.К. Кирилова
с изображением Верхнего Обь-Иртышья (Алтая)

Источник: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты генеральные Российского государства.
Д. 2.

Фрагмент «Чертежа грани Томского города с уездами» из Хорографической
чертежной книги Сибири

Источник: Хорографическая чертежная книга Сибири: Факсимиле рукописи 1697 – 1711 гг. Тобольск, 2013. Л. 168.

Фрагмент «Чертежа земли Томского города» из Чертежной книги Сибири

С.У. Ремезова

Источник: Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.: в 2 т. М., 2003. Т. 1: Факсимиле рукописи из собрания Российской государственной библиотеки. Л. 23об.-24.